

Chicken Soup
for the Soul.

КУРИНЫЙ БУЛЬОН *для души*

101 ИСТОРИЯ О ЧУДЕСАХ

надежде, вере
и услышанных молитвах

БОЛЕЕ
500 000 000
ПРОДАННЫХ
КНИГ

ДЖЕК КЭНФИЛД, МАРК ВИКТОР ХАНСЕН, ЛИЭНН ТИМАН

Annotation

Реальные истории героев этого сборника доказывают: самые безвыходные ситуации могут разрешиться совершенно чудесным образом, а молитвы обязательно будут услышаны, если в сердце есть место для надежды и веры.

Пассажир на борту падающего самолета становится свидетелем «Чуда на Гудзоне». «Бесплодная» женщина рождает 4 здоровых детей. Девушка отдает последний доллар бедным... и получает на счет 100 долларов неизвестно откуда. Эти и другие 98 поразительных историй, от которых вы не сможете оторваться.

- [Джек Кэнфилд, Марк Хансен, Лиэнн Тиман](#)
 -
 - [Вступление](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Желтая бабочка](#)
 - [Преображение на сцене](#)
 - [Каким было твоё перышко?](#)
 - [Горчичное зерно](#)
 - [Распятие](#)
 - [Ангел на снегу](#)
 - [Агнец](#)
 - [Чудо Бонни](#)
 - [Ловля радужной форели](#)
 - [Воздушные шары надежды](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Сарафина](#)
 - [Бородавки и прочее](#)
 - [Отец Дамиан](#)
 - [Пять недель жизни](#)
 - [Сердечные проблемы](#)
 - [Чудесная девочка взаймы](#)
 - [Малютка Лорен](#)
 - [Руки наших друзей](#)
 - [Пустая палата](#)
 - [В ловушке под надгробным камнем](#)

- [Сотворение Джейкоба](#)
- [Глава 3](#)
 - [От Сары с любовью](#)
 - [Розы для невесты](#)
 - [Знак любви](#)
 - [Евангелие от Луки, глава 16](#)
 - [Кладбищенские шутки](#)
 - [Золотой дар](#)
 - [Джордж](#)
 - [Снимок с той стороны](#)
 - [Любовь не умирает](#)
 - [Мамина музыка](#)
 - [Услышь ангельские голоса](#)
- [Глава 4](#)
 - [Все в порядке, Марша](#)
 - [Верь](#)
 - [Божественная доставка](#)
 - [Сын плотника](#)
 - [Тыквенный пирог](#)
 - [Облака](#)
 - [Ты видела этого мальчика?](#)
 - [Брат и сестра](#)
- [Глава 5](#)
 - [Из тьмы](#)
 - [Сюрприз Малахии](#)
 - [Наперегонки со смертью](#)
 - [Во сто крат](#)
 - [Ты не одна](#)
 - [Спасение в Гималаях](#)
 - [Подарок на годовщину](#)
 - [Авария](#)
 - [Дожить до Пасхи](#)
 - [Материнский язык](#)
 - [Большая посылка](#)
 - [Второй шанс](#)
 - [Еще пять минут...](#)
 - [Над бездной](#)
- [Глава 6](#)
 - [Что случилось на Гудзоне](#)

- [Моя новая мебель](#)
- [Живое свидетельство](#)
- [Топливо веры](#)
- [Варежка](#)
- [Бегство из ада](#)
- [Не забывай молиться](#)
- [Ночные встречи](#)
- [Цикл полной покорности](#)
- [311 долларов](#)
- [Руфь и Ноеминь](#)
- [Дорога домой](#)
- [Сила подчинения](#)
- [Глава 7](#)
 - [Все выше и выше](#)
 - [Праздничный ужин](#)
 - [На глубине](#)
 - [Безымянная могила](#)
 - [Воины Господни](#)
 - [Четвероногий хранитель](#)
 - [Парковая скамейка](#)
 - [Сторож брату моему](#)
 - [Человек дождя](#)
 - [В холодную зимнюю ночь](#)
 - [Ангел свиной отбивной](#)
 - [Ураган Аик](#)
- [Глава 8](#)
 - [Повседневные чудеса](#)
 - [Неожиданные мелочи](#)
 - [Сколько стоит пенни](#)
 - [Двадцатки на ветру](#)
 - [Молочный кувшин](#)
 - [Быстрый ответ](#)
 - [Чудо из автомата](#)
 - [Особенное имя](#)
 - [Мой ангел Карло](#)
 - [Терри](#)
- [Глава 9](#)
 - [На самом дне](#)
 - [Так не бывает!](#)

- [Рождество в Швейцарии](#)
 - [Зачем я здесь?](#)
 - [Сосед](#)
 - [Дождь из роз](#)
 - [Заколдованный браслет](#)
 - [Находка в горах Шотландии](#)
 - [Фил и Луи](#)
 - [Я сделаю тьму светом](#)
 - [Телефонный звонок](#)
 - [Фамильное сходство](#)
 - [Познакомьтесь с нашими соавторами](#)
 - [Познакомьтесь с нашими создателями](#)
 - [Благодарности](#)
 - [О серии «Куриный бульон для души»](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
-

**Джек Кэнфилд, Марк Хансен, Лиэнн
Тиман**
**Куриный бульон для души: 101 история о
чудесах (сборник)**

© Chicken Soup for the Soul

A Book of Miracles

101 True Stories of Healing, Faith, Divine Intervention, and
Answered Prayers

This edition published under arrangement with Chicken Soup for
the Soul Publishing, LLC, PO Box 700, Cos Cob CT 06807-0700
USA. Copyright © 2010 by Chicken Soup for the Soul Publishing,
LLC. All Rights Reserved

No part of this publication may be reproduced, stored in a
retrieval system or transmitted in any form or by any means,
electronic, mechanical, photocopying, recording or otherwise, without
the written permission of the publisher. CSS, Chicken Soup for the
Soul, and its Logo and Marks are trademarks of Chicken Soup for the
Soul Publishing LLC.

Russian Language rights handled by Nova Littera SIA, Moscow
in conjunction with Montreal-Contacts/The Rights Agency

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может
быть скопирована, воспроизведена в электронной или
механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ,
репродукции или каким-либо иным способом, а также
использована в любой информационной системе без получения
разрешения от издателя. CSS, Chicken Soup for the Soul, и
логотипы являются торговыми марками Chicken Soup for the Soul
Publishing LLC.

Мельник Э., перевод на русский язык, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Вступление

Однажды моя мать задала пастору вопрос: «В Ветхом Завете столько историй о чудесах, совершенных Богом. Иисус тоже совершил десятки чудес. Почему же Бог не творит их сегодня?»

Пастор ответил: «Он творит их каждый день, но мы не замечаем их, отмахиваемся, объясняем их научными причинами или «совпадением».

Прочитав почти три тысячи историй, присланных для этого сборника, я больше не сомневаюсь, что «совпадений» не бывает. Одни люди повествуют о чудесных исцелениях, о видениях ангелов или самого Бога, другие рассказывают о «повседневных чудесах», которые кто-то на их месте мог бы просто «объяснить и забыть».

Пытаясь «объяснить» чудеса с помощью науки, химии или простых совпадений, мы не воздаем должное их истинному Творцу. Ведь это Бог говорит с нами, показывает нам путь, благословляет нас.

Пожалуй, права была моя бабушка, когда говорила, что лучшее доказательство чуда – прорастание семени и биение сердца.

Бог творит чудеса каждый день. Надеюсь, познакомившись с этими историями, вы начнете замечать их и в своей жизни. Когда в следующий раз вы увидите «своевременную» радугу, бабочку, монетку или птицу, поблагодарите за них Того, кого следует благодарить.

Поднимите глаза к небесам, улыбнитесь и воздайте Богу должное за Его чудеса.

Лиэнн Тиман

Глава 1

Знаки свыше

Еще сказал ему Господь... Если они не поверят тебе и не послушают голоса первого знамения, то поверят голосу знамения другого.

Исход, 4:6–8

Желтая бабочка

*Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься?
Уповай на Бога, ибо я буду еще славить Его.*

Псалтирь, 42:5

В детстве моей самой большой мечтой было стать мамой. Я всегда говорила, что хочу иметь четверых детей – двоих мальчиков и двоих девочек. Когда я стала взрослой, моя мечта исполнилась – и это было благословение! Глядя, как дети играют во дворе, я не раз ловила себя на мысли, какое счастье мне даровано, и не переставала удивляться, что все они – мои.

Как и многих матерей, меня преследовал страх, что с кем-то из детей случится беда. Увы, этот ужас стал реальностью.

Это произошло в июне. Когда раздался стук в дверь и муж вошел, чтобы сообщить мне страшное известие, ему не пришлось ничего говорить. Я все поняла, едва взглянув ему в глаза. Нашего старшего сына, четырнадцатилетнего Джоша, насмерть сбила машина.

Последующие дни и годы, когда мы пытались понять, как жить без него, казалось, слиплись в один вязкий ком.

Через пару лет прекрасным весенним днем мы с моей дочерью Челси отправились на рыбалку. Это было наше любимое занятие, и мы всегда с нетерпением ждали тепла. Запах свежескошенной травы наполнял воздух, всюду цвели нарциссы. Все вокруг, казалось, возвращалось к жизни, включая нас самих, – пусть всего на один день.

Мы взяли ведра и удочки, перелезли через старую изгородь и направились по полю к ручью. Я оглянулась на Челси и увидела, что вокруг нее танцуют белые бабочки – не меньше трех десятков. Это было такое волшебное зрелище, что я невольно подумала: может быть, это Джош посылает нам весточку оттуда, где он сейчас! Я мысленно обратилась к нему: «Джош, если ты меня слышишь, пожалуйста, пошли нам желтую бабочку».

Я дождалась, пока дочь меня нагонит, и сказала ей:

– Если увидишь желтую бабочку, это будет означать, что Джош с нами.

Она удивилась:

– Откуда ты знаешь?

– Я попросила его послать нам такую бабочку, если он здесь.

А потом мы обе одновременно воскликнули:

– Джош, пожалуйста, пошли нам желтую бабочку, чтобы мы наверняка знали, что ты с нами!

– Боже, пожалуйста, пусть Джош пошлет нам желтую бабочку!

И вдруг, откуда ни возьмись, большая желтая бабочка с круглыми крылышками пролетела прямо перед моим лицом – буквально в считанных сантиметрах! Мы изумленно раскрыли рты, взглянули друг на друга – а когда снова повернулись к бабочке, она уже исчезла. Мы больше ее не видели, но это было неважно. Мы уже получили ответ, которого ждали. С непередаваемым чувством покоя в душе мы шли дальше к ручью, повторяя:

– Ну что, Джош, пойдём на рыбалку!

Дебора Дерозье

Преображение на сцене

Надейся на Господа всем сердцем твоим и не полагайся на разум твой.

Притчи, 3:5

В детстве я мечтала стать артисткой, научиться петь, танцевать и играть на сцене. Но по иронии судьбы я родилась с увечьем, а в десять лет заболела полиомиелитом, поэтому о танцах пришлось забыть. Пела я настолько «мимо нот», что окружающие морщились и затыкали уши.

Постепенно мою бурную энергию и любовь к изящным искусствам сменила неуверенность в себе. Несбывшиеся детские мечты и молитвы были упакованы в коробку и засунуты на пыльную дальнюю полку.

Пятьдесят лет спустя, когда мне удалось избавиться от множественных проблем со здоровьем и самооценкой, моя задавленная «гусеница творчества» вновь вылезла на свет. Я даже согласилась занять пост режиссера-постановщика театральной программы в нашей церкви.

Приближался мой пятьдесят шестой день рождения, и друзья позвали меня на ежегодный семинар христианских артистов в Скалистых горах. Тысячи людей собирались там на конкурсы, учебные курсы и развлекательные программы с участием самых востребованных знаменитостей.

Я обрадовалась: это была редкая возможность поучиться у опытных профессионалов театра. Но имелось одно серьезное препятствие – у меня не было денег на поездку.

Я взмолилась: «Господи, если будет на то воля Твоя, чтобы я больше узнала об искусстве в церкви, я должна получить финансовую поддержку».

И за одну неделю у меня оказались поступления, которых хватило на оплату всех расходов!

Я благодарно опустилась на колени: «Боже, я потрясена Твоей щедростью! И раз уж Ты открыл мне эту дверь, каков Твой план?»

Я оказалась не готова к мгновенному ответу, который восприняла разумом: «Танцуй для Меня». Громким эхом в моем сердце отозвалось: «Танцуй для Меня на конкурсе».

Я была в замешательстве. Мои робкие танцевальные опыты не выходили за пределы моей гостиной. Мысль о том, чтобы танцевать на

публике, учитывая мой возраст и габариты, казалась просто смешной.

«Я очень хочу быть послушной Тебе, Господи, но не понимаю Тебя».

Но углубленные молитвы и самоанализ вдохновили меня на занятия танцами. И вот я прилетела в Колорадо. Пейзаж парка Эстес напоминал живописную брошюру для туристов с изображениями сверкающих озер и пахнущих смолой сосен. Это был настоящий райский уголок.

Утром я с опаской предстала перед своими соперниками по танцевальному конкурсу. Большинство из них были подростками. Наблюдая, как они разминаются, я понимала: они так талантливы, что, наверное, начали танцевать чуть ли не с рождения. Одетые в красивые трико танцоры отрабатывали замысловатые движения, о существовании которых я и не догадывалась. Рай начал превращаться в кошмар.

Четверо судей были профессиональными танцовщиками.

После выступления каждого из нас ждали три минуты конструктивной критики. Я была как на иголках, дожидаясь своей очереди, одетая в импровизированный костюм из старых бежевых тюлевых занавесок.

Когда объявили мое имя, я робко выступила вперед, безуспешно пытаюсь спрятать от взглядов свое пятидесятилетнее тело. «Что я здесь делаю, Господи? – внутренне возопила я. – Мне придется очень постараться, чтобы наступить на свою гордость и танцевать для Тебя на публике».

Раздалась выбранная мною музыка. Я исполнила свой танец.

Женщина, возглавлявшая жюри, поднялась с места. Я напряглась, готовясь выслушать оценку. Пауза показалась мне вечностью. От молчания судьи у меня звенело в ушах. Наконец она прошептала:

– Нет слов!..

Нет слов?! Ей нечего сказать – так безнадежно жалко выглядела старуха на сцене? Неужели судьи не отдадут должное хотя бы моему мужеству и стараниям?

Мое лицо стало пунцовым от унижения, я опустила голову и в отчаянии бросилась прочь со сцены.

Участники соревнований должны были посещать все танцевальные занятия, чтобы быть допущенными к конкурсу. Это меня очень расстроило. Уроки танца и театральные семинары проходили одновременно. Я хотела сделать то, о чем просил меня Бог, но это доставляло все больше неудобств.

Заливаясь слезами разочарования, я решила, что лучше будет отказаться от танцевального конкурса, который теперь казался ребяческой блажью. Тогда у меня было бы время посещать театральные тренировки. Я надеялась, что Бог поймет: порой то, чего Он от нас ждет, оказывается

слишком трудным и требует непомерных жертв.

И снова просьба, уже более настойчивая, прозвучала в моем сознании: «Танцуй для Меня».

Борясь с собой, я подчинилась.

Участие в обязательных танцевальных занятиях не только заставляло меня трудиться на пределе возможностей, но и ложилось тяжелой нагрузкой на организм. Мышцы, которыми я не пользовалась годами, грозили полностью отказать.

В полуобморочном от усталости состоянии я плюхнулась на свое место после выступления на концерте. Но когда ведущий объявил финалистов конкурса, я чуть не подскочила... Мое имя! Это что, ошибка – или чудо? Неважно! Теперь я могла сказать всем, кто дарил мне финансовую помощь, молитвы и моральную поддержку, что их вера в меня не напрасна.

Перед финальным состязанием мое сердце переполнилось благодарностью: «Спасибо Тебе, Господи, за то, что ответил на мои молитвы! Впервые в жизни я чувствую себя настоящей танцовщицей. Могу ли я еще что-нибудь для Тебя сделать?»

Все мое существо наполнил мгновенный ответ: «Танцуй для Меня – без парика».

Я сжалась, словно укушенная гремучей змеей. «Я чувствую себя голой без парика, Господи! Я не могу это сделать. Проси чего угодно, но, пожалуйста, не требуй от меня этого!»

Я носила парик семнадцать лет. Операция по удалению раковой опухоли и сердечные приступы в 1980-х привели к тому, что мои густые кудрявые волосы выпадали клочьями. После них выросли реденькие пепельные прямые волоски, которые трудно было назвать иначе, как позорищем. Мысль о том, чтобы показаться людям на глаза без «защитного кокона», парализовала меня страхом.

Меня охватила настоящая паника, и я не понимала, зачем Богу вздумалось требовать от меня невозможного.

«Веруй в Господа всем своим сердцем и не полагайся на собственное понимание», – мелькнуло в моих мыслях. Я хотела верить, хотела быть покорной, но все во мне протестовало.

В конце концов я подчинилась. Я принесла Богу самые трудные для меня дары: послушание, покорность и доверие. Я вернусь домой преображенной, победительницей, каков бы ни был результат конкурса. Я стащила с головы парик и в «обнаженном смирении» отправилась на финальные соревнования.

Когда выступления завершились, я испытала огромное чувство облегчения и про себя объявила свой долг выполненным. Я отдала все, что могла. На этот раз я выходила из аудитории с гордо поднятой головой.

Глава жюри подошла ко мне:

– Мне очень нравится ваша новая стрижка, Би-Джей. И вы отлично выступили.

Я благодарно улыбнулась.

– Мне выпала честь сообщить вам, что судьи единодушно назвали вас победительницей танцевального конкурса! – продолжала она.

Онемев от изумления, я только и подумала: «Чаша моя переполнена. Спасибо Тебе, Господи, за чудеса!»

– К тому же вам присужден гран-при победителя всех художественных конкурсов. Сегодня вечером вы будете танцевать на центральной сцене во время заключительной церемонии, – закончила глава жюри.

Слезы хлынули из моих глаз. Бог сотворил чудо, чтобы ответить на молитвы увечного ребенка, которому медведь наступил на ухо! Он вознаградил мое послушание и мужество, и награда эта превзошла все мои самые смелые мечты.

В тот вечер раскрепощенная бабулька с торчащими седыми пучками волос предстала перед 600 конкурсантами и 3000 зрителей, чтобы свидетельствовать своим танцем, как можно подняться над жизненными обстоятельствами и ограничениями.

Какое это невероятное переживание – взобраться на вершину горы!

Би-Джей Йенсен

Каким было твоё перышко?

Что за сила у меня, чтобы надеяться мне? И какой конец, чтобы длить мне жизнь мою?

Иов, 6:11

Я закрыла кран в кухне и наклонила голову, прислушиваясь к звукам телевизора. Тема сегодняшнего ток-шоу звучала так: «Каким было твоё перышко?» – и я, занимаясь хозяйственными делами в кухне отцовского дома, слышала грохот аплодисментов и вступительный монолог ведущего. С тех пор как умерла моя мать, я ежедневно приходила сюда после работы, чтобы готовить, убирать и помогать постаревшему отцу и брату-инвалиду. Вечером то же самое повторялось у меня дома. Сказать, что я уставала, – значит не сказать ничего. Поэтому я решила выйти из кухни, посмотреть программу и хоть немного отдохнуть.

Гостья, женщина средних лет, муж которой умер после недолгой борьбы с раком, рассказывала, что случилось через несколько месяцев после его смерти. Она шла по дорожке в одном из своих любимых мест – в парке, где они с мужем когда-то ежедневно гуляли вместе. Её скорбь была так глубока, что она взмолилась о знаке, который дал бы ей понять, что муж любит её и продолжает о ней заботиться. Опустившись на скамейку и уронив лицо в ладони, она залилась слезами. В тот момент белое перышко слетело с небес и мягко приземлилось у её ног. Она подняла его и, изумленная тем, что на её мольбу ответили, принесла этот ниспосланный свыше знак домой, вставила в рамку и хранила в своей гостиной как напоминание о любви мужа.

«Какая сентиментальщина! – мысленно фыркнула я. – Это просто совпадение. Ничего больше».

Женщина написала ведущему ток-шоу о кончине мужа, о своём скорбном пути и о поразительном происшествии с перышком. Редакторов программы так растрогала эта история, что они прислали строительную бригаду, чтобы бесплатно сделать ремонт у неё в гостиной. Перо в рамке должно было стать центральным элементом декора. Была показана видеозапись ремонта, и аудитория приветствовала её одобрительными возгласами.

Затем участников программы попросили поделиться собственными

«историями с перышками», и начался настоящий парад рассказов. Люди говорили о посмертных стихах, необычных записках, фотографиях, которые символизировали ушедшую любовь. Каждый такой предмет занимал особое место в их пути через скорбь к исцелению. Ведущий призвал всех телезрителей вспомнить о своем «перышке», пока будет идти реклама.

Я устало поднялась с места и вернулась в кухню к своим обязанностям. Измученная усталостью, я в какой-то момент горько посетовала, что ко мне на дом почему-то никого не присылают, чтобы перестирать груды белья или купить продукты. Я обдумывала предложение ведущего программы – вспомнить мое собственное «перышко».

Мое перышко? Ничего похожего. После того как я была сиделкой при матери все пять лет, которые врачи называли ее «последними стадиями», у меня не осталось никаких перышек. Только ужасные воспоминания о вечерних и ночных звонках, после которых мы сломя голову мчались в отделение неотложной помощи; о бесконечных часах, проведенных в кабинетах врачей, и о непонятных медицинских объяснениях. А теперь, при всех добавившихся обязанностях перед близкими, у меня не было даже минутки, чтобы перевести дух.

Жалость к себе росла, пока я вспоминала, какая любовь связывала нас с матерью. Мы искренне наслаждались обществом друг друга и даже несколько раз ездили вдвоем в отпуск. Мы были ближе, думала я, чем большинство знакомых мне матерей и дочерей. Но когда мне пришло время заводить семью и жить своей жизнью, ей хватило силы воли, чтобы отпустить меня.

После того как я вышла замуж, мы не отдалились друг от друга. Мы каждый день говорили по телефону и часто встречались за обедом, поглощая бургеры и картошку фри под беседы «о своем, о девичьем». Мы оставались друг для друга источником силы. Она помогла мне не сорваться, когда ближе к тридцатилетию меня охватил страх перед раком, а я была рядом все долгие годы ее болезни. В те последние дни она всегда гладила меня по руке, когда я уезжала домой. «Помни, – говорила она, – не надо никаких сожалений, когда я уйду. Мы прекрасно провели вместе время здесь, на Земле».

В тот вечер, возвращаясь домой, я сетовала на эти воспоминания, и плохие, и хорошие. Разве мне не положено перышко? После всего, что пережили мы с матерью, я тоже заслужила весточку, которая приободрила бы меня и стала подтверждением любви из того мира. Слезы текли по моим щекам.

Я приехала домой, припарковала машину, вытерла глаза и сделала глубокий вдох. Потом медленно, с опущенной головой, пошла по дорожке к дому. Поднявшись на крыльцо, я застыла в изумлении. На верхней ступеньке лежало безупречно белое перышко.

Моника Андерманн

Горчичное зерно

Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «Перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас.

Евангелие от Матфея, 17:20

Я никогда не думала, что буду молодой матерью серьезно больного ребенка и мы окажемся в известной на весь мир педиатрической и исследовательской клинике. Но ведь на это ни один родитель не рассчитывает, верно?

Как и многие попавшие туда семьи, мы утешались тем, что персонал заботлив и внимателен, а родственникам пациентов выделяется место, где можно жить вместе с другими детьми. Задача этой больницы – находить средства исцеления и продлевать жизнь. И такие чудеса там действительно случались. Были и другие чудеса, часто невидимые для взрослых, но с благодарностью принимаемые детьми.

Однажды мне захотелось поговорить по душам с другой молодой матерью, оказавшейся в похожей ситуации. Наши здоровые дети играли в специально отведенной палате, в то время как их больные братья и сестры проходили лечебные процедуры. Я сказала своей собеседнице:

– Как хорошо пообщаться, когда нас не слушают маленькие ушки!

Это было такое облегчение – поделиться тревогами и словами поддержки с родственной душой! Вскоре мы углубились в дискуссию о «вере с горчичное зерно» и о том, что сказал в Писании Иисус: «Истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «Перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Матфей, 17:20).

Мою новую подругу прервал на середине фразы ее здоровый сын-дошкольник, который буквально влетел в распашную дверь. Он улыбался до ушей, протягивая матери маленькую баночку. Мальчик еще не умел читать, а мы обе не поверили своим глазам, увидев на ярлычке надпись: «Горчичное семя».

– Мэтью, где ты это взял? – спросила мать.

– Большой мальчик-ангел велел мне отдать ее тебе!

Мы обе застыли с раскрытыми ртами. Мое сердце охватила

неописуемая радость.

Мэтью привел нас в пустое помещение, где видел «большого мальчика-ангела» на настенной фреске из отпечатков ладоней детей, в разные годы лечившихся в клинике. Нас пробрала дрожь. Глядя на отпечатки, под каждым из которых были указаны имя, дата и диагноз, мы не могли не задуматься: может быть, ладонь нашего ангела тоже где-то здесь, на этой стене?

По дороге к лифту мы обсуждали невероятные совпадения: явление ангела, горчичные зерна, цитату из Евангелия от Матфея и послание, врученное маленькому сыну моей собеседницы, которого по странному совпадению тоже звали Матфеем – Мэтью.

Мы взглянули друг на друга и, не сговариваясь, вымолвили: «Вы действительно думаете...»

Дверцы пустого лифта разъехались, и мы едва поверили в то, что увидели, войдя внутрь: маленькие белые перышки парили в воздухе вокруг нас. Их прикосновение вызвало удивленные улыбки на наших лицах и коснулось наших душ обещанием.

Были ли то ангельские перышки? Это ведомо одним небесам.

Единственное, что мы знали наверняка, – что и лифт, и наши надежды могут двигаться только в одном направлении – вверх!

Лиза Доленски со слов Патрисии Моррис

Распятие

Тебе дано видеть [это], чтобы ты знал, что [только] Господь есть Бог, [и] нет еще кроме Его.

Второзаконие, 4:35

На протяжении столетий в мире звучали рассказы о божественных знамениях вроде плачущих мраморных статуй Богоматери, видений Христа в облаках небесных и даже явления св. Марии или ее Сына во время религиозных празднеств. Эти события, когда они подлинны, – не что иное, как современное чудо. Сотни людей свидетельствуют об исцелении и сверхъестественных переживаниях при посещении мест, где происходили такие явления. Но искренне желая верить, что за этими посланиями стоит сам Бог, я все же не мог отделаться от скепсиса.

Мы выросли в христианской семье в Делавэре и ходили в церковь каждое воскресенье. Мы повторяли Никейский символ веры^[1] и подходили к святому причастию. В нашем доме было немало религиозных предметов: портреты, распятия и поразительное скульптурное изображение Христа, которое висело в спальне моих родителей. Это был подарок бабушки со стороны отца.

В детстве мы с братом делили на двоих маленькую спальню. Дощатые стены из сучковатой сосновой «вагонки» создавали иллюзию лесной хижины у теплого озера. Мы спали на двухъярусной койке, какие бывают в бараках. Наверху, у моего изголовья, где я так часто молился в темноте и искал лик Божий после ночного кошмара, висело позолоченное распятие. К медному кресту было припаяно изломанное тело страдающего Спасителя с головой, увенчанной веточками крохотных терниев. Это было чудесное произведение искусства, подаренное мне по случаю конфирмации в 12 лет. Мы повесили его на стену и – увы! – просто забыли о нем. Порой мы с братом вспоминали, что надо стереть пыль с Иисуса, но в основном он оставался незаметным предметом обстановки.

Годы спустя, когда я окончил колледж и получил свою первую должность в банковской системе, родители сказали, что пора мне «забрать свои вещи». Я приехал к их дому свежим осенним вечером. Меня встретили многочисленные коробки с сувенирами, памятными вещами, фотоальбомами, альманахами, старыми игрушками и разной дребеденью.

Мы с удовольствием рылись в них, дорожа каждым воспоминанием. Мое сердце сжалось от непонятной ностальгии. И тут из спальни, которая некогда была нашей общей, вышел мой брат.

– Слушай, пока ты не уехал... тебе нужен тот крест на стене? Я совершенно уверен, что он твой, а не мой.

– Ладно, давай посмотрим, – отозвался я, пытаюсь вспомнить, о чем речь.

С годами я стал еще больше доверять Иисусу Христу. Забрать это забытое сокровище и принести его в свой новый дом – для меня это было поступком истинной веры.

Я снял распятие со стены, держа запылившуюся металлическую фигурку осторожно и уважительно. Символ креста стал сердцем моей веры, и я преисполнялся почтения всякий раз, как видел его. Я не мог не подумать о том, какую мучительную боль и страдания Сын Божий претерпел за меня. Эта мысль заставила меня содрогнуться.

А потом меня бросило в дрожь от другого.

На том месте, где висело распятие, на сосновой доске осталось пятно – длинный потек. Оно было темно-вишневого цвета и слегка поблескивало, как влажное. Оно напоминало кровь.

Я прикоснулся к пятну, которое тянулось почти до пола. Его необычность бросалась в глаза, словно под светом прожектора. Ни на одной другой доске в комнате не было ничего похожего – только на этой панели.

Озадаченный, я вновь повесил распятие на стену, ища логическое объяснение. Должно же оно существовать! Возможно, думал я, саморез, на который повесили распятие, расщепил дерево, и это привело к возникновению пятна.

Но начало потека приходилось на то место, где пробитая гвоздем рука Христа прилегалась к перекладине креста, в нескольких сантиметрах от проверченной саморезом дырочки.

Этот эпизод поначалу вверг меня в ужас, но потом мое настроение изменилось. Меня захлестнула буря эмоций. Я смотрел то на отмеченное скорбью лицо Спасителя, то на кровавый потек на стене спальни, и на мои глаза навернулись слезы.

Брат утвердительно кивнул:

– Это чудо.

И родители с ним согласились.

Прошли годы, а пятно остается на том же месте – вечная особенность той панели из соснового дерева. Распятие висит у меня дома. Я беру его с

собой, когда еду к родителям, чтобы еще раз удостовериться в том чуде.

Теперь я – истинный верующий. Я верю, что Он общается с нами сверхъестественными способами – через плачущие статуи, через видения Христа в облаках и даже через простое распятие, висящее в спальне обычного мальчишки.

Дэвид Майкл Смит

Ангел на снегу

Вот, Я посылаю пред тобою Ангела хранить тебя на пути и ввести тебя в то место, которое Я приготовил.

Исход, 23:20

Я ощутила вибрацию сотового телефона в кармане и едва разобрала взволнованные слова:

– Это изумительно и так таинственно! Понять не могу, как он туда попал!

– Кто и куда попал, Кэти? О чем ты говоришь?

– Об ангеле! Под окном спальни Келли на снегу нарисован ангел! Он дует в рожок, и у него развеваются одежды. Как будто ребенок нарисовал его палочкой или еще чем-то. Прямо в середине большого холма на нашем заднем дворе. Но как он мог там оказаться? Вокруг нет никаких следов!

В тот же день я поднималась в гору знакомой дорогой, чтобы навестить подругу. Я объяснила двум своим сыновьям цель этой поездки. Они привыкли ездить со мной в гости к Кэти и ее маленькой дочери Келли, у которой был неизлечимый рак мозга. Она вела непосильную битву с болезнью, и ей оставались считанные дни до ухода с Земли.

С девочкой уже случилось одно чудо. Ствол ее головного мозга разрушился, оставив ребенка в вегетативном состоянии. Врачи объявили клиническую смерть мозга и отключили ее от системы жизнеобеспечения. Через пару часов она очнулась, посмотрела на отца и проговорила: «Папочка, рисуй хотдог».

Теперь Келли вернулась домой, и ее семья жила в ожидании. Прошло уже две недели после того великого чуда, и теперь дни ее были сочтены. Все мы молились за них.

Мы с мальчиками вышли из машины, и в лицо ударил морозный февральский ветер. Кэти встретила нас и повела на задний двор. Моим сыновьям было трудно идти по глубокому снегу, но вскоре они закричали:

– Мамочка, мамочка, я вижу ангела!

– Вон он!

Я открыла рот от изумления. Посреди огромного, сплошь укрытого снегом холма красовалось изображение гигантского ангела, казалось,

нарисованного детской рукой. А на снегу вокруг не было ни следа, ни метки.

Спустя две недели, в День святого Валентина, на закате, окрасившем небо в ярко-красный цвет, малышка Келли отошла в мир иной. Наверное, тот трубящий снежный ангел провожал ее к новому дому.

Марица Снайдер

Агнец

Как пастырь Он будет пасти стадо Свое; агнецв будет брать на руки и носить на груди Своей.

Исаия, 40:11

– Боже, Ты очень нужен мне сегодня, – прошептала я, набрав горсть песка и глядя, как песчинки высыпаются из сжатого кулака. – Я снова кажусь себе заблудившимся ягненком.

Мне нравилось представлять себя ягненком, которого защищает Добрый Пастырь. Это помогало свободнее чувствовать себя в разговоре с Богом. Я, мать-одиночка, молилась о каждом из своих четверых детей и о том, чтобы мне хватило сил позаботиться о них. Было безумно трудно защитить семью от неприятностей, и временами я страшилась, что позорно не справлюсь с задачей. Иные дни – вроде этого – рождали чувства одиночества и заброшенности.

В то утро, читая Библию, я набрела на стих «Как пастырь Он будет пасти стадо Свое; агнецв будет брать на руки и носить на груди Своей» (Исаия, 40:11). Этот отрывок из Писания имел для меня особое значение. Его показала мне несколько месяцев назад женщина-консультант, когда я обратилась к ней за молитвой, чтобы помочь дочери. Женщина подчеркнула слова: «агнецв будет брать на руки и носить на груди Своей, и водить дойных». Я увидела в них обещание Бога быть рядом, помогать мне воспитывать моих детей и обеспечивать благодатью, в которой я нуждалась. Хотя воспоминание об этом чуточку приободрило меня, печаль никуда не делась. Мне было нужно нечто большее.

Стояла теплая погода, и по дороге с работы я решила заехать на пляж. Я подрулила к Стейт-бич, прибрежной полосе около четырех миль в длину. Наступил сентябрь, сезон уже закончился, на пляже было пустынно. Я уселась на полотенце и обвела взглядом спокойное море и безоблачное небо.

Подобрав морскую раковину, я начала водить ею по песку, описывая вокруг себя широкую дугу.

– Отче мой Боже, – бормотала я, припоминая стих из Псалтири. – Как возвышенны для меня помышления Твои, Боже, и как велико число их... они многочисленнее песка... – я с трудом сглотнула: – Ты нужен мне.

Раковина зарылась в песок и задела что-то твердое. Я разгребла песок и достала маленькую пластиковую фигурку. Меня охватило изумленное и радостное потрясение, когда я поняла, что это.

Может быть, какой-то ребенок брал на пляж свою игрушечную ферму и потерял фигурку? Но даже если так – то какова была вероятность, что из четырех миль пляжа я выберу именно эту дюну и именно это место?

Или любящий Творец Сам подбросил ее – как особый дар?

Ибо в моей руке оказалась фигурка ягненка – Божье послание.

Донна Полсон

Чудо Бонни

И будет Господь вождем твоим всегда.

Исаия, 58:11

У Бонни и Боба был свой цветочный магазинчик. Но экономическая ситуация менялась, цветы начали продаваться в местных супермаркетах и по Интернету, люди все проще относились к традиционным церемониям прощания с умершими. Цветочный бизнес перестал быть таким выгодным, как три года назад, когда они его начали.

Около года моя сестра Бонни и ее муж Боб обсуждали, что им делать. Обдумывали вариант продажи. Заговаривали о том, чтобы расширить дело, превратив его в магазин подарков или, может быть, книжный магазин. Но в тех местах не хватало туристов и местных жителей, чтобы поддержать такой бизнес.

Однажды утром, придя в отчаяние, Бонни попросила ответ у Бога. Следует ли им продать свой бизнес? Стоит ли расширять его и вкладывать в него дополнительные деньги, когда у него мало шансов выжить? Она взмолилась: «Боже, дай мне знак, каких действий Ты от нас ждешь! Хотя бы позвони мне по телефону, – дерзко пошутила она, – но укажи, что делать».

Вскоре зазвонил телефон. Молодая женщина интересовалась, в какую сумму они оценивают свой бизнес.

– Мы с мужем никогда не ездим по вашей дороге, – прибавила она, – но вчера проезжали мимо и увидели в окне табличку «продается».

Озадаченная Бонни ответила:

– У нас в окне нет никакой таблички! Мы с мужем как раз обсуждаем, хотим ли мы продать магазин, и пока ничего не решили.

– Я своими глазами видела табличку! – настаивала собеседница. – И мой муж тоже ее видел. Она была голубая с белым, в большой витрине, обращенной к дороге.

Через две недели та молодая женщина и ее муж купили цветочный магазин.

Ким Армстронг

Ловля радужной форели

Мы живем в радуге хаоса.

Поль Сезанн

Наверное, со стороны папы было довольно безответственно поехать на рыбалку и оставить свою беременную жену одну дома. Моя мать была на седьмом месяце беременности – огромной беременности, поскольку ждала близнецов. Другие, более рассудительные супруги, возможно, решили бы не расставаться. Но мы, малышки, должны были родиться не раньше августа, а поездка на рыбалку задумывалась как подарок нашему старшему брату по случаю получения диплома. Перед приходом в мир дуэта маленьких девочек мужчинам в нашей семье необходимо было закрепить свои узы самым мужским из известных им способов – ловлей радужной форели.

Так что папа попрощался с нашей глубоко беременной матерью и отбыл в Орегон вместе со старшим сыном. Ему были нипочем внезапные ливни и жаркие свищащие ветра, он находил упоение в испытаниях, которые ждали их на бушующих реках. Но он, вероятно, был ошеломлен, когда вернулся в хижину однажды вечером и нашел десять бессвязных сообщений от моей матери! Трудно угадать, что она набормотала, поскольку женщины в истерике и в начале родов не отличаются красноречием. Но папа понял, что должен ехать домой. Они с братом прыгнули в машину и стрелой понеслись по дороге уже через пять минут после получения сообщений. Их ждал пятнадцатичасовой путь до Сан-Франциско.

А тем временем моя мать, ощущая нетерпение своих крошек, поспешила к своей машине. Ее огромный живот то и дело нажимал на клаксон, и на нем даже нельзя было застегнуть ремень. Наш сосед еще прежде согласился отвезти маму в больницу, если папа будет в отъезде, но она предпочла никого не тревожить и сама села за руль.

Тем временем папа с братом мчались по шоссе. Несмотря на все старания не слишком превышать разрешенную скорость, полицейский патруль остановил их в тот момент, когда мама подъехала к больнице. В одно и то же время папа умолял бесстрастного полицейского о сочувствии, а мама отворачивалась от попугачиков в лифте, стыдясь своих непомерных

размеров.

Штраф за превышение скорости был выписан, и папа снова пустился в путь, когда мама ухватилась за стол медсестры, выдавив из себя:

– Что-то мне не очень хорошо...

Медсестра оказалась женщиной внимательной и деловой. Если бы ее собственный муж стал отпрашиваться на рыбалку под конец седьмого месяца ее беременности, она сказала бы: «Ты думаешь, ловить какую-то драную рыбу важнее, чем остаться дома и делать мне массаж пяточек? К тому же форели мне не хочется; мне нужно шоколадное мороженое!» Медсестра велела моей матери снять белье и, мощно втянув носом воздух, объявила:

– Милочка, да это никакая не ложная тревога. У вас воды отошли!

Тут массивные дождевые тучи собрались над Северной Калифорнией, и внезапный ливень заставил отца сбросить скорость. У мамы же хватало своих поводов для нервозности – преждевременные схватки были делом серьезным и опасным. Раньше с нами, близняшками, был еще один братик, но наше трио уменьшилось из-за выкидыша еще до того, как ему успели придумать имя.

Пока папина машина летела сквозь ливень, мы решили, что и так терпели слишком долго. Мама умоляла об обезболивании. Отец, должно быть, чувствовал ее отчаяние и муки. Он знал, что ему не добраться до Сан-Франциско вовремя, чтобы присутствовать при нашем рождении. Дождь мало-помалу стихал, но папа понимал, что не успеет, – ведь мы тоже торопились. Он был напуган, растерян и измотан. В его утомленном мозгу проносились самые худшие сценарии. И тут он взглянул в окно и увидел на горизонте волшебное мерцание.

Через все небо протянулась двойная радуга. Сразу две сияющие дуги – по одной для каждой из его дочек-близнецов, понял отец. Стоило ему взглянуть на эту пару радуг, как он уверился, что все будет в порядке. Это было знамение. С возродившейся надеждой он продолжал путь, сбросив безумную скорость, чтобы подольше не терять из виду эти радуги.

Папа прибыл в больницу через семь часов после нашего появления на свет. Мы родились на два месяца раньше срока, поэтому я весила 1785 г., а Маккензи – 1900 г. Хотя двойная радуга успокоила моего отца, он все равно находился на грани срыва, пока не увидел наши крохотные морщинистые тельца под оранжевыми лампами инкубатора. Мама как раз проснулась, чтобы поддержать нас на руках – сплошные карие глазки – и лишь глаза матери блестели, как мокрые фиалки.

Рыбалка была прервана, но папа не расстраивался. Все, что было ему

нужно в этот момент, – это нежность, которую могут подарить только две маленькие девочки.

С того дня папа больше ни разу не видел двойной радуги.

Бриттани Ньюэлл, 16 лет

Воздушные шары надежды

Ты ведешь милостью Твоею народ сей, который Ты избавил, – сопровождаешь силою Твоею в жилище святыни Твоей.

Исход, 15:13

– Раз, два, три – отпускайте! – выкрикнула я.

Трое детей Сью – Стефани, Кристен и Билли – выпустили пурпурные шарики, исписанные посланиями любви.

Был холодный мартовский день. Туманная морось сыпалась с неба, когда мы стояли у дома Сью, отмечая вторую годовщину ее кончины. Унылая погода отражала тоску в сердце, но я сумела выдавить из себя улыбку – ради детей. Моя сестра-близнец Сью, которой был всего 41 год, скоропостижно скончалась, оставив троих детей и мужа Билла.

Вчера, болтая с подругой, я упомянула о грядущей годовщине смерти Сью. Мэри, которая на собственном опыте познала боль утраты после смерти десятилетнего сына Джона, предложила мне идею:

– В день рождения Джона мы пишем ему сообщения на воздушных шарах и выпускаем их.

Я пошла в магазин и купила три пурпурных шарика – это был любимый цвет Сью.

И вот я стояла, глядя, как шары вылетают из маленьких ручек, которые так крепко держали их. Я успела прочесть многие из написанных сообщений. Они тронули мое сердце. *Я скучаю по тебе, мамочка. Моей дорогой жене, со всей любовью. Мы любим тебя, тетя Сюзи.* И то, которое добавила я, используя ее семейное прозвище: *Мне не хватает тебя, Близняшка!*

Полные предвкушения, мы наблюдали за шарами. Но они сразу же опустились на дорожку: было слишком мокро и холодно. Я осознала свою ошибку – следовало дожидаться более погожего дня – и взмолилась: «Пожалуйста, Боже, помоги нам!»

И вдруг поднялся ветер. Я затаила дыхание. Шары медленно поднимались вверх. Два из них миновали деревья и взлетели к небу, но третий запутался между двумя ветвями.

– Ой-ёй! – воскликнул младшенький Сью, Билли. – Он же лопнет!

Мы с Биллом посмотрели друг на друга.

– О Боже, – прошептал он.

И я снова взмолилась: «Пожалуйста, Боже, не дай им лопнуть!»

Дети принялись подбадривать одинокий шарик криками. Он начал постепенно выбираться из своей ловушки, отскакивая от острых веточек, пока не проложил себе путь к свободе. «Давай, давай, давай!» – кричали дети. Мы испустили дружный вздох облегчения, наблюдая, как шарик наконец облетел деревья, чудесным образом не лопнув. Он поднялся вверх, нагоняя остальные два, и вскоре исчез из виду. «Спасибо, Боже», – про себя проговорила я. Огляделась, увидела улыбки на всех лицах и поняла, что где-то на небесах Сью тоже улыбается.

Через неделю моя младшая дочь Кэролайн выглянула из окна спальни на втором этаже и позвала меня:

– Мамочка, вернулся один пурпурный шарик. Это тот, который мы посылали тете Сюзи?

Пурпурный шар прыгал по траве. Я вышла, чтобы рассмотреть его как следует. Но, пока я к нему бежала, шар полетел наискось через соседский двор. Я гналась за ним прямо в пижаме. Наконец мне удалось его схватить. Он был точь-в-точь такой же, как те, что мы посылали, – только без сообщений. Какое совпадение! Я внесла шарик в наш дом. Кэролайн спросила:

– Мамочка, это тетя Сюзи прислала тебе шарик?

– Не сомневаюсь, Кэролайн, – ответила я с улыбкой.

Той же весной моя мама сильно заболела. После серии микроинсультов она была слаба, сознание ее путалось, и она больше не могла жить одна. У нее развивалось старческое слабоумие. Я ежедневно молилась, внося мамино имя в списки ожидания нескольких пансионатов для инвалидов. Я знала, что там о ней смогут позаботиться, а я была физически не в состоянии это делать.

Шли месяцы, и мамино здоровье все больше разрушалось. Дни были заполнены безрезультатными звонками в пансионаты и агентства. После одного такого разговора, закончившегося резким «нет», я чуть не расплакалась. Я была измучена. Скорбь после кончины сестры и тревога за маму подкосили меня эмоционально, физически и духовно. Вытирая слезы, я схватила пальто и сказала детям:

– Я пойду прогуляться.

Начинался снег. Снежинки мешались с моими слезами. Я мысленно разговаривала с сестрой и молилась Богу: «Пожалуйста, Боже, помоги мне! Сью, что мне делать?» Я думала о прошедших двух годах и гадала, сколько

я еще смогу выдержать. Где мне взять силы?

Повернув за угол, я заметила, что снег и ветер крепчают. Но не только это привлекло мое внимание. На лужайке соседского дома на снегу подпрыгивал одинокий пурпурный шарик. Я не могла поверить своим глазам. Я воспрянула духом. Это был знак! Я понимала, что впереди нелегкие дни, но мне не придется справляться с ними в одиночку.

В рождественское утро маму скрутил приступ, и ее забрали в больницу. Десять дней спустя ее состояние стабилизировалось и маму стали готовить к выписке. Теперь она ослепла на один глаз и не могла самостоятельно есть и ходить. Большую часть времени она находилась в спутанном сознании и нуждалась в круглосуточном уходе. Больница нашла для нее временное размещение в пятнадцати милях от нашего дома. Но вскоре я поняла, что это было поистине ужасное учреждение.

Однажды я застала ее спящей лицом в тарелке, полной еды. Часто она выглядела неухоженной, неопрятной и одинокой. Поначалу я думала: «Может быть, сегодня у них не хватает персонала или ее обслуживание еще не внесли в расписание». Но потом стало ясно, что я должна забрать ее оттуда.

Меня переполняло чувство вины: я физически не могла заботиться о маме сама. К тому времени я не могла даже поднимать ее. Я молила Бога: «Пожалуйста, найди для мамы другое место. Сью, позаботься о ней». Начались бесплодные поиски нового заведения.

В свой день рождения я поехала навестить маму, в дороге возвращаясь мыслями к тем праздникам, которые мы с мамой и Сью когда-то устраивали в этот день. Когда я завернула на парковку, свет моих радостных именинных воспоминаний затянуло тучами тревоги о маме.

Погрустневшая, я вошла в ее комнату. И там под неряшливой койкой оказался... пурпурный шарик. Я была поражена!

– Мам, где ты взяла этот шарик? – спросила я в изумлении.

– Не знаю, – ответила она. – Кто-то подарил мне его этим утром.

Я улыбнулась.

Через пару недель мой начальник на работе поинтересовался:

– Как дела у вашей мамы?

– Не очень, – вздохнула я. – Она до сих пор в списке ожидания на пансионат, который должен быть лучше, чем нынешний.

– Моя бабушка много лет жила в Пембруке. Там просто замечательно! – вмешалась в наш разговор одна из коллег.

Я никогда прежде не слышала о Пембруке, но позвонила туда. Каким-то чудом в пансионате оказалась свободная комната.

Мою маму перевозили на «скорой». Я поехала вперед, рассчитывая уже быть там, когда ее привезут. По дороге я ужасно нервничала, спрашивая: «Хорошее ли это место, Господи?» Я смотрела по сторонам, боясь пропустить новый мамин пансионат. Но его нельзя было не заметить.

К столбику напротив указателя на Пембрук был привязан пурпурный воздушный шар.

Донна Тети

Глава 2

Целительная сила МОЛИТВЫ

*Господи, Боже мой! Я воззвал к Тебе, и Ты исцелил
меня.*

Псалтирь, 30:2

Сарафина

Видите ныне, что это Я, Я – и нет Бога, кроме Меня: Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцеляю, и никто не избавит от руки Моей.

Второзаконие, 32:39

Мне было двадцать два, и всего год отделял меня от диплома колледжа. Я еще не решила точно, что буду делать после учебы, но мне было ясно, что это будет связано с миссиями и сознательным служением. Именно так я представляла себе жизнь после сдачи последнего экзамена. Поэтому, вместо того чтобы работать, копя деньги, или просто отдохнуть в последнее лето между третьим и четвертым курсом, я оказалась в маленькой африканской стране Свазиленд, помогая больным СПИДом и обнимая сирот.

В Южном полушарии выдался холодный день, и солнце уже закатывалось за горы. Наша группа должна была вернуться до темноты, так что мы собирались уйти из деревни, которую только что посетили. Когда мы миновали последнюю хижину, кто-то нас окликнул. Пожилая женщина, сидевшая на циновке, замахала рукой.

Эту женщину звали Сарафиной. Через своего переводчика мы узнали, что она уже два года не ходит, а последние пять суток ничего не ела. Она осталась одна, ее единственный сын жил далеко. Она не могла ходить к реке за водой и зависела от доброты соседей, отдававших ей остатки своих скудных трапез.

Когда Сарафина посмотрела на нас глазами, пораженными катарактой, я увидела на ее месте мою бабушку, на коленях выпрашивающую еду. Сердце мое заныло от боли. Я начала молиться про себя: «Господи, что мне делать?» – и услышала внутренний ответ: «Встань на колени».

«Что?» – переспросила я молча, не уверенная, что правильно поняла.

«Встань на колени».

Когда я встала на колени перед Сарафиной, это застигло ее врасплох. Она повернулась и посмотрела мне прямо в глаза.

Тогда я снова услышала внутренний голос: «Протяни руку».

Когда я потянулась к ней, Сарафина взяла меня за руку и засмеялась. Все оставшееся время мы сидели, держась за руки. С того момента это

стало нашим обычаем.

Сарафина страдала старческим слабоумием и часто не могла припомнить собственное имя, не говоря уже о подробностях своей жизни. Когда ее разум начинал блуждать, я сжимала ее руку, называла ее по имени, и она возвращалась к разговору.

Следующие несколько месяцев я навещала Сарафину несколько раз в неделю. Иногда я приносила ей *nan* – африканское блюдо из кукурузной муки, смешанной с водой; но обычно приходила с пустыми руками. Мы просто сидели вместе и смеялись, наслаждаясь своей дружбой. Это было прекрасно.

Больше всего меня расстраивало, что я не знала духовных взглядов Сарафины. Как миссионер я хотела разобраться, слышала ли она об Иисусе... верит ли, что Он может простить ее грехи и обладает целительной силой.

На запястье и щиколотке Сарафина носила черные шаманские браслеты. Я сказала ей, что, на мой взгляд, есть другой путь:

– Бог способен исцелить тебя, Сарафина. Он может сделать так, что ты снова будешь ходить.

– О... – только и произнесла моя *гого* (так на сисвати называют бабушку), разглядывая свои браслеты.

Потом мы заговорили о другом, но я не могла забыть наш разговор. Я начала молиться, чтобы Сарафина сняла браслеты в знак своей веры в то, что Бог способен исцелить ее. Пусть с ее стороны это будет поступок веры.

Через два дня это случилось. Сарафина сняла свой последний браслет, отбросила его подальше, посмотрела мне в глаза и сказала:

– Пожалуйста, помолись, чтобы я снова ходила.

Я перевела дыхание. Мне трудно было даже вообразить это.

– Хорошо, Сарафина, я помолюсь, – пообещала я ей.

Всю следующую неделю я молилась про себя день и ночь. «Господи, моя вера так мала! Я знаю, что Ты обладаешь силой исцелять. Я знаю, что Ты можешь заставить хромых ходить – и уже делал это. Пожалуйста, Господи, коснись Сарафины. Пусть она снова ходит. Не позволяй моему маловерию помешать этому. Но, пожалуйста, пусть я буду там и увижу это. Позволь мне увидеть, как Ты сотворишь чудо».

Однажды на закате дня наша группа внезапно решила навестить Сарафину. Когда мы подошли к ее хижине, она сидела снаружи на своей циновке, глядя на дорогу.

– Где вы были? – требовательно спросила она. – Я вас жду у дороги целый день. Он сказал мне, что вы придете.

Я удивилась:

– Сарафина, я не говорила, что приду сегодня. Кто сказал тебе, что мы придем? – Тут я вспомнила детей, которых мы встретили по дороге. – Тебе сообщил кто-то из малышей?

Она помотала головой.

– Нет, – ответила Сарафина, прикладывая руку к груди. – Это Он сказал мне в моем сердце.

И тогда я поняла, что Бог собирается совершить нечто необыкновенное.

Сарафина в тот день была не такой, как обычно. Она вся сияла; ее память была совершенно четкой. Она вспоминала наши предыдущие разговоры, беседы о Евангелии.

– Да, Сарафина! – я была взволнована. – Бог действительно обладает способностью прощать. И способностью исцелять тоже.

Сарафина что-то спросила, глядя мне прямо в глаза. Я подождала перевода, но когда услышала его, мое сердце замерло.

– Когда я снова буду ходить?

Я замерла, не представляя, что ответить. Когда с моих губ слетели слова, я сама поразились им:

– Встань.

Сарафина мгновение смотрела на меня, услышав перевод. Никто не двигался. Я с трудом могла дышать.

А потом она встала.

А потом пошла.

Из-за того, что долгие годы женщина передвигалась только ползком, ее ноги были слабы, и пришлось поддержать ее, чтобы она не упала.

Но она стояла на ногах и шла благодаря собственной силе!

Через пару недель, когда мне уже пора было уезжать из Свазиленда, ноги Сарафины окрепли. Она теперь ходила увереннее и дольше. Когда я в последний раз видела ее на ногах, при этом присутствовали пятьсот человек. Все они были свидетелями тому, что способен сделать Бог.

Всякий раз, вспоминая это лето, я думаю о Сарафине. Бог совершил невозможное и исцелил пожилую женщину со сломанными ногами, когда она уверовала, что Он это может.

Кристен Торрес-Торо

Бородавки и прочее

И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное.

Евангелие от Матфея, 18:3

Под жарким летним солнцем Техаса, в Пэнхэндле, где деревья, дающие тень, можно пересчитать по пальцам, требуется немало времени, чтобы выкопать яму, – особенно если ты девятилетняя девочка, а лопата выше тебя. Не помню, кто посоветовал мне закопать тряпку для мытья посуды, чтобы избавиться от бородавок, но я была готова испробовать любой способ.

Выглядели эти бородавки ужасно. Они расплзлись под моими глазами и вылезли на всех пальцах. Одна из них особенно донимала меня – большая, угрожающего вида штука, громадная, как шляпка шестипенсового гвоздя. Она обосновалась с внутренней стороны сустава моего среднего пальца, незаметная другим людям. Но я чувствовала ее всякий раз, когда сгибала палец. Мама водила меня к врачу, чтобы избавиться от напасти, но бородавки не сдавались, а только множились.

Но в самом конце лета кое-что произошло.

Я не помню никаких других занятий летней библейской школы, кроме последнего. Я надела отцовский пиджак – такой огромный, что он волочился ниже коленей, мешковатую белую рубашку и закатала брюки, которые держались на моей талии только благодаря ремню. Я изображала Джона Уэсли, странствующего проповедника.

В тот день мы были особенно непоседливы, поскольку все нарядились в костюмы, но наш учитель все же прочел запланированный рассказ. Речь в нем шла об исцелении с помощью молитвы обычного человека.

Я никогда не произносила личных молитв. Мне в голову не приходило, что я могу чем-то заинтересовать Бога, – я, девочка, которая часто сердила свою мать, любила игрушечные пистолеты больше кукол и была уверена, что шуметь веселее, чем быть тихоней. Но вернувшись домой в тот день, я нашла уединенное местечко, опустила на колени и взмолилась:

– Пожалуйста, Боже, исцели меня от бородавок!

На следующее утро они исчезли.

И по сей день я помню, как стояла в ванной комнате и смотрела в

зеркало. Я вижу свои короткие волосы, кривую челочку, и мои пальцы касаются гладкой кожи под глазами. Я приближаю лицо к стеклу. Ни одной бородавки. Я делаю шаг назад и смотрю на кончики пальцев, на кожу вокруг ногтей.

Ничего.

Осталось посмотреть только в одном месте.

Я сделала глубокий вдох и медленно повернула правую руку ладонью вверх. Там не было ничего, кроме сустава, ни малейшего изъяна, ни красноты – только чистая гладкая кожа. Ни следа бородавки. Божья любовь захлестнула меня с головой.

Прошло больше пятидесяти лет, а это воспоминание остается со мной, как путеводный маяк. Оно не раз поддерживало меня.

Кто-то может спросить: «С чего бы Богу беспокоиться о каких-то маленьких бородавках, а не о громадных бедах мира?»

Может быть, дело в моей детской вере? Не думаю. Все дело было в Нем. Он хотел, чтобы я всегда помнила, что шрамы были на Его ладонях, а не на моих. Он видит во мне Свое дитя – без единого изъяна. По сей день.

Марта Мур

Отец Дамиан

Это будет здравием для тела твоего и питанием для костей твоих.

Притчи, 3:8

В 1942 году мне было всего шесть лет, и мир в оккупированном нацистами бельгийском городке Винтерслаг был полон опасностей. Но внутри нашего дома я и мои братья и сестры чувствовали себя защищенными коконом счастья и веры.

Мы были ревностными католиками, и нам часто приходилось поклоняться Богу дома. Во время войны лишь немногие священники служили мессу, и даже когда такие находились, мы опасались лишней раз выходить на улицу. Нацисты порой без всякого повода стреляли по людям.

Моя мать Мариетта Рейс и моя бабушка поощряли поклонение святым. Они рассказывали нам, что у каждого святого есть своя «специальность». Бабушка приходила к нам в гости в День святого Андрея и настаивала, чтобы мы, девочки, молились ему о достойных мужьях. Мы также молились святому Антонию, прося помощи в поиске пропавших вещей, и моей любимой святой Терезе – Цветочку – о защите в тревожные времена.

Однажды мама ходила гулять с маленькой сестрой и порезала руку металлом старой коляски. В рану попала инфекция. Мама еще не оправилась после родов. Питание в военное время было очень скудным, и ее организм не мог сам справиться с инфекцией. Воспаление распространилось на предплечье.

Никаких антибиотиков в продаже не было. На руку накладывали влажные компрессы, но мамино состояние ухудшалось. Местная клиника прислала к нам монахиню, чтобы та заботилась о маме, а также кормила и умывала нас, детей. Она была сестрой милосердия – из тех, что носят большие белые капоры. Эту миниатюрную женщину звали сестрой Елизаветой; мы, дети, называли ее сестрой Бабетт.

Несмотря на заботы сестры Бабетт, гангрена не желала уходить, и ткани маминой руки начали отмирать. У нее поднялась высокая температура, она впала в беспамятство, а потом и в кому. Отец привел нас к ней и велел попрощаться, потому что мама отправится на небеса. Мне было страшно видеть, как она лежит и не двигается. Я не хотела остаться без

матери!

Мамин доктор Рейнерт имел в нашем городке репутацию атеиста. Речь его была грубой, нередко пересыпанной ругательствами. Он решил, что маме нужно ампутировать руку, чтобы спасти ее жизнь.

Сестра Бабетт возразила:

– Нельзя этого делать с женщиной, у которой четверо ребятишек, к тому же одна из них – грудная!

Но врач отмахнулся:

– Завтра я приду делать операцию.

В тот вечер сестра Бабетт наложила на мамину руку фотографию отца Дамиана и обвязала ее бинтами. Монахиня воспитывалась в родном городе отца Дамиана, Тремело, и хорошо знала вдохновляющую историю его жизни. Отцу Дамиану было всего тридцать три года, когда он приехал на остров Молокаи на Гавайях, чтобы помогать прокаженным в поселении Калавао. Он заботился о больных и духовно и физически. Отец Дамиан буквально обнимал свою паству. Он перевязывал язвы и умащивал их елеем во время таинства последнего причастия. Собственными руками он помогал своим прихожанам строить жилье. Он мастерил гробы для умерших и даже копал им могилы. Потом отец Дамиан сам заразился лепрой и умер в возрасте 49 лет.

За прошедшие годы сестра Бабетт прониклась особым почтением к отцу Дамиану. Поэтому в ту ночь, приложив к маминой руке его изображение, она молила святого о вмешательстве.

Доктор Рейнерт вернулся на следующее утро с хирургическими инструментами, среди которых была пила. Он снял бинты, увидел фотографию и грязно выругался.

– Что это за бесполезная дрянь?! – выкрикнул он.

– Это отец Дамиан, – сообщила ему сестра Бабетт.

Врач разорвал фотографию, но отпечаток лица Дамиана остался на маминой руке. Ее рана раскрылась, и гной вытек. Гангрена исчезла, а ткани руки восстановились.

Доктор Рейнерт повернулся к сестре Бабетт:

– Что ж, похоже, ваш святой справился со своим делом.

Мама полностью исцелилась. Теперь она, пианистка, снова наполняла наш дом музыкой. Никакой инвалидности!

Отец Дамиан не только исцелил мою мать, но и растрогал сердце доктора Рейнерта. Доктор рассказал всему городу о чудесном исцелении мамы. С того дня он стал верным прихожанином католической церкви.

После войны, в 1946 году, мы всей семьей поехали в Лувэн, город, где

расположена штаб-квартира религиозного ордена отца Дамиана. У меня мурашки бегут по коже, когда я вспоминаю небольшое помещение с десятками костылей, прислоненных к алтарю. Стены там сплошь покрыты дарами людей, которые чудесно исцелились благодаря заступничеству отца Дамиана.

В Лувэне священники расспрашивали мою мать об этом чуде. Официальные бумаги со свидетельскими показаниями сестры Бабетт и доктора Рейнарта были подшиты к делу. Исцеление моей матери стало одним из официально перечисленных чудес, которые послужили основанием для причисления отца Дамиана к лику святых.

Когда-нибудь католическая церковь утвердит это решение. Но с той самой ночи, когда он исцелил мою мать, я знала, что отец Дамиан – святой.

Мари Тереза Миллер со слов Жизель Рейс

Примечание редактора: Отец Дамиан был канонизирован 4 июня 1995 г. папой Иоанном Павлом II. 1 июля 2009 г. папа Бенедикт XVI удостоверил последнее чудо, которое требовалось для причисления к лику святых. 11 октября 2009 г. отец Дамиан был объявлен святым.

Пять недель жизни

Послал слово Свое, и исцелил их, и избавил их от могил их.

Псалтирь, 107:20

– Злокачественная меланома, – сказал врач. – Вам осталось жить пять недель.

Ей было всего тридцать, двое детей младше пяти лет. Как такое может быть? У нее столько планов! Отказавшись от карьеры, чтобы быть дома и растить детей, она с нетерпением ждала каждого дня, который могла подарить им – обучая их читать, играть в игры и печь любимое печенье.

А теперь *это!*

Всему, что она планировала, придет конец через пять недель...

Моя мать должна была лишиться жизни.

Однажды после посещения стоматолога мама взяла два зеркальца, чтобы взглянуть на его работу, и обнаружила темное пятнышко на верхнем небе. Обеспокоенная, она записалась на прием к врачу, который заявил:

– Боюсь, у меня для вас плохие новости, но нужно, чтобы другой врач подтвердил мой диагноз.

Вторая консультация выявила худшее. Врач сел рядом с ней, взял ее за руку и сказал:

– Это злокачественная меланома, и она неизлечима из-за своего расположения. Мы не можем удалить ее целиком или провести химиотерапию. Мы немедленно сделаем операцию, чтобы вырезать это пятно, и будем надеяться, что оно не распространится. Прогноз плохой, Джоанна. Вам осталось жить пять недель.

В тот вечер мама с папой пошли ужинать в ресторан. У них состоялся душераздирающий разговор о том, как отцу предстоит воспитывать нас с братом без нее. А потом они начали готовиться к ее похоронам и составили план, как провести эти ближайшие пять недель.

Без внимания остался только один вопрос – о важности молитвы в это время. Мама стала христианкой всего год назад и не вполне понимала, насколько нужна молитва и как она работает. По ее словам, «молитва – это то место, куда Бог уносил меня, когда я не знала, что делать».

Утром накануне операции маме позвонила ее подруга Нива и прочла

по телефону библейский стих из книги Исаии, 43:5. «Не бойся, ибо Я с тобою», – говорилось в этом стихе. Мама повторяла этот отрывок всю дорогу до больницы и потом, пока шла по коридорам к операционной. Придя на место, она продолжала твердить про себя Двадцать третий псалом. Это была единственная молитва, которую она помнила с детства: «Господь – Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою... Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла...» – а потом начала действовать анестезия.

После операции врач сказал маме, что ей будет очень больно и она не сможет есть твердую пищу несколько дней. Как ни удивительно, уже через час она съела обед из той самой твердой пищи. Врач был потрясен – и не в последний раз.

Через пару дней мама приехала на послеоперационный осмотр. Хирург, известный своими грубоватыми манерами, на сей раз тихо вошел в кабинет, сел рядом и сказал:

– Я сам не могу поверить в то, что сейчас скажу вам. Этому есть только одно объяснение... – Он указал вверх и повернулся к маме со слезами на глазах. – Мы получили результаты анализов, и в них нет никаких признаков онкологии или того, что она когда-либо существовала. Джоанна, ваш рак исчез! Если я не верил в чудеса прежде, то теперь я определенно в них верю.

Верит в них и моя семья!

Это случилось более тридцати лет назад, и с тех пор мы прочли немало книг, сыграли во множество игр и съели массу печенья. За эти тридцать лет мама полностью осознала силу молитвы – и реальность чудес.

Хайди Круменауэр

Сердечные проблемы

Исцели меня, Господи, и исцелен буду; спаси меня, и спасен буду; ибо Ты хвала моя.

Иеремия, 17:14

– Исследование показывает, что у вас шумы в сердце. Вам когда-нибудь прежде ставили такой диагноз?

– Нет, доктор. Я даже не знаю, что это такое.

– В сущности, это нерегулярное сердцебиение. По вашей истории болезни я вижу, что вы боретесь с наркотической зависимостью. Как давно вы не употребляете препараты?

– Уже две недели.

– Что ж, хорошо. Я знаю, это может быть тяжело. А какой наркотик вы чаще всего употребляли?

– Марихуану и кокаин.

Он помолчал, сдвинув брови и поджав губы.

– Вдыхание больших доз кокаина известно как причина нерегулярного сердцебиения. Вы принимаете какие-нибудь лекарства?

– Да. Антидепрессанты, таблетки от головной боли, снотворное и лекарство от высокого кровяного давления.

– Это немало. В любом случае я ничего не могу вам прописать. Нам придется просто следить за сердцем. Запишитесь на прием через месяц, считая от сегодняшнего дня.

Выходя из кабинета, я думала о последствиях, которые возникнут, если я буду продолжать злоупотреблять наркотиками. Воздерживаться от них было одним из самых трудных испытаний за всю мою жизнь. Но я была рада, что продержалась до сих пор. Моя предыдущая попытка бросить продлилась шесть дней, так что четырнадцать суток стали большим достижением.

Я ходила на собрания анонимных наркоманов и изо всех сил старалась следовать совету своего спонсора: девяносто встреч за девяносто дней. Когда я позвонила этой женщине, она сказала мне, что этим вечером ее направили в группу выздоравливающих христиан.

– Хочешь пойти? Там кормят ужином, и ты можешь взять с собой Библию.

– С удовольствием.

На встречах АН использовался термин «Высшая Сила», который символизировал Бога. Я же хотела свободно произносить слово «Бог», называя свою Высшую Силу ее именем, и не бояться, что кого-то оскорбляю.

Мы встретились перед зданием на заднем дворе церкви. С Библией в руках я подошла к людям, стоявшим снаружи. Все они показались мне дружелюбными. Народу было много – все общались и разносили тарелки с едой. История каждого была написана на его лице. Они могли выглядеть побитыми жизнью и сломленными, и все же каждый человек здесь излучал внутренний свет. Я нуждалась в этом свете.

Представившись и сообщив всем, сколько дней я «чиста», я села на свое место. Мы сидели, составив стулья в кружок, и люди по очереди рассказывали, как Бог помогает им в самые трудные моменты их выздоровления. Я чувствовала себя здесь уютно, как дома. И хотя в тот вечер я не выступала, мне было ясно, что я еще вернусь сюда.

Я колебалась между встречами АН и христианскими. Разрывалась между желанием получать «баллы» за посещение АН – и потребностью произносить имя Божие вслух, четко и ясно. Наконец я решила бывать и там и там. Я становилась сильнее в Слове Божиим и начала задавать вопросы, когда чего-то не понимала. Мне необходимо было Слово, чтобы держаться подальше от травки. И с каждой новой встречей в церкви погружение становилось все глубже.

Однажды мужчина по имени Чак рассказал о том, что Бог сделал с его жизнью. Он просил о нашей молитве, уезжая в заграничную миссию. Чак сам не мог поверить, как из наркомана он превратился в служителя. Все молились за него и хвалили его за то, что он исполняет план Бога.

Когда окончился этот сеанс, моя спонсор попросила Чака помолиться о ней. У нее были боли во всем теле, а он обладал даром исцеления. Я терпеливо ждала, не зная, что и думать.

Чак взял какую-то маленькую бутылочку и вылил ее содержимое себе на ладони. Затем возложил одну руку ей на голову, другую поднял высоко в воздух, закрыл глаза и с величайшей уверенностью обратился к Богу.

Моя спонсор покачивалась взад-вперед, по ее щекам текли слезы. Я не понимала, что происходит. Прошло несколько секунд, и она упала на пол, где пролежала с минуту. А еще через минуту мы с одним из участников помогли ей подняться.

Она улыбнулась и сказала:

– Я знаю, что исцелена.

Я тоже хотела исцелиться и подошла к Чаку:

– Вы могли бы помолиться за меня?

Он ответил:

– Конечно, – взял в руки бутылочку и спросил: – Какая у вас проблема со здоровьем?

– У меня шумы в сердце.

– Ладно. Давайте помолимся.

И снова он простер одну руку к небесам, а другую положил поверх моего сердца. Я не понимала, что должно произойти, и была напряжена. Я чувствовала, как мое тело начинает двигаться, описывая крохотную окружность, но ноги ему сопротивляются. Послышался голос женщины-спонсора:

– Расслабься, Киша. Доверься Богу. Расслабься.

Не успела я сообразить, в чем дело, как мои ноги подкосились и я оказалась на полу. Я ничего не видела, кроме вспышки белого света, которая почти ослепила меня. Я села, но тут же замерла, как бы вбирая в себя все окружающее. Я чувствовала Бога повсюду вокруг себя, ощущала покой и обновление. Потом я встала и посмотрела на свою знакомую.

– Что сейчас случилось?

– Ты была повержена в духе. Я расскажу тебе то, что один человек некогда рассказал мне. Почитай книги на эту тему, изучай их и молись о полном понимании. А еще наслаждайся и принимай могущественный способ исцеления Божьего.

В тот вечер меня невозможно было оторвать от Библии. Я молилась и плакала, плакала и молилась. На следующий день я позвонила врачу, чтобы подтвердить свое посещение. Мне не терпелось проверить, обнаружит ли он снова нерегулярное сердцебиение. В глубине души я знала, что врач ничего не найдет. Мне просто нужно было получить официальное доказательство. Я заранее говорила всем, что исцелилась от шумов в сердце, и это было невероятное переживание.

К концу недели я сидела в кабинете врача, дожидаясь результатов. Он вошел в кабинет, улыбаясь, с моей кардиограммой в руках и сказал то, что я и так знала:

– Что ж, Киша... Я не смог найти в ЭКГ никаких следов шумов. А ведь прошла всего пара недель. Это изумительно!

– Это Бог, – с улыбкой поправила я. – Это Он изумительный.

Киша Басс

Чудесная девочка взаймы

*Ты – Бог, творящий чудеса; Ты явил могущество
Свое среди народов.*

Псалтирь, 77:14

Медсестра неслась по коридору, крича по-нидерландски: «Ребенок в критическом состоянии! Ребенок в критическом состоянии! Нужен педиатр!» Я невольно пожалела бедную мать этого ребенка. Через считанные минуты медсестра и врач вбежали в смотровую, где лежала моя дочь. И тут до меня дошло, что моя пятилетняя Оливия и была тем ребенком в критическом состоянии, а я – ее бедной матерью.

Педиатр назначил срочную и болезненную пункцию спинного мозга. Я пыталась подавить панику и начала произносить про себя первую из множества отчаянных молитв, вымаливая жизнь дочери.

В разгар этого хаоса подъехал мой муж Фрэнк. Мы обнялись, пряча свой страх в объятиях друг друга. Наша дочка извивалась от жестокой боли, а мы ничего не могли сделать – только ждать и молиться, когда врачи начали внутривенно вводить ей антибиотики. Никаких обезболивающих применять было нельзя, пока не определен диагноз.

Врач старался смотреть в сторону, сообщая новости. Хотя я худо-бедно понимала нидерландский, Фрэнк переводил его слова на английский:

– У Оливии бактериальный менингит – его еще называют гемофильной инфекцией. Сейчас начнут курс стероидов, обезболивающих и специфических антибиотиков, чтобы атаковать бактерии. Он говорит, что она, вероятно, будет дышать только через кислородную маску и у нее могут отказаться почки. Возможно, она ослепнет или оглохнет... – Последние слова он едва смог выговорить.

«Боже, не может быть, чтобы это происходило на самом деле! Пожалуйста, забери меня из этого кошмара», – это были мои единственные мысли. В чем я ошиблась, где моя вина? Бесконечные «если бы»... Как она могла так сильно заболеть? Почему это случилось через шесть недель после нашего переезда в новую страну, а не в Америке, где я говорила на местном языке и понимала устройство системы здравоохранения? А теперь мы здесь: ни друзей, ни церкви, ни социальной сети.

Паника резала меня, как ножом. Фрэнк крепко обнял меня. Страх и

отчаяние сближали нас. Я задумалась, хватит ли у него сил пережить смерть Оливии... или ее выздоровление.

Фрэнк вышел, чтобы позвонить на другую сторону океана, а я осталась у койки Оливии. Мне было так одиноко!

Врачи атаковали ее крохотное тельце все новыми антибиотиками, стероидами и обезболивающими. Они делали все, что в их силах, но прогноз оставался неутешительным. Состояние было слишком серьезным, чтобы перевозить ее в детскую больницу; дорогу она бы не пережила.

Оливия стонала от боли и, похоже, была в полубреду. Под ее глазами полумесяцами залегли темные тени, и сухие потрескавшиеся губы оставались приоткрытыми. Я убрала тонкие прядки светлых волос с ее лба. Она смотрела на меня остекленевшими жалобными глазами, словно моля хоть что-то сделать.

– Я люблю тебя, Ливи. Я останусь рядом с тобой, здесь. Я не уйду.

Это было лучшее, чем я могла ее утешить.

Посреди ночи, беспомощно глядя на страдания Оливии, я молилась Богу, чтобы Он либо поскорее забрал ее, либо исцелил. В этот момент я ощутила судьбоносное откровение: Оливия принадлежит не мне, а Ему. Она дитя Божье, и Он полностью властен над ее жизнью. Нам просто дали ее взаймы. И тогда я поняла, что Бог отозвался на мою молитву: дочка выживет. С этого момента она действительно начала поправляться.

Мы чувствовали, как нас поддерживали молитвами все наши друзья и родственники по другую сторону океана. Мы ощущали силу и покой, идущие извне.

Проведя месяц в больнице, Оливия вернулась домой, разучившись ходить и частично оглохнув на одно ухо. Она весила всего около 18 кг. По нескольку раз на дню ее мучили острые головные боли, которые вызывали приступы слез и криков. Улучшения происходили медленно, но она была жива.

В августе, через четыре месяца после выписки из больницы, мы переехали из Голландии в Юж-ную Францию, потому что Оливии нужно было солнце. Мы решили побывать в Лурде, где в 1858 году благословенная Дева Мария восемнадцать раз являлась Бернадетте Субиру, четырнадцатилетней крестьянской девочке. Оливия слышала о тысячах чудесных исцелений, которые происходили там с тех пор, и хотела погрузиться в целительные купальни. Мы объяснили, что ждать, возможно, придется долго, поскольку туда приезжает множество больных людей на носилках и в инвалидных креслах. Но дочь была тверда: она рассчитывала на полное исцеление.

Своей очереди мы дожидались около двух часов. Оливия, длинноногая пятилетняя девочка, странно выглядела в детской коляске, но ей было все равно. Атмосфера была спокойной и безмятежной. Подошла ее очередь, и помощники, прошептав молитву по-французски, погрузили ее в каменную ванну.

Выйдя из воды, Оливия объявила:

– Эта вода святая. Бог исцелил меня.

Так оно и было.

Через считанные дни она стала прямо и ровно держать голову и лучше ходить. Когда мы вернулись в Голландию, терапевт сообщил, что ее кратковременная память возвращается к норме. Головные боли исчезли, как и истерики. К изумлению сурдолога, «перманентная» потеря слуха сменилась нормальным состоянием.

Оливия посещала занятия физиотерапией, чтобы восстановить навыки движений и ходьбы. Речевая терапия должна была ускорить процесс изучения языка. К февралю наша дочь сдала тесты по нидерландскому для детского сада на «отлично».

Сегодня, одиннадцать лет спустя, Оливия – энергичная шестнадцатилетняя студентка-отличница, которая обожает петь, играть на классической гитаре и есть мороженое. Мы дорожим каждым моментом ее драгоценной жизни – Оливии, чудесной девочки, данной нам взаимы.

Джонна Стейн

Малютка Лорен

Увидев Его, падает к ногам Его и усиленно просит Его, говоря: дочь моя при смерти; приди и возложи на нее руки, чтобы она выздоровела и осталась жива.

Евангелие от Марка, 5:22–23

Малютка Лорен родилась во Франции, в Париже. Меньше чем через час после рождения девочку спешно доставили в отделение неонатальной интенсивной терапии со скоростью сердечного ритма 280 ударов в минуту, то есть вдвое выше нормы. Такое быстрое сердцебиение в конечном итоге приводит к остановке изможденного сердца.

Сердечко Лорен подверглось дефибрилляции: разрядом тока его вернули в нормальный ритм. Ей стали вводить внутривенные препараты, чтобы поддерживать скорость и ритм сердцебиения в пределах нормы. Но она не реагировала на лекарства, и дефибрилляцию приходилось применять по несколько раз в день в течение всего первого месяца ее жизни.

Лорен провела месяц в палате интенсивной терапии новорожденных с быстрым, летальным и неконтролируемым сердечным ритмом, и врачи решили отправить ее в Техасскую детскую больницу в Хьюстоне.

Девочку перевезли в клинику по воздуху и поместили в педиатрическую палату интенсивной терапии, которой предстояло стать ее новым домом на следующие четыре-пять недель. Лаборатория катетеризации сердца обнаружила причину быстрого сердечного ритма – множественные опухоли сердца. Ей назначили операцию на открытом сердце, крайне рискованную не только из-за маленькой массы тела Лорен. Такого типа операции в прошлом выполнялись всего несколько раз. Часть сердечной мышцы предстояло отделить, чтобы удалить опухоли.

Малютка Лорен отправилась в операционную меньше чем через неделю после прибытия в Техас. Я занималась своими обычными делами, заботясь о детях, которые поступали в кардиологическую клинику. Я думала о малютке Лорен и возносила за нее молитвы весь рабочий день.

Родители малышки жили в отеле. Еще при рождении дочери им сказали, что ее шансы выжить очень малы. Они разговаривали по телефону с лечащим врачом, но не приезжали в больницу целую неделю.

Позже я узнала, что некоторые родители просто не в состоянии вытерпеть такую муку.

В три часа дня кардиолог вышел из операционной и попросил меня позвонить родителям Лорен и вызвать их. Врач сказал, что хирург срезал почти 40 процентов ее сердечной мышцы, чтобы удалить опухоли. Малышка Лорен никогда не сможет жить без аппарата искусственного кровообращения, который использовали во время вскрытия сердца.

Я позвонила родителям малышки Лорен, почти ничего не рассказав им о состоянии дочери, – сказала только, что она чувствует себя не очень хорошо и что им надо приехать.

Как только я положила трубку, пришел расстроенный педиатр-кардиолог:

– Без сердечной помпы она не сможет. Поэтому они собираются все отключить и дать ей умереть.

Я ушла в старый чулан, перестроенный в ванную комнату, где проводила немалую часть своего дня в молитвах о больных детях и их родителях. Там среди мыла, антисептика и бумажных полотенец я стала горячо молиться, прося Бога дать Лорен шанс узнать, каково это – жить вне стен больницы, без боли, с родителями, которые могут обнимать и любить ее.

Я ждала родителей Лорен в послеоперационной палате. Трубки и провода оплетали маленькое тельце. Ее почти не было видно за спинами врачей и медсестер, окружавших койку, но я смотрела на сердечный ритм на мониторе. Она все еще была жива.

Хирургическая медсестра сообщила, что когда малышку Лорен отключили от аппарата искусственного кровообращения, кровяное давление у нее отсутствовало. Но потом, как ни удивительно, оно постепенно поднялось до приемлемого уровня. Ее сердце начало биться самостоятельно, а ритм стал нормальным и регулярным, без опасных ускорений.

В палату вошел главный хирург и подозвал всех врачей и сестер к ложу Лорен:

– Я хочу, чтобы все вы увидели происходящее здесь чудо. Этот ребенок не должен был выжить. Кто-то за ней присматривает.

Шли дни, малышка Лорен набиралась сил и начала вести себя как нормальный младенец. Через месяц родители Лорен приехали, чтобы забрать ее домой. Радостно было видеть, как мать и отец берут девочку на руки и обнимают – после того как она почти три месяца прожила с трубками и проводами.

Когда я смотрела им вслед, мне пришло в голову, что Бог ответил на мою молитву в ванной комнате именно так, как я просила. Малютка Лорен ехала домой, чтобы жить. Она была свободна от боли, и ее несли на руках любящие родители.

Ким Армстронг

Руки наших друзей

Исцели меня, Господи, и исцелен буду; спаси меня, и спасен буду; ибо Ты хвала моя.

Иеремия 17:14

В то пятничное утро мы с моим мужем Луи были в кабинете врача, дожидаясь назначенного приема. Врач залечил большой разрез на роговице глаза Луи, но рубцовая ткань на месте травмы никак не формировалась. Мы беспокоились, потому что отец Луи ослеп из-за такой же проблемы.

– Не волнуйся, – пыталась я утешить Луи. – Сейчас уже наверняка все в порядке.

Я оказалась не права. Спустя пару минут доктор осмотрел глаз Луи и сказал:

– Я должен назначить вам операцию на понедельник и снова заняться этим глазом, – Он покачал головой: – Мне неприятно говорить об этом, но рубцовая ткань так и не сформировалась. Вместо этого рана начинает расходиться.

Он глубоко вздохнул:

– Вам надо питаться высокопротеиновой пищей и как можно больше спать в эти выходные. Хотя я сомневаюсь, что за эти дни глаз успеет сформировать достаточное количество рубцовой ткани, если он до сих пор этого не сделал. Приезжайте к девяти утра в понедельник, и я еще разок взгляну на вас перед операцией. Вторая операция на той же роговице иногда приводит к серьезной потере зрения.

Я видела, как напряглись плечи мужа.

По дороге домой он решил позвонить членам взрослой воскресной школы, в которой вел занятия, и попросить их помолиться о том, чтобы к понедельнику его глаз нарастил необходимую рубцовую ткань.

Потом он сказал мне:

– Знаешь, впервые в жизни я размышляю о наложении рук на мой глаз. Но наша церковь и пастор никогда не участвовали в исцелениях верой.

– Пастор не отказался бы наложить руки, если бы ты попросил его, дорогой, – ответила я.

– Верно, – согласился Луи. – Он такой сострадательный человек, что не стал бы мне отказывать, но я не хочу, чтобы он чувствовал себя

обязанным.

Добравшись до дома, мы встали на колени у кровати и взмолились Богу о чудесном исцелении глаза Луи. Я просила также, чтобы Луи смог спать, несмотря на неудобное положение, в котором ему нужно было лежать, чтобы не мешать исцелению.

– Я позвоню президенту воскресной школы и передам просьбу о молитве, только сперва переоденусь в пижаму, – сказал Луи.

Но телефон зазвонил до того, как Луи успел переодеться. Это была Робби из воскресной школы.

– У меня осталось говяжье жаркое после вчерашних гостей. Если хотите, я занесу, – сказала она. – Одна я столько не съем.

Откуда она узнала, что Луи нужен протеин?

Робби едва успела повесить трубку, как зазвенел дверной звонок. На пороге стояли Реда и Люси из воскресной школы. «Но мы же никому не звонили», – мелькнула у меня мысль.

Ред сказал:

– Я собирался в деловую поездку, и что-то словно подтолкнуло меня: надо проведать Луи. Я сказал об этом Люси, и вот мы здесь. Что случилось?

Робби пришла с жарким как раз в тот момент, когда подъехали пастор и его жена.

– Нас посетило чувство, что мы нужны Луи, – объяснил пастор.

После того как мы с Луи объяснили ситуацию пятерым прибывшим, пастор сказал:

– Давайте возьмемся за руки вокруг изголовья кровати, окружим Луи любовью и попросим, чтобы на его глазу сформировалось достаточно рубцовой ткани.

Все закрыли глаза. Пастор начал и завершил замечательную молитву, в которую каждый из нас внес вклад. Я готова была попросить его о наложении рук, но не стала делать этого без решения Луи.

Пока Робби разогревала жаркое, готовя сэндвич для Луи, я вышла проводить пастора и его жену к машине. Я поблагодарила его за прекрасную молитву и призналась, что чуть не попросила его наложить руки.

Он отступил на шаг и посмотрел на меня с радостным изумлением:

– Как удивительно! Ведь я на самом деле наложил руки на глаз Луи! У меня вдруг возникло сильнейшее желание это сделать. Поэтому я выпустил руку Луи и сложил ладони лодочкой поверх его глаза, когда мы молились. Это было прекрасное чувство.

Я поспешила обратно к Луи. Слезы радости текли из его глаз, когда он рассказывал мне:

– Пастор наложил руки на мой глаз. Я хочу, чтобы ты знала: я ни капли не пожалела о том, что попросил об исцелении, каков бы ни был результат.

Эта цепочка чудесных событий началась со звонка Робби, но на нем не закончилась. Все выходные Луи мирно проспал – «впал в глубокий сон», о котором несколько раз упоминается в Библии, хоть и лежал в неудобном положении, обязательном после операции. С вечера пятницы и до утра понедельника он проснулся только несколько раз, когда я приносила ему поесть. Когда я переступала порог спальни, он садился в постели, обтирался теплой влажной тряпкой, которую я ему приносила, ел богатую протеином пищу и снова засыпал.

Утром в понедельник наш замечательный доктор сказал:

– Знаете, я уверен, что рубцовая ткань не могла сформироваться за выходные, но не посмотреть не могу, – и он наклонился над Луи, разглядывая его глаз.

Потом выпрямился, снова посмотрел на глаз и крикнул медсестре в соседний кабинет:

– Отменяйте операцию! Это чудо! У нас тут полным-полно прекрасной рубцовой ткани!

Жанна Хилл

Пустая палата

И ради веры во имя Его, имя Его укрепило сего, которого вы видите и знаете, и вера, которая от Него, даровала ему исцеление сие перед всеми вами.

Деяния, 3:16

Однажды июльским утром мы неожиданно нагрянули домой к моему отцу в Брауэрвилль, штат Миннесота. Наш восемнадцатилетний сын Вон решил остаться дома с друзьями и поработать.

Я объяснила папе, почему мы оказались у него. На пути из Форт-Коллинза, Колорадо, мотор нашего 28-футового «дома на колесах» перегревался, если мы ехали со скоростью свыше 80 км в час. Он глох и не желал заводиться, пока не остынет. Ранее мы отвезли мою свекровь к ее брату. Но когда мы прибыли забрать ее, никого не было дома, поэтому мы решили заехать к папе.

Зазвонил телефон.

Папа снял трубку.

– Это чудо, что ты их застала. Я не ждал их сегодня, – и он протянул трубку мне.

Моя дочь, студентка университета Северного Колорадо в Грили, всхлипывала:

– Мама, мне позвонили из больницы! Вон попал в серьезную аварию на мотоцикле. Он сейчас в экстренной хирургии, и страховая компания говорит, что я должна получить ваше разрешение на подписание всех документов. А ему потребуются еще операции!

Я рухнула на ближайший стул.

– погоди минутку... Какая авария? Какие операции?

Оказалось, Вон ехал на мотоцикле по каньону к Эстес-парку, чтобы позавтракать. Съезжая с горы, он попал на гравий и слетел с моста. Ему сейчас делают срочную операцию, и понадобится еще не одна.

Мы не беспокоились, оставляя Вона одного дома. В конце концов он был очень ответственным подростком.

– Это ужасно! Вам нужно вернуться домой, – умоляла дочь.

– Мы выезжаем.

Дрожа, я положила трубку, вытерла слезы и передала слова дочери

отцу. А потом начала молиться.

Разум Гордона, четкий, как часы, сформулировал все, что нам нужно было сделать: позвонить в больницу, собрать вещи, забрать его маму... и БЫСТРО!

Но ни свекрови, ни ее брата опять не оказалось дома. Как мы сумели угадать нужный ресторан с первой попытки и найти их – ума не приложу!

Поскольку нам предстояло проделать немалый путь, мы старались не перегреть мотор. Я звонила в больницу с каждой заправки.

– Он еще в операционной.

Потом мне сказали:

– Он в критическом состоянии.

Через сотню километров от дома наш мотор стал захлебываться и снизил обороты.

– Никогда в жизни у меня не кончался бензин – и это случилось сейчас! – воскликнул Гордон, в сердцах стукнул по рулю и свернул к обочине.

Как только мы остановились, кто-то постучал в водительское стекло.

– Вам нужна помощь? – спросил незнакомец. Он отвез Гордона на заправку и обратно.

Гордон был безмерно удивлен.

– Служащий заправки одолжил мне канистру, наполнил ее бензином и сказал, что я могу заплатить, когда вернусь!

Каким-то чудом мотор завелся. Когда мы добрались до этой заправки, я снова позвонила в больницу.

– Он все еще в критическом состоянии, – ответили мне. Я закрыла за собой дверь трейлера, встала на колени и продолжила молиться.

Мы въехали на парковку больницы Форт-Коллинза около часа дня в субботу и пробрались сквозь толпу студентов к палате Вона.

Врач объяснил:

– Мы удалили ему селезенку, собрали сломанную бедренную кость и восстановили другие органы.

Еще они наложили корсет на переломанные ребра Вона, очистили его кровь и ввели ее обратно вместе с почти четырьмя литрами донорской.

– Мы делаем все возможное, чтобы он выжил, – заверил врач.

Вон очнулся. При виде нас его лицо осветилось радостью. Потом он попросил:

– Мам, пощупай мой живот.

Раздувшаяся, твердая как камень брюшная полость означала новые проблемы.

Через считанные минуты врачи ворвались в палату.

– Вону нужна новая операция. Немедленно! Он буквально истекает кровью изнутри.

Его спешно увезли.

После операции Вон лежал в коме.

– Кажется, лекарства не помогают, – сказал врач. – Если он не придет в себя этим вечером, боюсь, надежды мало.

Мы с Гордоном сели у койки сына вместе с Майклом, «кровным братом» Вона. Гордон задремал. Я похлопала мужа по плечу:

– Почему бы тебе не поехать домой отдохнуть? Мы с Майклом останемся.

Гордон обнял меня на прощанье и пообещал сменить нас.

Пробравшись между трубками и проводами, я поцеловала сына в лоб и принялась молиться усерднее, чем когда-либо в жизни.

В два или три часа ночи я почувствовала, что задыхаюсь в темной, мрачной палате, полной пищащих мониторов. Перед уходом мой священник сказал: «Я храню гостии^[2] в часовне». Будучи евангельским священнослужителем, я знала протокол. Я поспешила к часовне, нашла гостии и взяла одну из них.

Вернувшись в палату Вона, я сказала Майклу:

– Врачи сделали все, что могли. Остальное зависит от Бога.

Доверившись чуду евхаристии, я разломил гостию на три части. Один кусочек я положила на язык лежавшего в коме сына, второй дала Майклу, а остаток положила себе в рот и стала молиться:

– Дорогой Боже, пожалуйста, исцели Вона, потому что врачи не могут этого сделать. Прощу, вмешайся, чтобы мы получили назад своего сына.

Сделав все возможное, мы с Майклом отправились по домам. Я рассказала обо всем Гордону. Он принял душ и поехал в больницу.

Я едва успела переодеться, когда муж позвонил мне:

– Скорее! Возвращайся!

Я приготовилась к худшему.

Гордон добавил:

– Когда я вошел в палату Вона, там никого не было, с койки наполовину снято белье.

Я упала на стул, давясь рыданиями.

– Я запаниковал, – продолжал муж. – Я думал, что наш Вон умер.

Я вцепилась в трубку обеими руками.

– Думал?..

Гордон продолжал:

– У меня перехватило дыхание, и я упал на колени. Потом я вышел из палаты – и увидел чудо.

– К-какое ч-чудо? – заикаясь, спросила я.

– Стоя перед дверями пустой палаты, я увидел Вона, который со своей стойкой для капельницы шел по коридору. Он не был подключен ни к каким мониторам. Рядом с ним была медсестра. Она очень жалела, что они не записали это быстрое выздоровление на пленку, потому что врачи не могут его объяснить.

Зато могу объяснить я.

Линда Осмундсон со слов Илэйн Хэнсон

В ловушке под надгробным камнем

Я обложу тебя пластырем и исцелю тебя от ран твоих.

Иеремия, 30:17

– Мама! – Вопль моей шестилетней дочери Блейк взорвал безмятежность мартовского дня.

Я почувствовала, что это не обычный возглас – «иди-посмотри-что-я-нашла» или «дай-ка-я-наябедничаю-тебе-на-брата». С бьющимся сердцем я бросилась в угол двора, где играли дети. Ничто не могло подготовить меня к тому, что я увидела!

Наш двухлетний сын Мэтью лежал на влажной траве маленького кладбища, граничившего с нашим участком. Его головку придавил к земле массивный надгробный камень из гранита. Малыш не шевелился и не издавал ни звука.

– Пожалуйста, Боже, нет! – взмолилась я вслух. – Не может быть, чтобы это было на самом деле. Пусть это будет ужасный сон, Боже. Пожалуйста!

– Тим! – крикнула я мужу. – Беги сюда!

Тим перепрыгнул через низкую изгородь, окружавшую кладбище. Хотя он большой и сильный мужчина – 196 см и 113 кг, – казалось невероятным, чтобы один человек мог сдвинуть гигантское надгробие. Но Тим на адреналине одним рывком откатил его от Мэтью и помчался к дому за телефоном.

Я подняла сына с земли и бережно прижала к себе безжизненное тельце. Глаза его были закрыты, он дышал слабо и с трудом. Кровь текла из носа, ушей и рта.

– Не умирай, – попросила я, покрепче обнимая его. – Пожалуйста, Мэтью, не умирай.

Тот мартовский день принес первое тепло в этом году, и нашу семью охватила весенняя лихорадка. Я мыла окна, а дети играли во дворе. Тим объявил, что такой день идеально подходит для того, чтобы заново покрасить старую плетеную мебель. Зная, что невысохшая краска и маленькие дети плохо сочетаются между собой, я отогнала Блейк и Мэтью подальше от дома.

– А можно, мы поиграем на кладбище? – спросила Блейк. Я согласилась.

Кладбище было предметом жгучего интереса с тех пор, как мы пару лет назад купили участок земли в сельской местности. Оно было заброшенным и заросшим. Мы не знали, кто несет ответственность за поддержание в порядке его могил – все они относились к XVIII–XIX векам. Поэтому мы стали неофициальными хранителями кладбища. Иногда мы прогуливались среди могил, читая надписи на надгробных плитах. Блейк дивилась большому числу детских могил.

– Почему в старину так много детей умирало? – спросила она.

– Тогда у людей не было такого хорошего медицинского обслуживания, как сейчас, – объяснила я.

Эти слова вспомнились мне, когда я держала на руках хрупкое тело Мэтью. Смогут ли доктора сегодня, в век медицинских чудес, вылечить маленького мальчика, чью голову придавил могильный камень? И доживет ли он до больницы?

Я закрыла глаза и снова начала молиться: «Пожалуйста, Боже, пусть Мэтью живет. Не отбирай у меня сына!»

Когда я открыла глаза, на меня снизошло странное спокойствие. «Сохраняй веру. Все будет хорошо. Мэтью в Моих руках». Эти слова переполнили мое сердце, когда я гладила мягкие волосы сына и ждала прибытия «скорой». «Сохраняй веру».

Вертолет коснулся земли через считанные минуты после того, как на наш участок въехала машина «скорой» с сиреной.

– У нас «горячий груз»! – прокричал шофер пилоту. – Доставьте его в больницу как можно скорее!

«Горячий груз»? Никогда раньше не слышала такого выражения. И все же эти слова не вызвали паники в моем сердце. Покой, который я ощутила несколько минут назад, остался со мной. «Мэтью в Моих руках».

В вертолете родителям лететь не разрешалось, поэтому мы сели в грузовик Тима и помчались в больницу. Когда мы добрались, Мэтью уже увезли оперировать. Друзья и родственники собрались в комнате ожидания. С каждым объятием или рукопожатием я чувствовала себя сильнее.

– С Мэтью все будет в порядке, – твердила я. – Я это знаю.

Пять долгих часов спустя нас с Тимом допустили в педиатрическую палату интенсивной терапии. В белой колыбели, иммобилизованный шейным воротником, с трубками, присоединенными к разным частям его тела, Мэтью ничем не напоминал того бойкого ребенка, который резвился в саду и залезал на могильные камни всего несколько часов назад.

– Он не умрет. Правда, док? – запинаясь, проговорил Тим. – Скажите мне, что с моим сыном все будет в порядке!

– Мы пока не можем этого знать, – мягко ответил врач. – Чудо уже то, что он вообще жив. Есть некоторая вероятность паралича. Может быть, и мозг поврежден. Возможно, пострадали его слух или зрение.

Кровь отхлынула от лица Тима, и он рухнул на стул. Я подошла и обняла его.

– С Мэтью все будет в порядке, – сказала я ему.

– Как ты можешь такое говорить? – воскликнул муж. По его щекам текли слезы. – Откуда тебе знать?

– Я знаю это от самого лучшего авторитета, – сообщила я. – От высшего.

Этот авторитет, как всегда, оказался прав. Ровно через неделю после несчастного случая Мэтью выписали из больницы. Он отправился домой с раздробленной лицевой костью, расплюснутым ухом, сломанным носом и стержнем в пояснице для удаления жидкости из позвоночника.

– Я не думала, что такой малыш с этим справится, – призналась одна из медсестер, когда мы уезжали из больницы. – Это настоящее чудо.

Сегодня Мэтью – счастливый, здоровый подросток. Он любит спорт, видеоигры и хорошо учится в школе. Единственными напоминаниями о несчастье остаются очки, которые он носит, чтобы защитить свой «сильный» глаз, и пострадавшее чувство обоняния. Хотя настоящих воспоминаний о том дне у него не сохранилось, он столько раз слышал пересказы этой истории, что утверждает, будто помнит ее во всех подробностях.

Так что же спасло Мэтью от смерти тем судьбоносным весенним днем?

Одни говорят, что дело в земле, которая была в тот день такой мягкой, что под весом могильной плиты подалась достаточно, чтобы ребенка не расплющило в лепешку. Другие отдают должное системе идентификации 911 в нашем округе, которая позволила работникам «скорой» так быстро добраться до нашего дома. Третьи указывают на тот факт, что у нас большой двор и вертолету было куда приземлиться.

Все эти факторы, несомненно, сыграли определенную роль в чуде, случившемся с Мэтью. Но я знаю, что на самом деле спасло ему жизнь. Мэтью тоже это знает.

– Папа снял с меня могильную плиту, а вертолет отвез меня в больницу, чтобы врачи сделали операцию, – говорит он. – А Бог спас мою жизнь.

«Мэтью в Моих руках. С ним все будет в порядке, – шептал мне Бог в тот ужасный день. – Сохраняй веру. Сохраняй веру».

Я верила и верю по сей день. Теперь еще сильнее, чем прежде.

Мэнди Гастингс

Сотворение Джейкоба

Иисус, продолжая речь, сказал им: одно дело сделал Я, и все вы дивитесь.

Евангелие от Иоанна, 7:21

Мы с мужем ждали нашего четвертого ребенка. Беременность развивалась нормально примерно до 31-й недели, когда врачи заметили проблему с ростом малыша: он был гораздо меньше, чем положено на этом сроке. Врачи стали наблюдать меня внимательнее, проводя исследования и ультразвук дважды в неделю. В 34 недели они заметили, что вокруг ребенка скапливается избыток жидкости, его конечности короче, чем должны быть, и у него, похоже, желудок в форме «двойного пузыря». Врачи нашего городка в Юго-Восточном Нью-Мексико решили послать меня к специалисту – акушеру-гинекологу в Одессу, штат Техас (примерно в 130 км от нас).

В Одессе специалист провел еще одно ультразвуковое исследование. Он подтвердил проблемы, которые обнаружили мои «домашние» доктора, и смог найти им название. «Двойным пузырем» желудка малыша было отклонение, называемое дуоденальной атрезией; при нем трубка, ведущая от желудка к тонкому кишечнику, отсутствует или заблокирована. Жидкость через нее не проходила, и желудок и почки ребенка чрезмерно раздулись.

Врач уверил меня, что, пока ребенок находится в утробе, с ним все в порядке, но понадобится операция, чтобы исправить дуоденальную атрезию вскоре после рождения. Поскольку у малыша была эта проблема, укороченные ручки и ножки, да еще избыток околоплодной жидкости, велика была вероятность рождения ребенка с синдромом Дауна. Из-за всех этих осложнений врач хотел отправить меня рожать в Даллас (примерно 650 км от дома), где были лучшие в мире хирурги-педиатры и отделения неонатальной интенсивной терапии.

Мы с мужем не могли прийти в себя от этих новостей. Выживет ли наш ребенок? Чего он не сможет делать, если родится с синдромом Дауна? Но хотя мы оба понимали, что рождение ребенка с синдромом Дауна станет для нас испытанием, в этой ситуации были свои светлые стороны – мы могли бы обеспечить ему наилучшую возможную жизнь. Сам синдром Дауна был не так страшен, как мысли об операции и процессе

выздоровления. К тому же у нас было трое детей-школьников, которых нам пришлось бы оставить дома с родственниками, пока мы будем в Далласе.

У меня была почти неделя, так что я готовила к своему отъезду детей, а мы с мужем пытались подготовить к этому самих себя. Мы обзвонили родственников и были внесены в молитвенные списки по всей стране. Мой муж, дети и я сама каждый вечер молились за столом, как делали всегда, но теперь концентрировались на молитве за нашего неродившегося ребенка. Я часто плакала, но знала, что Бог поможет нам это выдержать – Он и раньше всегда нам помогал.

Мы поехали в Даллас, когда у меня было 36 недель беременности, и встретились с акушером-гинекологом и хирургом в детском медицинском центре. Они снова сделали ультразвуковое исследование и подтвердили поставленные диагнозы. На следующий день мне стимулировали роды. Прошло трое суток, а ребенок даже не думал появляться на свет. Тем временем все продолжали молиться за нас. Мы скучали по детям, они скучали без нас, и все мы волновались за малыша.

Однако Бог услышал молитвы наших друзей и близких. Несмотря на трудные обстоятельства, Он подарил нам покой, который я не в состоянии объяснить. Мы просто знали, что все будет хорошо, и продолжали молиться. После третьего дня врачи отпустили меня в отель на выходные и сказали, что мы попробуем все заново в понедельник. Но никакого прогресса не было, и тогда они наконец сделали операцию – кесарево сечение.

Мой маленький Джейкоб Стюарт Рич весил 2200 граммов и, похоже, чувствовал себя неплохо. Почти сразу после рождения нам сказали, что синдрома Дауна у него нет. Вечером медсестры из отделения неонатальной интенсивной терапии дали Джейку бутылочку и – удивитесь! – на следующее утро он покакал! Подразумевалось, что он не сможет этого сделать до операции, потому что его кишечник не прикреплен к желудку. Еще никогда мы с мужем не были так счастливы при виде грязного подгузника!

Джейка перевели в детский медицинский центр, чтобы разобраться, что случилось. Там ему исследовали верхний и нижний отделы желудочно-кишечного тракта, взяли анализы крови – словом, сделали все возможное. После чего нам сказали, что у Джейка не только нет синдрома Дауна, но и не удалось обнаружить никаких признаков дуоденальной атрезии. Наш малыш был маленьким, но совершенно здоровым.

Проведя две недели в Далласе, мы вернулись домой. Врачи извинялись за свои «ошибки», но я говорила всем и каждому: «Я не верю, что четверо

врачей у нас дома, врач в Одессе и врач в Далласе дружно ошибались. Это Бог исцелил его».

Вероятно, Бог еще не закончил творить Джейкоба в первый день, когда мне стимулировали роды, и потому-то они продолжались трое суток. Бог все еще трудился над нашим сыном, исцеляя его, и был не готов к рождению Джейкоба!

Я точно знаю, что Бог исцелил моего сына, что Он слышал всех замечательных людей, которые поминали нас в своих молитвах. Я твердо верю, что Бог творит чудеса каждый день. Я чувствую себя безмерно благословенной не только потому, что родила здорового сына, – я пережила одно из Божьих чудес.

Келли Стюарт Рич

Глава 3

Любовь свыше

А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше.

1-е Коринфянам, 13:13

От Сары с любовью

Проси себе знамения у Господа Бога твоего: проси или в глубине, или на высоте.

Исаия, 7:11

Каждый День благодарения сотни семейств приезжали на окружные ярмарки, чтобы забрать пакеты с бесплатными продуктами и всем необходимым для праздничного угощения, включая талон на покупку жирненькой индейки. Эти подарки распределяли местные церкви. В каждом пакете лежали ярко раскрашенные праздничные открытки, нарисованные детьми.

Старшеклассники, улыбаясь, раздавали чашки с супом или горячим какао и относили пакеты на парковку для тех, кто был прикован к креслу-коляске или просто устал.

Наблюдая за волонтерами, я заметила пожилую женщину, которая шла и плакала. Я поспешила к ней, обняла ее и взяла у нее из рук сумки с продуктами.

– С вами все в порядке?

– О да! Мне просто нужно присесть на минутку.

Я помогла женщине опуститься на ближайшую скамейку и сама села рядом.

– Только что случилось нечто необыкновенное, у меня просто ноги подкосились!

Я подождала, пока женщина возьмет себя в руки.

– Видите ли, моя милая маленькая внучка умерла этой весной, – заговорила она. – Какое горе! Саре было всего пять лет. Каждый год она рисовала прекрасную праздничную открытку на День благодарения и ставила ее на праздничный стол. Я не представляла, как смогу пережить этот праздник, не узнав каким-то образом, что у Сары все хорошо и что она теперь с Иисусом.

Женщина вытерла слезы и продолжила:

– Я просила Бога дать мне знак, что моя внученька с Ним. – Она снова промокнула глаза платком. – И вот всего пару минут назад любезный молодой человек вручил мне пакет с продуктами. Он сказал, что кое-кто сделал для меня открытку, которую я найду в пакете.

Я кивнула, улыбаясь:

– О да, разве они не чудесные? Дети из церквей нашего округа нарисовали сотни открыток на День благодарения.

Дрожа, женщина стиснула мою руку.

– Вы не понимаете! Больше всего на свете моя внучка любила рисовать радугу. Но это еще не все. Пожалуйста, взгляните на эту открытку.

Настала моя очередь заплакать, когда я увидела безупречную дугу радуги, нарисованную на чистом голубом небе. Под ней были слова:

«Иисус любит тебя, и я тебя люблю... С любовью – Сара».

Мэри Смит

Розы для невесты

На это сказали Ему: какое же Ты дашь знамение, чтобы мы увидели и поверили Тебе? Что Ты делаешь?

Евангелие от Иоанна, 6:30

Я потеряла обоих родителей в смертельной автокатастрофе, когда мне было пять лет. К счастью, в этом возрасте ребенок не понимает всей глубины утраты.

Много лет спустя, в 23 года, я планировала свадьбу с Шелли (его полное имя – Шелдон), замечательным 28-летним мужчиной, который вырос в очень дружной семье – как раз такой, каким я всегда завидовала. Мы с Шелли уже купили свой первый дом с просторным, прекрасно спроектированным двором и патио, идеально подходящим для праздников на свежем воздухе. День свадьбы приближался, мы убрали, обставляли и приводили в порядок дом и двор, выбрасывая ненужное. Ни у кого из нас не было опыта в ландшафтном дизайне. Мы умели только стричь траву, а тут пришлось учиться обрезать ветки, формировать кроны и ухаживать за растениями.

Накануне свадьбы мы добавляли последние штрихи, украшая сад. Еще раньше мы посадили цветы, скосили газон, подровняли изгороди и были очень довольны тем, как аккуратно выглядит территория. Но одно растение вызывало у нас сомнения. Розовый куст у входной двери, явно не случайно посаженный прежними хозяевами на таком видном месте, стоял совершенно голым: ни листьев, ни почек. Он казался мертвым, но мы не были в этом уверены и решили пока сохранить его.

В тот вечер, после традиционной репетиции торжества и последовавшего за ней ужина, я была слишком взволнована, чтобы уснуть. Я встала, вышла на задний двор и присела на крыльцо, вглядываясь в теплую, ясную, звездную ночь. Мне вдруг вспомнилось, что единственные, кого не будет на моей свадьбе, – это мои родители. До того момента у меня не было времени об этом подумать.

Мысль о них наполнила меня печалью. Ведь каждая девушка мечтает о том, как отец поведет ее к алтарю, а мать будет ободряюще улыбаться рядом. Переполненная эмоциями, одна в ночном саду, я начала разговаривать с мамой и папой так, как если бы они меня слышали. Я

просила их о знамении; никогда прежде я об этом не думала, но теперь чувствовала, что обязана это сделать:

– Дайте мне знак в день моей свадьбы, что вы со мной.

На следующий день Шелли позвал меня взволнованным голосом. Я поспешила к нему на первый этаж.

– Ты не поверишь, что я тебе сейчас покажу!

Он отступил в сторону. На голом еще вчера розовом кусте распустились две огромные розы!

Я ни на секунду не усомнилась в том, что мы стали свидетелями чуда – чуда любви.

Венди Дилэйни

Знак любви

Укажи мне, Господи, пути Твои и научи меня стезям Твоим.

Псалтирь, 25:4

Я всегда твердо верила в Бога и молитву, и когда люди говорили, что Бог разговаривал с ними, я в их словах не сомневалась. Я только гадала, на что это похоже. Как звучит этот голос? Почему Бог не говорит со мной? Может быть, одни люди больше одарены благодатью, чем другие...

Но пару лет назад я молилась о своей внучке, и... Сначала мне показалось, что я схожу с ума.

У моего сына Лео и его жены Селесты родилась прекрасная девочка, которую назвали Фелисией. Через несколько лет они развелись, и опеку над дочерью получил мой сын, но Селеста тоже о ней заботилась.

Когда Фелисии было девять лет, ее мама отправилась в Южную Каролину навестить друзей. Она позвонила дочке, сказала, что через пару дней будет дома, и отправила ей по почте брелок для ключей с ее именем.

Но домой Селеста не вернулась.

Ее мать подняла тревогу, когда несколько дней от нее не было звонков. Через пару дней позвонил сотрудник полиции из Северной Каролины с вопросом, были ли у Селесты какие-то особые приметы. Мама Селесты описала ее татуировки – цветок на запястье и бабочку на щиколотке. Тогда полицейский сообщил горестную новость – тело Селесты нашли в поле у шоссе. Она была убита и пролежала там трое суток.

Бедняжка Фелисия пережила трагедию, какую не пожелаешь ни одному ребенку. Я зашла к ней в спальню, где она молча сидела на полу. Я села рядом, и мы начали разговаривать. Фелисия рассказала, что, когда она в последний раз разговаривала с мамой по телефону, та радовалась, что уже едет домой и через пару дней увидится с дочерью. Сквозь слезы Фелисия вспоминала про отправленный ей почтой именной брелок для ключей. Но Фелисия так и не получила этот подарок.

Через пару дней я снова поехала навестить Лео и Фелисию. Я вела машину, непрерывно молясь за всю семью Селесты, но главным образом за свою внучку. Собираясь свернуть с шоссе к дому сына, я услышала голос – не человеческий, не женский и не мужской, – который говорил мне:

«Достань брелок для Фелисии».

– Что?

«Достань брелок для Фелисии».

Я совершенно растерялась. Где мне его искать?

И снова: «Достань брелок для Фелисии».

На этот раз я выкрикнула вслух:

– Где, Боже, где мне его взять?!

Я уже подъезжала к дому сына, когда опять услышала тот же голос: «Езжай дальше – и увидишь».

Мне было велено ехать по шоссе, потом свернуть в указанном месте, снова повернуть налево и войти в ближайший магазин. Все это я послушно выполнила. В магазине продавали бижутерию для девочек, но сперва я не увидела ничего похожего на брелок.

Я взглянула на женщину-кассира:

– У вас ведь здесь нет брелоков для ключей, верно?

Та ответила:

– Есть, конечно, вот же они! – и указала на круглую вешалку, сплошь увешанную самыми разными брелоками – всех типов, форм и цветов. Теперь я окончательно растерялась. Какой мне выбрать? И тут же услышала: «Возьми голубой со словом АНГЕЛ».

«Почему именно этот? Почему – АНГЕЛ?»

Но я протянула кассиру брелок, который стоил всего пару долларов.

Около дома сына прозвучало: «Напиши на обратной стороне».

Я вынула из сумки ручку, и мне было сказано, что я должна написать.

Металл был довольно мягким и продавливался под стержнем. Я написала: «Фелисии. Будь хорошей девочкой. Мама».

А потом я вошла в дом.

Мой сын был в гостиной. Я спросила:

– Где Фелисия?

Мое сердце колотилось от волнения, в кулаке за спиной я сжимала брелок. Лео спросил, что происходит. Я сказала, что мне нужно видеть Фелисию, и подмигнула. Он позвал ее, она прибежала с радостным криком «Бабушка!» и повисла у меня на шее.

Я сказала:

– У меня есть для тебя кое-что очень важное.

Она непонимающе уставилась на меня:

– Что?

Я напомнила о ее последнем разговоре с мамой и о брелоке для ключей:

– Кажется, я его нашла.

– Где? – спросила девочка, явно растерявшись.

– Не важно где. Мне просто было сказано привезти его тебе.

Я дала ей брелок, и малышка заплакала, а потом показала подарок отцу.

Я сказала:

– Не понимаю только, почему на брелоке написано АНГЕЛ. Разве твоя мама не говорила, что там должно быть твое имя?

Лео проговорил:

– О Боже, мама, ты ведь не знаешь! Когда Фелисия родилась, Селеста хотела назвать ее Энджел – Ангел, но я ее отговорил!

Тогда заплакала я. Я поняла, что это Святой Дух говорил со мной, чтобы доставить Фелисии брелок от мамы.

Пола Коте

Евангелие от Луки, глава 16

И Он начал говорить им: ныне исполнилось Писание сие, слышанное вами.

Евангелие от Луки, 4:21

Я сидела на церковной скамье. Слушать пастора становилось все труднее. Я пыталась прогнать из памяти сцены того ужасного дня, моля Бога помочь мне сосредоточиться на проповеди.

Прошло всего несколько недель после аварии, и я была совершенно без сил. Меня преследовали картины трагедии, в которой погиб мой муж Макс. Мы были женаты всего два года. Я не понимала, почему Бог это допустил, ведь нет на свете ничего, что произошло бы без Его ведома.

Я пыталась прислушаться к пастору, держа на руках свою десятимесячную дочку Брианну, и молила о покое и освобождении от ужасных воспоминаний.

Пока я сидела и молилась, эти воспоминания постепенно вытеснила настоятельная потребность открыть Библию на шестнадцатой главе Евангелия от Луки. Я не понимала, что нового я могу узнать из этой главы, поскольку читала ее много раз.

Тем не менее я решила, что Бог, должно быть, хочет показать мне что-то конкретное, и стала перелистывать страницы...

Я заплакала и рассмеялась одновременно, когда на правом поле книги, рядом с 16 главой, оказались слова, написанные почерком моего мужа: «Я люблю тебя! Макс».

Лиза Джо Кокс

Кладбищенские шутки

Он еще наполнит смехом уста твои и губы твои радостным восклицанием.

Иов, 8:21

Прошло больше года с тех пор, как я в последний раз побывала на сельском кладбище Тен-Майл. Когда-то я ездила сюда каждую неделю, но время шло, моя сердечная боль стихала и визиты случались все реже.

Когда я вышла из машины, жаркое летнее солнце обожгло мне шею. Откуда-то доносился гул газонокосилки, и воздух был напоен ароматом свежескошенной травы. По другую сторону дороги несколько ленивых коров прекратили свое неторопливое шествие к кормушке и уставились на меня. Я смотрела на них, пока мне не надоела вонь коровьих лепешек; тогда я повернулась и прошла через главные ворота на ухоженную территорию кладбища.

Внутри меня происходила странная борьба эмоций. Поскольку я давно здесь не была, какая-то часть меня спешила поздороваться со старыми друзьями. Другая часть погружалась в скорбь, бремя которой я влачила так долго. Но я пришла, чтобы выразить свое уважение умершим, поэтому проглотила ком в горле и пошла дальше, шаг за шагом, к трем могилам, которые когда-то навещала так часто.

Вот тогда-то я и заметила спринклер для полива. Очень большой, поистине фермерских размеров, он возвышался над землей, вращаясь и поливая траву на кладбище – круг за кругом, периодически выбрасывая длинную, прямую струю воды. Я остановилась и постояла, наблюдая, насколько сильно и близко к тому месту, куда я шла, бьет струя. Я наблюдала ее вращение в четыре или пять полных оборотов, прежде чем решила, что у этих трех могил она меня не достанет.

У меня был заведенный порядок. Я всегда начинала с могилы моего бойфренда Шэннона, затем делала два шага вправо, к его матери Бекки, и, наконец, три шага назад, к его бабушке, которую он называл Нэнни. Подойдя к Шэннону, я начала с обычного приветствия: «Привет, малыш! Как у тебя дела там, наверху? Сегодня здесь внизу ужасно жарко...» Дальше шла легкая болтовня на любые темы, какие только приходили в голову, чтобы на пару секунд отсрочить приход прежней, привычной

печали. Я опустила голову, чувствуя, как ее волна поднимается в груди... и тут это случилось. *ПЛЮХ!* В меня выстрелила струя воды из спринклера. Но ведь я только что убедилась, что он не дотягивал до этого места!

На самом деле не стоило удивляться. Шэннон всегда был остряком, и такого рода шутки вполне в его духе. Но ведь Шэннон, в конце-то концов, мертв! Правда, при жизни он потрясающе умел смешить всех вокруг. Он мог растормошить даже незнакомого человека, и делал это с легкостью. Он веселил подавальщика в окне автозакусочной, людей в очереди в продуктовом магазине или в банке – где угодно. Всего минута – и собеседник уже хватается за живот от хохота.

Помню, Шэннон решил заявиться в ближнюю таверну прямо в купальном халате и шлепанцах – просто ради смеха. Как обычно, всем присутствующим это страшно понравилось, и в два часа ночи он шествовал домой в сопровождении полудюжины попутчиков. Они танцевали, смеялись и пели несколько часов!

Ему было двадцать три, а мне – восемнадцать. Он был моей первой настоящей любовью. Мы собирались пожениться. Я была просто раздавлена, когда к нам домой пришел полицейский и сообщил, что Шэннон попал в смертельное ДТП. Еще сильнее горевали его дядья и милая Нэнни. Они были очень привязаны друг к другу с тех пор, как мать и отец Шэннона умерли – это случилось раньше, чем ему исполнилось восемнадцать. Для Нэнни это был такой удар, что она умерла через три месяца после Шэннона.

Так в свои восемнадцать я завела этот порядок – надеюсь, это приходится делать немногим восемнадцатилетним... Раз в неделю я приезжала на сельское кладбище Тен-Майл навещать троих своих друзей. Я всегда шла вначале к могиле Шэннона, начинала с короткого приветствия и чувствовала, как внутри меня вскипает печаль. Потом переходила к его матери и бабушке...

Но никогда прежде, ни разу, со мной не случилось ничего подобного!

Сначала я решила, что это, должно быть, какая-то глупая случайность. Поэтому я уставилась на спринклер, наблюдая, как он вращается. Больше он не стрелял водой так сильно, она даже близко ко мне не подобралась. Тогда я снова повернулась к Шэннону с новым приветствием и опустила голову, ощущая нарастающую грусть... *ПЛЮХ!* Меня опять обдало водой. Вытирая мокрое лицо, я увидела, как мой обидчик-спринклер как ни в чем не бывало продолжает вращаться и больше никуда не стреляет. Я недоверчиво покачала головой и отступила вправо, к могиле матери Шэннона.

Я постояла еще с минуту, наблюдая за спринклером, исправно поливавшим землю далеко от меня, а потом сказала: «Привет, Бекки». Но стоило мне опустить голову и погрузиться в печальные мысли, как... поверите ли? *ПЛЮХ!* Я снова была мокрая с ног до головы!

На этот раз я только хмыкнула, гадая, как такое могло случиться. Я окинула взглядом все кладбище, пытаюсь понять, кто мог сыграть со мной такую шутку. Что за глупости – издеваться над скорбящим человеком! Кому такое могло прийти в голову? Но вокруг никого не было. Только я, коровы на той стороне дороги и этот несчастный спринклер!

Мне оставалось подойти к еще одной могиле, позади надгробия Шэннона. Я покачала головой и, уже посмеиваясь, пошла туда, наблюдая, как вращается такой далекий и безобидный спринклер. Поздоровалась, опустила голову, и... *ПЛЮХ!* Умойся снова!

Выведенная из себя, я раскинула руки и завопила: «Ага! Значит, вы не хотите, чтобы я сегодня печалилась?!» Я все еще смеялась, уходя с кладбища мимо спринклера, который меня и струйкой не тронул, – и устроила себе фантастический выходной в конце этого летнего дня.

Теперь я прихожу на это кладбище не с печалью, а с благодарностью за то, что мне довелось любить такую замечательную семью.

Бобби Клемонс-Демут

Золотой дар

И сказал Исаия: вот тебе знамение от Господа, что исполнит Господь слово, которое Он изрек.

4-я Царств, 20:9

Мы с моим мужем Дугом проводили отпуск на курорте в Алабаме. Вода в бассейне была так сильно хлорирована, что нам пришлось поехать за очками для плавания. К счастью, в десяти милях от курорта в торговом центре мы нашли магазинчик спорттоваров. И тут мне захотелось зайти в небольшой ювелирный магазин по соседству.

Это было необычное для меня желание. Я не покупала себе настоящих украшений давным-давно – с тех пор как мы с мужем надели свои обручальные кольца. Дуг поддержал мой спонтанный порыв. Он не любил заниматься шопингом или сопровождать меня за покупками. Но тут мы были в отпуске, не торопились и ничего не имели против приключений. Поэтому мы с легким сердцем направились к ювелирному.

Войдя в этот симпатичный маленький магазинчик, я тут же подошла к вращающейся витрине с золотыми серьгами. Мне совсем не нужна была еще одна пара, но мое внимание привлекли очаровательные серьги в форме дельфинов, плавающих по кругу. Я улыбнулась, вспоминая, как наш сын Джей с детства и уже во взрослом возрасте обожал дельфинов. Волна печали поднялась во мне, когда я подумала о приближавшейся годовщине смерти нашего любимого Джея.

– Почему в сотнях километрах от океана продаются серьги с дельфинами? – удивилась я вслух, обращаясь к Дугу. Они показались мне неожиданной и удачной находкой, поэтому я попыталась рационально обосновать свое желание иметь такие серьги: они стали бы любовным напоминанием о Джее или подарком себе самой на день рождения. Их можно было рассматривать как награду за тяжелую физиотерапию после моей недавней операции на спине. А если этих причин недостаточно, я просто купила бы их как сувенир на память об этих каникулах.

Но когда продавец показал нам слишком «кусачий» ценник, я тут же выбросила из головы мысль о покупке. Дуг явно испытал облегчение.

Наше настроение переключилось на режим «мы в отпуске». Мы вспомнили, что зря тратим здесь время, когда можно загорать и купаться, –

и вернулись к бассейну, чтобы обновить свои плавательные очки.

Энергичная физическая нагрузка обеспечила нам в ту ночь крепкий сон. Я медленно просыпалась в предрассветной мгле, в блаженном состоянии полудремы, и вздрогнула, когда в тишине раздался голос. Он показался мне знакомым, похожим на голос Джея. Я напрягла зрение, но не сумела разглядеть, откуда он исходил.

– Как делици, мам? – Это приветствие нельзя было спутать ни с одним другим. Именно так Джей всегда здоровался со мной, приезжая навестить нас. – Хочу, чтобы ты знала: я здесь по-настоящему счастлив, – продолжал голос. – А еще я хочу, чтобы ты купила себе серьги с дельфинами ко дню рождения.

Голос Джея настойчиво продолжал:

– Возьми деньги из моего бумажника, который лежит в портфеле за коробками в кладовке. Тогда, надевая эти сережки, ты будешь счастлива так же, как счастлив я.

Голос пропал так же внезапно, как и появился. Меня охватили растерянность и смущение, но то, что произошло, согрело мою душу.

Я не хотела рассказывать Дугу об этом необыкновенном происшествии, потому что сама была не вполне уверена, что оно случилось на самом деле. Мое переживание было слишком трепетным, слишком невероятным, чтобы им делиться. Муж мог приписать его вполне объяснимому стрессу, который я всегда испытывала в это время – перед годовщиной смерти сына. Я приняла твердое решение ничего не говорить ему.

Но потом, сама не знаю как, рассказ об этом событии вырвался из моей груди. Ошарашенный и явно скептически настроенный, Дуг оценил ситуацию своим отточенным умом юриста и задал мне конкретные проверочные вопросы.

Убедившись, что действительно произошло нечто чудесное, он спокойно сказал:

– Бог часто творит удивительные дела в жизни Своих верных последователей, таким способом показывая им Свою любовь.

Мой хладнокровный муженек всерьез считал, что это таинственное событие могло быть сообщением от Бога и Джея!

Дуг рассказал, что это он спрятал портфель Джея в кладовку вскоре после его смерти. Он даже не заглянул внутрь. Когда Джей утонул, я была слишком безутешна, чтобы разбирать его вещи, поэтому Дуг просто убрал их с глаз долой. С тех пор портфель лежал, забытый в шкафу.

А потом мой обычно экономный муженек предложил экстравагантный

план. Он хотел, чтобы мы поехали в тот ювелирный магазин и купили серьги с дельфинами. Если в бумажнике Джея обнаружатся деньги, они возместят их стоимость. Этот поступок Дуга помог мне ощутить его любовь и тепло.

Мы вернулись в ювелирный магазинчик и совершили свою золотую покупку. Как ни удивительно, на следующий день, надев эти прекрасные серьги, я впервые за восемь лет почувствовала себя согретой, умиротворенной и счастливой в годовщину гибели Джея.

Вернувшись после отпуска в Сан-Диего, мы с Дугом отправились в кладовку. Там, за пыльными старыми коробками, нашелся портфель. Мы осторожно открыли его. Потертый коричневый бумажник Джея лежал внутри, так и приглашая заглянуть в него.

Я затаила дыхание, пока Дуг считал банкноты.

Сумма точно соответствовала цене сияющих золотых сережек с дельфинами! Слезы благодарности за чудесный посмертный подарок сына выступили на моих глазах.

Би-Джей Йенсен

Джордж

В равное возмездие, – говорю, как детям, – распространитесь и вы.

2-е Коринфянам, 6:13

Я не могла оторвать глаз от новорожденного младенца на руках у матери. Девочка, завернутая в одеяльца и пеленки, была крохотной, ее темные глазки ярко блестели, словно в них горел неугасимый свет. Лежащие на больничной койке мать и ребенок так явно были связаны невидимыми узами! Сможем ли мы с малышкой наладить такой же контакт?

Я чувствовала себя неуверенно. Если бы Джордж был здесь! Он сидел бы в кресле, пыхтя своей любимой трубкой. Я не любила дым, но аромат его вишневого табака всегда меня успокаивал.

Удочерение стало огромным шагом в моей жизни, полной странных изгибов и поворотов. Если бы мой наставник Джордж был рядом, он бы поддержал меня, и я знала бы наверняка, что все происходит как надо.

Словно читая мои мысли, родная мать малышки, Келли, протянула мне ребенка.

– Вы будете прекрасной мамой, – сказала она. Я взяла маленькую Марию на руки.

Семь лет назад желание обнять моего собственного ребенка было несбыточной мечтой. Я жаждала иметь семью, но с браком не сложилось. В сорок лет я начала долгий процесс усыновления – и десять раз мне отказывали по разным причинам. Я уже собиралась сдаться, но Джордж настаивал, что усыновление – именно то, что мне нужно. «Ты должна продолжать попытки», – говорил он.

В этот, одиннадцатый раз я несколько часов разговаривала с матерью и отцом, неженатой парой из Лас-Вегаса: она по-прежнему любила его, но он полюбил другую. Под конец их визита Келли предложила мне дар, о котором я мечтала так долго.

– Я уверена, что приняла верное решение, – сказала она, глядя в окно, где лес заслонял горы и озеро. – Это прекрасное место, чтобы растить ребенка. Я бы никогда не смогла дать ей ничего подобного.

Часы посещений заканчивались, я неохотно отдала Марию Келли и

стала наблюдать, как она укачивает ребенка. Мою душу раздирали сомнения. У Келли было впереди 72 часа, чтобы изменить решение. Мне надо было уходить, а у Келли оставалось полным-полно времени наедине с Марией. Для меня этот период ожидания был сплошной мукой.

Спустя три дня, когда часы отсчитывали последние минуты этого срока, женщина – социальный работник попросила дать ей возможность переговорить с Келли и родным отцом ребенка наедине. Пока я стояла за закрытой дверью, мне снова вспомнился Джордж. Мои родители не поддержали идею усыновления: мать считала, что я слишком стара для этого. Но у меня был Джордж, мой прекрасный друг! Всего полтора года назад он уверенно отметал мои тревоги о том, что с усыновлением ничего не выйдет. «Наберись терпения, и у тебя все получится, – говорил он. – А я буду рядом». Он был похож на мудреца – этакий философ, вечно попыхивавший своей трубкой. Его ясные глаза сияли пронизательностью. Никто не мог предположить, что Джордж способен нарушить обещание, но, к моему ужасу, спустя пару недель он скорострительно умер от рака.

Мне стало некому рассказывать о своих мечтах. Джордж был моим вторым отцом, моим наставником, моим гуру. Он всегда дарил мне надежду.

Мы познакомились в 1970 г., когда я победила в конкурсе красоты «Мисс Гавайи». Он подошел ко мне в фойе и сказал: «Вы заслужили свою победу». Откуда он знал? Это был мой пятый по счету конкурс. Я пыталась выиграть снова и снова – и в этот раз, благодаря упорному труду и железной решимости, добилась успеха.

Джордж попросил меня встретиться с ним на следующий день. Мы сразу же стали друзьями. Во время нашего первого разговора он высказывал невероятные вещи, которые изменили мою жизнь. Он говорил, что мир содержит в себе больше возможностей, чем мы в состоянии себе представить. Мы можем осуществить свои мечты, если сфокусируемся на успехе и будем уверены в себе.

Джордж интриговал меня. Он жил в Оклахоме, а я в Калифорнии, но это не мешало нам звонить друг другу или периодически вместе обедать. Он помогал мне найти свой путь в трудные времена. После того как я выжила в огненной катастрофе самолета *DC-10*, Джордж был моей «горячей линией». Он разговаривал со мной по телефону и помогал понять, что именно я пережила.

Через несколько месяцев после этой катастрофы по его совету я посмотрела в лицо своим страхам и выступила в суде о правилах гражданской авиации. Мои показания привели к внесению изменений в

процедуру безопасности. Потом Джордж поддержал мое желание основать собственный бизнес, когда я рассталась с мужчиной, с которым встречалась не один год. А позже, когда я решила, что слишком поздно рожать ребенка, именно Джордж посоветовал мне усыновление.

За 23 года нашего знакомства у нас накопилось немало своих шуток и подколов. Но больше всего я любила жемчужины мудрости, которые называла «джорджизмами». Каждый раз перед тем, как выдать очередной «джорджизм», Джордж откидывался в кресле, пыхал трубкой и задумывался. Джордж и этот аромат жженой вишни были неразлучны... А теперь я осталась одна. Мне было очень страшно.

Социальный работник вышла из палаты Келли.

– Можем продолжить, – сказала она. От ее слов я вся обмякла, точно спущенный воздушный шарик. – Спускайтесь с Келли в детское отделение, а потом принесите малышку обратно.

Келли выписала Марию из детского отделения, и мы вместе покатали колыбельку к палате, где нам предстояло подписать документы на удочерение. Сказать, что я шла точно по горящим углям, – значит здорово преуменьшить. *Что, если она передумает в эти последние минуты?* Но я уже считала эту девочку своей, своей Марией, такой крохотной в этой колыбельке, – маленькое существо, погруженное в мир розовых одеялец и желаний окружавших ее людей. Я хихикнула, видя, как ее кулачки молотят пустой воздух. «Непоседа будет», – предсказывал Джордж. Он не ошибся: мне предстояло удочерить маленькую непоседу. Если все пойдет хорошо... если Келли подпишет...

Внезапно Келли остановилась. *О нет*, испугалась я. *Она передумала.* Слезы выступили у меня на глазах.

Келли принялась и сказала:

– Кто-то курит. Станный запах, пахнет вишневым табаком. – Тут она заметила мои слезы и бережно передала мне девочку.

В воздухе действительно пахло жженой вишней.

Я поцеловала свою малышку:

– Мария, наш друг Джордж здесь, как и обещал!

Донна Хартли

Снимок с той стороны

И еще: Я буду уповать на Него. И еще: вот Я и дети, которых дал Мне Бог.

К Евреям, 2:13

Дедушка пришел навестить меня вечером накануне того дня, когда умерла моя мама. Я была так рада видеть его, что эмоции брызнули из меня фонтаном, как водяная колонка во дворе дома, где мы жили в Джорджии в моем раннем детстве. Я много лет не видела дедушку – с самых его похорон.

– Деда, какой сюрприз! – закричала я. – Где ты был? Должно быть, у тебя все хорошо; ты прекрасно выглядишь! – Он действительно выглядел отдохнувшим и молодым. – Я так рада видеть тебя! Не могу поверить, что это ты! Это и вправду ты? – лепетала я.

Дедушка сиял, точно никак не мог наулыбаться вволю. Я ощущала его присутствие, словно стояла рядом с обогревателем в холодный день. Он крепко обнял меня, и я почувствовала себя защищенной.

– Дедушка, зачем ты пришел? Тебя так долго не было...

– Я хотел сказать тебе, что все будет в порядке, – ответил он.

– Конечно будет, – согласилась я, вечная оптимистка. – Все и так прекрасно, а теперь, когда ты здесь, стало еще лучше.

Он засиял от удовольствия.

– Все будет хорошо, – успокаивал он меня. – Все будет в порядке, – снова и снова уверял он, глядя меня, как ребенка. – Все будет хорошо. Ты сильная, – настаивал он. – Ты сможешь с этим справиться, и я буду тобой. Ты сильная женщина.

Я даже не спросила, о чем он говорит. По-прежнему блаженно улыбаясь, он добавил:

– Все мы будем здесь, с тобой.

Я вдруг поняла, что дедушка не один. Моя бабушка, которая умерла, когда моей матери было семь лет, была с ним. Мой папа, умерший одиннадцать лет назад, находился рядом. Изнуренный болезнью в свои последние дни, теперь он выглядел молодым и здоровым. Мои двоюродные бабушка и дедушка, тетки, дядья, кузены и другие люди, знакомые и незнакомые, сгрудились вокруг. Все они были полны радости, а на их лицах

сияли улыбки вечного блаженства.

Глядя на родственников, которые сгрудились вокруг дедушки, словно собирались сделать групповой снимок, я вдруг заметила на краю этой толпы маму. Я мгновенно проснулась и посмотрела на часы. Было два часа ночи. Я чувствовала себя окруженной любовью и безмерно счастливой, оттого что дедушка приходил ко мне в гости. Я не задавала себе вопрос (да и не обратила на это внимания), почему, коль скоро все присутствовавшие в моем сне были мертвы, там оказалась мама.

Позднее я узнала, что той же ночью моя мама, не имевшая больших проблем со здоровьем, проснулась, включила свет и потребовала составить план своих похорон. Хотя Бен, ее муж, возражал и ворчал, что не хочет об этом говорить, особенно посреди ночи, она настояла, чтобы он выслушал и все запомнил.

Она сказала ему, где хочет быть похороненной, что на ней должно быть надето, кого попросить выступить, какую музыку слушать и кого известить. Она заставила мужа пообещать, что вокруг ее могилы уложат брикеты из сена, чтобы похороны были похожи на семейное собрание, где все могли бы сидеть, разговаривать и смеяться. И предупредила, чтобы он не тратил много денег на цветы.

Удостоверившись, что Бен усвоил ее пожелания, мама легла спать.

Когда мой брат Ронни сообщил мне, что мама скоропостижно скончалась от обширного инфаркта, когда тушила капусту и пекла кукурузные лепешки, – я осознала, что мой сон был предзнаменованием.

– Я знаю, – ответила я. – Дедушка приходил. Он мне сказал.

Я догадалась, что ее дух вызвали для семейного портрета, посланного мне во сне, а потом вернули на несколько часов на землю, пока ей не настала пора уйти.

Я понимала, зачем приходил дедушка, для чего в моем сне появились все родственники и почему они были так счастливы. Они с нетерпением ждали встречи с мамой после стольких лет разлуки.

Бабушке и дедушке предстояло воссоединиться со своей дочкой (причем бабушка готовилась встретиться с ребенком, которого она покинула в самом нежном возрасте); моей тетке – с сестрой, папе – с любовью сорока шести лет своей жизни. Он любил ее с тех пор, как впервые увидел в пересохшем русле ручья, где она играла маленькой девочкой. Мамины родственники собрались, чтобы радостно сопроводить вновь прибывшую в небесный дом и отпраздновать ее возвращение к родному порогу.

Они хотели, чтобы я знала: они меня любят, они со мной – охраняют

меня, помогают мне. Все будет в порядке, они утешат и поддержат меня в моей скорби.

И по сей день я не забыла их полное любви послание. Я часто вспоминаю свой сон и мысленно разглядываю семейный снимок, который прислал мне дедушка. Я нахожу утешение в знании, что когда-нибудь все мы воссоединимся и я тоже стану частью снимка с другой стороны.

Джуди Ли Грин

Любовь не умирает

Ибо говорю: навек основана милость, на небесах утвердил Ты истину Твою.

Псалтирь, 89:1–3

Моя мать неважно себя чувствовала. Мы думали, что дело в летнем вирусе гриппа, который как раз ходил в то время. Мама уверяла, что пара дней – и все пройдет. Она начала носить сломанные наручные часы – их стрелки застыли на месте и всегда показывали ровно час.

– Мам, у тебя же есть другие часы, работающие. Зачем ты носишь эти?

Эти часы имели для нее особую ценность, объяснила мама. Это был первый папин подарок на Рождество в том году, когда они поженились.

– Давай я отнесу их в ремонт.

Но мама отказалась от моего предложения; часы оставались на ее запястье днем и ночью.

Прошла неделя, а мамино самочувствие не улучшалось и она не хотела ехать к врачу.

В тот вечер мама зашла, чтобы поцеловать меня перед сном и пожелать спокойной ночи. Я спросила, приготовит ли она утром на завтрак мои любимые вафли.

– Если буду здесь, милая, – ответила она.

– Ты куда-то уезжаешь?

Дрожь пробрала меня, пока я ждала ее ответа, но она только улыбнулась и вышла.

Я пыталась прогнать тревожные мысли, силясь понять, что сказала мама, и наконец задремала.

А потом меня разбудил голос. Папа стоял в темноте в моей комнате.

– Кажется, мамы больше нет, – сказал он.

– А куда она ушла? – сонно спросила я.

– Милая, она умерла, – ответил он.

Поскольку я была старшей, объяснил папа, он разбудил меня, а не двух моих младших братьев. Он собирался сообщить им об этом, когда они проснутся.

– Это же сон, правда?

Как бы мне хотелось, чтобы это был сон! – но я не спала.

Я посмотрела на часы у изголовья. На них был час ночи.

Казалось, всю следующую неделю время стояло на месте: моя семья скорбела. Сколько часов еще пройдет, прежде чем утихнет боль?

Однажды вечером, через неделю после похорон, мы смотрели телевизор и вдруг услышали скрип диванных пружин. На мамином любимом месте появилась вмятина в диванной подушке, словно кто-то там сидел. Я подумала, что это игра воображения, но папа и братья видели то же самое. Ее визит был кратким, но он принес нам утешение, в котором мы так нуждались.

Я верю, что так мама дала нам знать, что всегда будет рядом, заботясь о нас.

Терри Энн Миган

Мамина музыка

Верно сказано: музыка – язык ангелов.

Томас Карлайл

Четыре года назад моя дорогая мама ушла, чтобы быть со своим Господом. Она сделала это по-своему – умерла во сне, в собственной постели, в собственном доме.

Мне позвонили на работу, и я отправилась в путь. Дом родителей находился далеко на севере Торонто, в снежном поясе. Мама и папа жили на небольшой ферме, которая принадлежала им с тех пор, как мне исполнилось семь лет. Изначально ее приобрели как место, где папа мог проводить выходные, чтобы, по его словам, «убраться подальше от этого всего». Я терпеть не могла ездить туда. Там нечего было делать девчонке, кроме как смотреть один-единственный канал, который ловил старенький телевизор, да и то – если позволяла погода.

Мама же, напротив, обожала мир и покой этой земли и любила работать в саду среди цветов и грядок. Дом был совершенно деревенским, без водопровода и отопления. У нас на кухне стояла большая дровяная плита, которая в меру своих возможностей обогревала маленький фермерский домик, но мне всегда казалось, что там слишком холодно и тихо.

По вечерам мы с мамой часами сидели в кухне и пели. Я вела мелодию, а мама ее гармонизовала. Ее любимой песней была *Moon River*, и мы исполняли ее снова и снова. Мама рассказывала, что я научилась петь раньше, чем разговаривать. Она обожала вспоминать, как мой манежик стоял на кухне рядом с радиоприемником, и я особенно любила одну песню – *Ivory Tower*. Мама смеялась, описывая, в какое волнение я приходила всякий раз, когда она звучала. Я знала мелодию, но не слова, однако пыталась ей подпевать. Став взрослой, я позабыла ту песню, но мама получала огромное удовольствие, снова и снова возрождая это воспоминание времен моего детства.

Время шло, мама с папой обновили маленький домик и перебрались туда жить, когда папа оставил свою работу мясника и вышел на пенсию. К тому времени у меня были собственные дети. Я ездила навещать родителей еженедельно или раз в две недели. Дети обожали ферму и катание с

дедушкой на тракторе. А я по-прежнему терпеть не могла деревенскую тишину. В то время как мама любила смотреть из окна на свой огород и цветы и пересказывать старые истории, я скучала по суете и шуму своей домашней жизни. Но все равно сидела и тихонько слушала ее воспоминания.

После ее смерти я села на ее стул у кухонного стола, глядя в окно на ее огород, который теперь был засыпан снегом, и ощущала внутри чудовищную боль. Сколько бы человеку ни было лет, потеря матери – невыносимая травма. Я знала, что она на небесах, но мне не хватало ее. Я скучала по ее мягким манерам и старым историям. Почему я не слушала ее внимательнее, когда она пересказывала их снова и снова! Если бы только я могла еще раз услышать ее голос, сказать, что я люблю ее, и поблагодарить за все мои детские воспоминания!

Я откинулась на спинку стула и попросила Бога дать знак, что моя мама с Ним, в безопасности, и что со мной все будет в порядке. Молчание длилось бесконечно. Не выдержав, я включила старый радиоприемник. Музыка всегда утешала меня.

Мое сердце замерло в груди. По радио передавали *Moon River*. Я сидела как оглушенная, и слезы сбегали по моим щекам, когда я слушала эти знакомые звуки.

Потом заговорил радиоведущий ретро-радиостанции: «А вот песня, которую мы давненько не слышали...» – и полилась незнакомая мелодия. Я заплакала еще сильнее, услышав слова, которые доносились до меня по радиоволнам: *Come down, come down from your Ivory Tower...*

Иоланда Мортимер

Услышь ангельские голоса

Обращай внимание на свои сны: ангелы Божию часто говорят с нашими сердцами, когда мы спим.

Процитировано в «Маленьком руководстве по общению с ангелами» Эйлин Элиас Фриман

Снег – беззвучный и придающий неподвижность морозному воздуху – падает редкими хлопьями в Южной Неваде. Несмотря на елочные игрушки и огоньки, украшающие все вокруг, в этом году дух Рождества никак не прилетает ко мне. Такое случается, когда уходит любимый человек. Особенно если присутствие этого ушедшего – моей мамы – оживляло дух Рождества из года в год.

Коробки с украшениями по-прежнему спрятаны в шкафу в прихожей, глубоко под лестницей, и их не видно, когда открываешь дверцу. Рождественские гимны звучат из автомагнитолы, телереклама предлагает соблазнительные покупки; но атмосфера праздника по-прежнему ускользает от меня.

В конце ноября я купила коробку рождественских открыток, которая теперь стоит на моем столе рядом с книжечкой праздничных марок и наклеек с обратным адресом. Я то и дело бросаю на них взгляд – без всякого энтузиазма. Я знаю, мама хотела бы, чтобы дух Рождества наполнил наш дом, чтобы мы распевали гимны и возносили хвалу Господу нашему за все, что Он даровал нам. Я все это знаю – но не могу собраться с силами, чтобы встретить праздники.

Вчера ее ангельский голос шептал мне на ухо: «Я всегда с тобой. Возрадуйся, ибо все вы благословенны». А потом голос растаял – раньше, чем я сумела поймать его своим скорбящим сердцем.

Сегодня я гадаю, уж не приняла ли желаемое за действительное, надеясь, что она рядом и приглядывает за нами. Если я сомневаюсь в ее присутствии, значит, и сила моей веры сомнительна. Во мне звучит ее прекрасный голос, поющий в церковном хоре в канун Рождества. *Ave Maria*, ее соло, доносится из закоулков моего сознания и возвращает мне веру.

Мой внук Зак входит в комнату и останавливается у письменного стола. Его ярко-зеленые глаза ловят мой взгляд. Я чувствую, что он

встревожен.

– Что случилось? – спрашиваю я.

– Хочу спросить тебя о сне, который я видел сегодня ночью. Он был не то чтобы плохой... Я просто не понимаю.

– Расскажи мне. Может быть, я смогу его разгадать.

– Я спал, и вдруг зазвонил телефон. Когда я встал и снял трубку, какая-то женщина спросила тебя. Я узнал ее голос, но боялся ответить. Она спросила: «Зак, это ты?» Я воскликнул: «Прабабушка!» Я сказал ей, что она не может мне звонить, потому что она на небесах. Она ответила, что очень счастлива там и что у нее есть собака. Она видит всех нас, и с нашей семьей скоро случится какое-то чудо. Она пообещала, что мы всегда будем вместе, и велела мне не беспокоиться. А потом я проснулся.

Мое сердце трепещет. В комнате повисает тишина.

– Так что ты думаешь? Это действительно была прабабушка? – спрашиваю я.

– Да, это была она.

– Значит, она сделала тебе подарок. Ты был избран, чтобы донести до нас ее сообщение – может быть, чтобы мы перестали плакать о ней. Она хочет, чтобы мы были счастливы – как она сама на небесах.

– Тогда я рад, что мне приснился этот сон... Ба?

– Да?

– Она правда очень счастлива.

– Я так рада, что ты рассказал мне об этом.

Глаза Зака затуманиваются, он мечтательно улыбается и направляется обратно в спальню. Я смотрю на коробку с рождественскими открытками: Дева Мария держит на руках младенца Иисуса, на заднем плане ангелы. Телевизор включен, но звук его от меня ускользает. В вышине, откуда-то издалека, я слышу хор ангелов, поющих *Ave Maria*. Один голос среди них особенно звонок. Он чист, слова отчетливо слышны, и тон так знаком – тот самый голос, по которому я скучаю. Истинный смысл Рождества воскресает в моем сердце.

Я пишу адреса на рождественских открытках и ощущаю в своем сердце мамину любовь к этому особому времени года. Я принимаю ее память и ту нежность, которой она одаряла всех нас все эти годы. Я получила самый драгоценный рождественский подарок. Я воистину счастлива и благодарна. Когда настанет рождественское утро, я, окруженная своей семьей, буду смотреть на дерево, унизанное крохотными белыми огоньками, и знать, что моя мама здесь, рядом со мной.

Синди Голчук

Глава 4

Его посланец

И видел я в видениях головы моей на ложе моем, и вот, нисшел с небес Бодрствующий и Святой.

Даниил, 4:13

Все в порядке, Марша

Да благословит тебя Господь и сохранит тебя! Да призрит на тебя Господь светлым лицом Своим и помилует тебя! Да обратит Господь лице Свое на тебя и даст тебе мир!

Числа, 6:24–26

Я бездумно смотрела в окно на холодное черное небо и мигающие красные огни на трех далеких радиовышках. Они казались мне светлячками, сигнализирующими о беспокойстве, и отражали тревогу в моей душе.

Мне было 18 лет, и мой отец только что умер от рака мозга. Глухой ночью я стояла посреди темной кухни. Маленькая лампочка над плитой была единственным источником света. Мама и сестры спали. А я не могла.

Я смотрела сквозь окно в черноту, и горе, которое поглощало меня, наконец выкристаллизовалось в безжалостную мысль: я больше никогда не буду чувствовать себя в безопасности.

Почему это случилось? Припадок за два дня до Рождества. Машина «скорой помощи», палата интенсивной терапии. Сканирование мозга. «Эпилепсия», – сказали врачи и назначили лекарства. Но ему становилось все хуже. Он сделался резким, придирчивым, ему было трудно угодить. Сделали новые исследования, и выяснилась горькая правда: опухоль. Возможно, злокачественная. Нужна операция – немедленно.

Помню, как мама сидела в больничной палате, когда папа приходил в себя. Это был мой выпускной класс, и она терпеливо пришивала крохотные белые пайетки на лиф платья для моего весеннего бала. Я знала, что с каждым стежком она произносит молитву, и папе действительно становилось легче. Он даже смог приехать на вручение аттестатов, пусть в инвалидной коляске и с головой, замотанной белыми бинтами. Это было очень важно для всех нас и дарило надежду на лучшие дни.

В то лето я готовилась к отъезду в колледж. Папа достаточно окреп, чтобы вернуться к работе. Водить машину он не мог, поэтому мама возила его по городу на деловые встречи. Теперь ему приходилось зависеть от других, и мы понимали, как это тяжело.

Лето пролетело быстро, и наконец настал тот день, когда мне пора

было отправляться в университетский кампус. Моя мечта об учебе в колледже стала явью. Но уезжать было трудно.

В ту осень папино здоровье стремительно разрушалось. Опухоль вернулась. В октябре он уже не мог работать. К Рождеству был прикован к постели. К февралю его не стало.

Я лишилась не только отца: вместе с ним ушла и большая часть маминой души. Она была прекрасной матерью и домашней хозяйкой, а он занимался всеми остальными вопросами. Она так полагалась на него, что после его смерти во многих отношениях оказалась наивной, как ребенок. Простые решения давались ей с трудом, а оплата счетов приводила в полную растерянность. Тем не менее она взяла себя в руки и настояла, чтобы после похорон я вернулась к учебе.

На меня, как на старшую из детей, легло новое чувство ответственности. Временами казалось, что я не выдержу. Как мы будем справляться со всем этим?! Мало-помалу, день за днем. Эта стратегия оказалась верной. Мы собрались с силами и постепенно составили план выживания, чтобы заполнить пустоту нашей жизни.

В сентябре я даже смогла вернуться в колледж. Приятно было снова оказаться среди сверстников, вдали от печальных напоминаний. Я могла с головой уйти в занятия, забыть о боли и верить, что я что-то контролирую в своей жизни – даже если это только учебные задачи. Учеба была путем к финансовой стабильности – я больше не хотела чувствовать себя беспомощной.

Поэтому я занималась – настойчиво и усердно. Как-то раз в середине октября я засиделась допоздна, пытаясь вдолбить в голову знания перед зачетом по французскому. В два часа ночи я очнулась и поняла, что задремала, сидя в кровати с книжкой на коленях. Пора было спать.

Когда я выключила светильник, в окно спальни студенческого общежития заглянула полная луна. Она затопила мою кровать ярким серебристым светом. Письменный стол отбрасывал резкие тени на белый кафельный пол. В голове у меня так мутилось от усталости, что даже солнечный свет не выдернул бы меня из сладкого сна. Я погрузилась в дремоту... пока вдруг не осознала, что в комнате я не одна.

Мои глаза были плотно закрыты, но разум бодрствовал, а сердце колотилось. Я чувствовала приближение тени, которая вошла в комнату и остановилась прямо над моей кроватью. Ощущение, что кто-то склоняется надо мной, было отчетливым. Прозвучали невнятные слова. Успокаивающие, утешающие слова, в которых не было смысла; но они несли ясное сообщение: «Все в порядке, Марша. Все будет хорошо».

Ощущения были приятные и добрые, словно кто-то из родителей подтыкал мне одеяло, и в то же время приводили в ужас. Этот голос принадлежал папе, и это было так похоже на него – увидеть проблему и сделать все необходимое, чтобы решить ее. Может быть, поэтому я и не могла открыть глаза – боялась того, что увижу. А может, меня защищали от того, что я могла увидеть. Как бы там ни было, утешив меня, тень ушла.

Мне казалось, что я несколько часов пролежала в кровати, застывшая как бревно, с бешеным сердцебиением, не в силах шевельнуться. Это был не сон. Наконец парализующий страх ослаб, и я сумела открыть глаза. Комната по-прежнему тонула в лунном свете. Я медленно выбралась из-под одеяла и осмотрелась, чтобы убедиться, что здесь никого нет. Удостоверившись в этом, я, изнуренная, провалилась в глубокий сон.

Воспоминание о ночном эпизоде преследовало меня и на следующее утро. Мне нужно было поделиться с кем-то. Но как? Что подумают мои соседки? Я решила попытаться – и выяснила, что некоторые истории, увы, теряют в пересказе. Объяснить их невозможно.

Кому-то это может показаться чушью и белибердой.

Но если мы прислушаемся к нашим сердцам, весть становится кристально ясной: «Все хорошо. Все будет хорошо».

Марша Сверинген

Верь

Молюсь, чтобы Отец наш Небесный утишил мучения скорби вашей и оставил вам лишь драгоценное воспоминание о любимых и потерянных.

Авраам Линкольн

За две недели до Рождества мой отец скончался. Собирая близких для очередного семейного фото, я не думала, что оно будет последним, на котором есть все мы. Я горячо любила отца, а он меня. Мы часто говорили об этом друг другу.

Однажды вечером в своей безутешной скорби я обратилась к Богу, чтобы Он дал мне утешение, которое помогло бы свыкнуться с потерей. Мне необходимо было обрести мир и покой, чтобы исцелиться, ведь этого хотел отец. Он часто просил меня не заикливаться на горе и не рыдать, когда его не станет, а наслаждаться жизнью, как делал он сам. Папа пережил немало трудностей и все же не терял мужества и чувства юмора. Я хотела выполнить его волю.

Во время молитвы мне пришла в голову мысль: папа любил своего отца так же сильно, как мы с ним любили друг друга. И я стала молиться о том, чтобы папа радовался присутствию дедушки там, где они навеки воссоединились. Это стало и моим утешением.

Я напомнила себе, как мне повезло, что он был рядом со мной в детстве и успел увидеть всех своих внуков. Они выросли достойными мужчинами, унаследовав многие его качества. У папы была возможность наблюдать, как внуки – почки на его семейном древе – становятся зрелыми листьями. Я была 48-летней женщиной, а не ребенком, когда у меня забрали отца. Мне не о чем было сожалеть. Я просто хотела верить, что он на небесах со своим отцом и что с ним все в порядке.

Около половины одиннадцатого я окончила свою молитву, вытерла слезы и почувствовала, что меня окутывает теплый кокон утешения. Я легла спать и спала крепко, без сновидений – это был мой первый полноценный сон после его смерти. Может быть, исцеление придет?..

На следующее утро я отправилась на работу в школу: это был последний день перед рождественскими каникулами. Меня пугал надвигающийся праздник, который предстояло провести без папы. Было

трудно казаться радостной, но коллеги и ученики выражали мне сочувствие и поддержку.

Оставался примерно час до прибытия автобусов, которые должны были развезти учеников по домам. Школьная медсестра присоединилась к нашему классному празднику. Мы с ней познакомились в начале учебного года, и между нами сразу завязалась дружба, которую скрепили семейные трагедии.

Вдруг она спросила:

– Слово «леденчик» тебе о чем-нибудь говорит?

Мой разум завопил: «Что?!», а непослушные губы выговорили:

– Леденчик – это я.

– Что-что, прости?

– Леденчик – мое домашнее прозвище. – И со слезами на глазах я добавила: – Папа так называл меня всю жизнь.

– Тогда у меня для тебя послание.

Мы пошли в ее кабинет. По дороге моя подруга объяснила, в чем дело. Накануне ночью ей приснился сон, в котором она оказалась в нашей школе. Она нажала нужные цифры на кодовом замке и вошла через главный вход. В пустом здании не было ни преподавателей, ни учеников. Она пошла по коридору и вдруг услышала отчетливый, но мягкий мужской голос, который сказал: «Найди Леденчика. Верь».

Она проснулась и попыталась разобраться, что произошло. Видение было яркой четкой картинкой. Обычно ее сны не отличались такой ясностью. Смысл его она понять не могла, поэтому снова легла спать. Во сне она вернулась в школу, и события развивались в той же последовательности. Мужской голос повторил: «Найди Леденчика. Верь». Со второго раза этот сон запал в ее память.

По дороге в школу медсестра никак не могла связать между собой леденцы и Рождество. Ведь в этот праздник обычно дарят конфеты-трости. «Верь». Кто это был – Санта или Иисус? И что такое Леденчик – человек, место или предмет? Она спрашивала всех сотрудников школы, значит ли для них что-нибудь это слово, но все отвечали отрицательно. Наконец она подошла ко мне.

Сквозь слезы я рассказала о своей вечерней молитве и утешении, которое ощутила. По ее глазам я поняла, что она тоже видит связь между этими событиями.

Она проговорила:

– Твой папа сейчас вместе со своим отцом. Тебе нужно в это верить.

Я кивнула:

- Я поверила еще вчера вечером. Ты это просто подтверждаешь.
Потом я спросила:
– В какое время тебе приснился этот сон?
– Первый раз – около половины одиннадцатого, – сказала она и добавила: – Голос был мягким, но настойчивым.
Как и мой отец.
– Я поняла, – продолжала она, – что мне нужно найти Леденчика и сказать ему или ей: «Верь...»
Последний наш разговор с папой мы закончили словами:
– Я люблю тебя, пап.
– И я люблю тебя, Леденчик.

Лорел Смит

Божественная доставка

Материнская любовь! Ты – слово, в котором заключено все блаженство.

Ченнинг Поллак

Во время Второй мировой войны мой отец Генри, парень из маленького городка, был расквартирован вместе со своей частью на безымянном островке в южной части Тихого океана. Главным событием каждой недели была почта, которую он и его однополчане, морские пехотинцы, ждали с нетерпением. Письма оставались единственной ниточкой, связывавшей с любимыми людьми и домом. Их перечитывали снова и снова, делаясь новостями с товарищами. Ценились малейшие подробности домашней жизни, поскольку они позволяли солдатам быть ближе к родным и друзьям на другом конце земли.

Мать Генри регулярно писала обо всем и обо всех: черно-белая амбарная кошка окотилась шестью котятами; сама она сшила новые клетчатые занавески для гостиной, а папа обрезал грушевые деревья; она где-то потеряла обручальное кольцо и молилась, чтобы оно нашлось...

С еще большим нетерпением ждали посылок с домашними лакомствами от матерей и любимых. Многие такие посылки пропадали в море, когда корабли подвергались нападению. Те, что добирались до адресатов, становились поводом для праздника. Получатель посылки непременно делился угощением с приятелями и соседями по палатке.

Любимым лакомством Генри была домашняя дивинити – фирменная южная сладость, состоявшая из умопомрачительно густой белой нуги, смешанной с кусочками ореха пекан. Однажды, когда Генри особенно терзали уныние и ностальгия, он получил посылку в поврежденной коробке. Однако ее содержимое уцелело. Генри снял пострадавшую обертку и, глотая слюнки, вскрыл банку, полную дивинити. В ней было несколько слоев лакомства, разделенных воценой бумагой, – как раз хватит, чтобы угостить всех друзей, подумал он, и пара кусочков останется для него самого.

Банку передавали по кругу, и дивинити быстро исчезало. Наконец банка вернулась к Генри. Он вытащил последний белый квадратик и с наслаждением вгрызся в него зубами.

Но острое удовольствие тут же превратилось в острую боль, а его зубы лязгнули обо что-то твердое и неподатливое. Генри вынул изо рта этот коварный предмет и увидел... обручальное кольцо матери.

Бог выбрал такой необычный способ, чтобы послать моему отцу утешение и поддержку. Генри пережил войну и лично вернул матери это драгоценное кольцо.

Линн Уорли Кунц

Сын плотника

В ту ночь явился Бог Соломону и сказал ему: проси, что Мне дать тебе.

2-я Паралипоменон, 1:7

Жизнь, поделенная между работой, тремя детьми и мужем, который трудился в ночную смену, высасывала из меня все силы. Неужели меня не ждет ничего, кроме перебирания бумажек, приучения к горшку и абсурдного фабричного расписания?! А еще эта неотвязная мысль, которая то и дело дергала меня за подол, как ребенок-нытик: «Тебе следовало бы заниматься чем-то другим». Она не отступала, требуя внимания.

Увидев объявление в церковном бюллетене, я поняла: это как раз то, что мне нужно, – ритрит. Может быть, там Бог поможет мне найти средство от душевной неустроенности.

Ритрит устраивался по выходным в монастыре. Я никогда там не была. Войдя на территорию, я миновала высокие кирпичные здания, которые стояли точно солдаты, охраняющие святую землю. В центре царственно возвышался очень старый дуб. Гигантская крона дерева тянула ветви к небу, точно руки, поднятые в страстной молитве. Я остановилась под ним, чтобы проникнуться святостью этого места.

Найдя отведенную мне комнату, я положила чемодан на кровать и огляделась. Помещение было безликим и простым: кровать, письменный стол, Библия и шкаф. На серой стене висело распятие.

«Да уж, мрачновато здесь», – подумала я. Хотя с самого порога меня охватил покой, я засомневалась, уживусь ли я с таким аскетизмом.

В тот вечер я с головой закуталась в одеяла, пытаюсь создать какой-никакой уют. Безмолвие заполняло скудное пространство. От такой тишины мне стало неуютно. Но усталость убаюкала меня, и я быстро провалилась в сон.

Не знаю, долго ли я спала, но в какой-то момент мои глаза открылись. Я ахнула – и завопила. Передо мной маячила гигантская призрачная фигура молодого мужчины, упиравшаяся головой в потолок! Тонкая лента обвивала его голову, не давая длинным кудрявым волосам падать на лицо. Его тело блестело от пота, а взгляд, обращенный к небесам, был наполнен любовью.

В ту же секунду я прониклась священным знанием о моем незваном духовном госте: «Это Иисус, Сын плотника. Он проводил в тяжких трудах долгие часы, помогая своему отцу».

А потом я услышала – не слухом, а внутри себя: «Нелегкая это работа – строить Царство».

Я села в кровати и быстро провела рукой по изображению, словно стирая мел с доски. Оно тут же исчезло – как не было.

Озадаченная, я снова легла и попыталась сообразить, что случилось. Я смотрела на тусклую серую стену, которая послужила экраном для этого таинственного посещения. Мое сердце стучало, как паровой молот. «Если это был Иисус, тогда почему мне так страшно?»

Ответ пришел в виде воспоминания о библейском стихе, который я когда-то читала. Апостолы находились в лодке в бурю, когда Иисус направился к ним по воде. Поначалу они его не узнали. «Это призрак!» – вскричали они в страхе.

Я точно знала, что они тогда чувствовали. Я была в таком же ужасе. Очевидно, страх Божий – очень страшная вещь. Откровение о том, что Иисус до полусмерти напугал и своих учеников, меня успокоило. Эта утешительная мысль приняла меня в объятия, и я уплыла обратно в сон.

Следующее утро было воскресным. Я пошла к мессе. Ночная встреча никак не выходила у меня из головы. Когда месса началась, я то и дело отвлекалась на свои мысли, но все равно молитвенно вопрошала: «Господи, это действительно был Ты нынче ночью?»

Когда настало время проповеди, священник благоговейно проговорил: – Сын плотника... Какое прекрасное имя для Иисуса!

Я была поражена.

«Это не случайное совпадение, – сказала я себе. – Бог определенно пытается что-то мне сказать!»

Меня как будто подключили к сети: электрические токи пробегали по моему телу. Я вся вибрировала, кожа покрылась мурашками. Это ощущение накатывало волнами и прекратилось только с окончанием мессы.

Мысли об Иисусе сопровождали меня по дороге домой. Пытаясь понять, зачем Ему понадобилось являться мне в виде Сына плотника, я задавалась вопросами: «Что делает плотник?» *Он строит вещи.* «Что делает Иисус-Плотник?» *Он строит жизни.*

Едва придя домой, я села за компьютер и написала об Иисусе, Сыне плотника, строителе жизней. Повинуясь порыву, я отослала написанное редактору газеты моей епархии. К моему удивлению, он предложил мне

вести ежемесячную колонку для газеты. Так я услышала Зов. Я начала писать.

Вскоре меня попросили стать кантором и органисткой в моей церкви. И снова я услышала Зов. Я начала петь.

Одно за другим – у меня вдруг появилось множество занятий. Похоже, в небесах что-то сдвинулось. Открылись шлюзы, и я отдалась на волю потока.

Явление Сына плотника случилось больше двадцати лет назад. С тех пор ни одного дня я не провела в праздности. Я всегда находила какое-нибудь достойное дело ради Иисуса: писала, пела, посещала дома престарелых или учила катехизису внуков. Часто меня одолевала усталость. Иногда хотелось все бросить. Обычно, когда утомление заглядывает на огонек, я даю себе передышку. А потом смотрю в небо, вытираю пот со лба и вспоминаю, как Иисус однажды сказал мне, что строить Царство Божие – нелегкая работа.

Тереза Энни Хейден

Тыквенный пирог

Нельзя позволять часам и календарю затмевать тот факт, что каждое мгновение жизни есть чудо и тайна.

Г. Уэллс

Рождественское утро было моим любимым днем в году. Скоро приедут два наших сына, три дочери, их супруги и десять наших внуков. Дом наполнится шорохом разрываемой бумаги, писком игрушек и детским смехом. Пока дети и собаки будут гоняться друг за другом по комнатам, женщины соберутся в кухне, чтобы пить кофе и обмениваться советами на любые темы – от лечения мигрени до поисков хорошей няни. Как обычно, они предложат помочь мне с готовкой, а я, как обычно, откажусь. Мужчины рассядутся перед телевизорами: одни включают канал «История», а другие примутся подбадривать криками футбольные команды. Время от времени будут раздаваться вопли: «Прекрати доставать братишку!» или «Оставь в покое эту золотую рыбку!»

А пока мы со старой пятнистой кошкой были в кухне одни. Улыбаясь, я провела босой ступней по ее мягкой шерсти.

Я любила проводить это тихое время в одиночестве, по локоть в муке, среди ароматов кофе и корицы. Четыре свежееиспеченных пирога выстроились на разделочном столе, а еще два доходили в духовке. Индейка дожидалась начинки; поднималось тесто для хлеба. Во дворе сбывались мечты Бинга Кросби^[3] – метель колотилась в окна и наметала сугробы.

Звякнул таймер духовки. Тыквенные пироги вышли идеальными – начинка по краям схватилась, гофрированная корочка подрумянилась, но не подгорела. Поставив их охлаждаться на решетку, я почувствовала внезапное желание отнести один пирог нашей соседке, которую все называли Джордж.

По-настоящему ее звали Бьюла Мэй, и она жила по соседству с нами с тех пор, как наши дети были младенцами. Как и я, она считала, что главная и лучшая часть этого праздника – выпечка. Обычно мы были в курсе дел друг друга, но этот год выдался особенно хлопотным, и до меня вдруг дошло, что мы с соседкой не разговаривали уже много недель.

«Отнеси Джордж тыквенный пирог», – проговорил внутренний голос.

Он звучал как «И разошлись тучи!» – громоподобным рокотом Чарлтона Хестона^[4]. Такой голос трудно проигнорировать!

– Вот еще, очень нужен Джордж мой пирог! Наверняка она напекла еще больше, чем я, – ответила я вслух.

Но потребность отнести Джордж пирог не отступала.

– Там снег валит, – оправдывалась я. – Буду чувствовать себя глупо. Поскользнусь на льду, упаду и замерзну до смерти.

У меня было много таких аргументов. А потом, не сознавая толком, что делаю, я схватила пальто, сунула ноги в шлепанцы и понесла еще теплый пирог, завернутый в белое кухонное полотенце, вниз по улице к дому Джордж.

Девятилетняя Энни заметила меня и открыла дверь. Бабушка стояла за ее спиной с недоумевающим видом.

– Скорей входи, метель-то какая! – воскликнула Джордж, втаскивая меня внутрь. – А где твои сапоги? Ты что, с ума сошла?

Я с удивлением сообразила, что пришла без шапки и чуть ли не босиком, но мне не было холодно.

– Я принесла тыквенный пирог, – сказала я. – Ты скажешь, что я спятила, но я услышала голос, который сказал мне, что тебе нужен пирог. – Тут я почувствовала, как по моим щекам расползается румянец смущения. – У тебя их, наверное, уже штук шесть...

Вместо того чтобы посмеяться надо мной, Джордж закрыла лицо руками и разрыдалась.

– Нет, – проговорила она, всхлипывая, – нет у меня никаких пирогов. Ничего я в этот год не пекла!

Я была поражена. Джордж не пекла на Рождество?! А потом я заметила, как тихо у нее в доме.

– Куда все подевались? – спросила я. На праздники за стол у Джордж всегда садилось не меньше двадцати человек. Я выглянула в окно. – И где машины?

Джордж порылась в карманах в поисках платка.

– Никого нет, кроме нас с Энни. Мы планировали полететь к Сью. Понимаешь, они с новорожденным не смогли приехать к нам. Но в Чикаго ужасная погода, и наш рейс отменили. – Она перестала искать платок и вытерла слезы кончиками пальцев. – Ох, я знаю, это выглядит глупо по сравнению с бедами других людей, но все ужасно расстроены. Это первый раз, когда мы не смогли собраться вместе. – Она опустила глаза, ее нижняя губа подрагивала. – А тут еще Джон едет в Ирак. Кто знает, когда у нас будет другая возможность?

Рождество – без родственников?! Есть люди, которым это не покажется серьезной проблемой, но я-то знала, что это значит для Джордж.

Джордж со вздохом приняла у меня тыквенный пирог и поставила его на круглый кухонный стол.

– Да ладно, все с нами будет в порядке, – сказала она, решительно подняв подбородок. – Пусть это будет не такой рождественский ужин, как всегда, но у меня есть консервированная ветчина.

– Пойдем к нам, – предложила я. – Ты ведь нам почти родственница, и, Бог свидетель, еды у нас полно.

Джордж покачала головой.

– Спасибо – но нет. Энни хочет посмотреть по телевизору «Рождественскую историю», и дети будут звонить ближе к обеду. – Она глубоко вздохнула, а потом усмехнулась, пытаясь отнестись к ситуации легко: – Знаешь, я ведь сказала Господу, что смогла бы пережить это, будь у меня хотя бы тыквенный пирог...

Она помолчала и, улыбаясь, посмотрела на меня:

– И теперь он у меня есть!

Энни запрыгала от радости, и ее темные кудряшки заметались из стороны в сторону.

– Бабушка, твои молитвы услышаны! Разве это не чудо?

– Нет-нет, вовсе не чудо, – смущенно стала отнекиваться я. В конце концов с чего бы Богу выбирать меня Своим посланцем?

– Не чудо, – с улыбкой согласилась Джордж. – Вот если бы она принесла еще взбитые сливки, это было бы настоящим чудом!

Салли О'Брайен со слов Мэри Вон

Облака

Скажите робким душою: будьте тверды, не бойтесь; вот Бог ваш... Он придет...

Исаия, 35:4

Я смотрела в пронизанное солнечным светом небо. Дневной июльский зной давил на меня. Пухлые, как подушки, облака двигались и играли в прятки. Память манила в давно ушедшие дни детства, когда мое воображение неслось вскачь и я представляла себе фигуры из облаков: слона, медведя, рыбу...

Несмотря на жару, я вышла во двор в поисках одиночества. Двойная ответственность – заботиться о сестре, проходившей изнурительные сеансы химиотерапии, и вести хозяйство, которое включало уход за нашим восьмидесятилетним отцом и свекровью сестры, страдавшей от деменции, – высасывала из меня все силы, как физические, так и душевные.

Диагноз сестры – рак яичников – потряс меня до глубины души. Я немало часов провела на коленях, моля Господа о милосердии к той, что во многих отношениях была моей второй половинкой.

Я искала какого-нибудь знака, который поддержал бы мое пошатнувшееся мужество, мою нестойкую веру, мое усталое сердце. Снова я подняла глаза к небу, и... возможно ли это? Я прищурилась сквозь солнечное марево и смог...

Там, в облаках, явился Господь. Простирая руки, Он, казалось, манил меня. Я моргнула, уверенная, что это обман зрения.

Но нет – Он остался на месте. Безмолвное Присутствие, дар моему пошатнувшемуся духу.

– Дорогой Господь, – взмолилась я, – отведи эту чашу от моей сестры и, если будет на то воля Твоя, исцели ее!

Склонив голову, я стояла в ожидании, стараясь услышать ответ и подчинить свой бунтующий дух Его воле.

Тихий голос в моем сознании проговорил: «Дитя, твоя сестра в Моих руках. Как ты можешь бояться?»

– Я больше не боюсь...

Облачный образ исчез, и я осталась гадать, не привиделся ли мне весь

этот эпизод.

Нет! Я не стану сомневаться. Господь явился, вручив мне драгоценный дар Его любви – и к сестре и ко мне.

С обновленными силами я вернулась в дом, готовая выполнять свой долг и зная, что моя сестра – и я – пребываем в Его руках.

Джейн Макбрайд-Шоути

Ты видела этого мальчика?

Иисус же, обратившись и увидев ее, сказал: дерзай, дочь! Вера твоя спасла тебя.

Евангелие от Матфея, 9:22

Была Страстная суббота, когда врач отключил моего сына, которому исполнилось всего трое суток, от аппарата искусственной вентиляции легких. Легкие малыша схлопывались; трахеотомия была бесполезна, поскольку сканирование не показало никакой активности головного мозга. Медсестра в униформе с принтом из плюшевых мишек отвезла нас на каталке в голубую палату – уединенное помещение за пределами отделения неонатальной реанимации – и оставила перед большим широким окном. Под окном была парковка. Чуть подальше стояла старая каменная церковь. Ее шпиль тянулся к небесам. Мой сын, Джеффри Джеймс, забился, втянул последний глоток воздуха, и его маленькое тельце обмякло.

Все вокруг безмолвствовало. А я рыдала.

Не знаю, сколько времени мы провели вместе в этой голубой комнате, но когда я об этом вспоминаю, оно кажется мне вечностью. Я посмотрела на тельце своего малыша, перевела взгляд на церковь и подумала: «Какая ирония! Мой сын родился в день смерти Иисуса». Всхлипнула. «И умер, когда Иисус восстал из мертвых!»

Я проклинала церковь. Я проклинала Иисуса. Проклинала Бога.

Следующие одиннадцать суток я провела в материнском боксе, сражаясь с инфекцией. Капельницы вливали в мое тело мощные антибиотики. Матери и отцы ходили по коридору за дверями моего бокса, держа на руках здоровых малышей.

При выписке я уносила с собой темный локон моего сына.

Через пару дней на кладбище на холме над нашим домом состоялась скромная панихида, организованная моею матерью. У меня была единственная просьба: никаких католических священников. Епископальный пастор провел коротенькую службу, называя нашего сына «самым маленьким ангелом». Когда его крохотный гробик опустили в землю, мой муж наполнил лопату землей и ссыпал ее в яму, а потом упал на колени.

Тот первый год был самым трудным в моей жизни. Я чувствовала себя

потерянной. Целую неделю я просидела одна в празднично украшенной детской, отказываясь видаться с кем бы то ни было. Но люди все равно приходили, пытаюсь выразить соболезнования. Какое-то время – недели, возможно, месяцы – я дожидалась, пока в доме все уснут, и уходила на кладбище на холме, чтобы посидеть у могилы сына. На могиле не было никакого надгробия, но я находила своего малыша даже в темноте.

В том же году я снова забеременела, а в следующем родила прекрасную и здоровую маленькую девочку. Хотя она никак не могла заглушить скорбь по нашему потерянному сыну, я любила ее всем сердцем. Я не стала рассказывать ей о братике, который у нее почти был. Моя мать как-то раз спросила, будем ли мы ее крестить. Я ответила: «Нет». Я решила, что ноги моей больше не будет в церкви. Несмотря на отсутствие Бога и религии в нашей жизни, моя дочка росла и расцветала.

Годы летели, и когда моей дочери было около десяти лет, она спросила, почему мы никогда не ходим в церковь. Мы сидели на кухне, на улице падал редкий снег, и она спросила:

– Ты веришь в Бога?

Ее лучшая подруга каждое воскресенье ходила в церковь, и она тоже хотела туда пойти. Я просто ответила ей, что не верую. Сказала, что когда-то религия была частью моей жизни, что я выросла католичкой, как ее подруга Меган, но много лет назад пережила кризис веры.

Дочь пожала плечами:

– Но ты не будешь против, если я пойду к мессе вместе с Меган и ее родителями в это воскресенье?

Я вздохнула, но согласилась. Кто я такая, чтобы отказывать ей в праве иметь свое отношение к религии?

В течение двух лет еженедельное посещение мессы с Меган и ее родителями стало для моей дочери обязательным ритуалом. По мере того как она все больше и больше узнавала о католической вере, ее желание принадлежать к этой церкви росло. Моя мать планировала крестить ее той весной, и однажды спросила меня, задумывалась ли я о конфирмации. Нет, я не задумывалась, но это сделали мои мать и дочь.

– Подготовка к конфирмации начинается осенью, – сказала мать, – и занятия продлятся весь год. Ей нужна восприимница.

Я знала, что означает «восприимница» в понимании моей матери. Она имела в виду, что я должна ходить на занятия вместе с дочерью.

– Мам, – ответила я, – я знаю, к чему ты клонишь. Ты уже не первый год хочешь вернуть меня в церковь.

Я встала из-за стола.

– Мой ответ – нет! И ты знаешь почему.

Целый час мы спорили, кто виноват.

– Не вини Бога, – настаивала мать. – Бог заботится о тебе, не важно, решишь ты вернуться к Нему или нет.

Наконец, взятая измором, я согласилась.

– Я не возвращаюсь ни в церковь, – предупредила я, – ни к Нему. Но если уж дочери так нужна католическая религия, я буду ходить на занятия вместе с ней.

Моя мать решила, что победила.

– Тебе придется каждую неделю ходить с ней к мессе, – сообщила она. – Восприемница должна быть примером во всем.

Когда наступил сентябрь и листья начали желтеть, мы с дочерью каждое воскресное утро в 10:30 приходили к мессе, а каждый воскресный вечер по полтора часа слушали религиозные наставления. И хотя мое тело находилось на церковной скамье, мои разум и дух неизменно уплывали в иные места.

В Светлое Воскресение мы с матерью и дочерью вместе были на службе, и я наконец встала на колени, чтобы поздороваться с Богом. Мы встали, слушая главу из Евангелия, и сели, когда священник читал проповедь о воскресении Христа. Я не прислушивалась. Я слышала эту историю миллион раз. Я думала – вспоминала о Светлом Воскресении, когда потеряла своего малыша. Я подняла глаза на крест за спиной священника и молча спросила распятого Иисуса, зачем Бог забрал у меня сына. Ответа не было – лишь монотонное бормотание священника.

А потом сзади послышались тихие шаги, и мальчик лет тринадцати подошел и встал в проходе рядом со мной. Я посмотрела на него – и едва не ахнула. Он был почти точной моей копией: темные волосы, зеленые глаза, россыпь светлых веснушек на носу и щеках. Мои глаза наполнились слезами, а он ответил легкой улыбкой, которая, казалось, говорила: «Все хорошо».

Я взглянула на мать и дочь. По моему лицу потоками струились слезы. Они обе обеспокоенно уставились на меня, но когда я снова повернулась к мальчику, его уже не было.

«Как глупо! – думала я по дороге домой. – Абсурд какой-то!» Я не стала никому рассказывать об этом моменте, а потом и сама о нем забыла.

В мае состоялась конфирмация моей дочери. Наступило лето, и я завела привычку пить утренний кофе на веранде. Обычно дочь по утрам выбегала из дома, целовала меня в щеку, рассказывала о своих планах и отправлялась встречаться с подружками в городе. Но однажды в чудесный

июльский день она вышла из дома в пижаме и шлепанцах, со спутанными после сна волосами.

Она уселась на ступени веранды.

– Мне приснился такой странный сон! – начала она. – Мальчик чуть старше меня был в моей комнате, – она потерла заспанные глаза. – Он говорил, что все будет хорошо, что он за мной приглядывает. Сказал, что он мой брат.

Она подняла на меня глаза.

– Он был похож на того мальчика, который стоял в проходе церкви на Пасху. Странно, да? А ты видела того мальчика, мам?

Ее ярко-голубые глаза светились умом и доверчивостью.

– Твой брат, – прошептала я.

В этот момент я поняла, что Бог послал моего сына – и не единожды – найти меня, и я никогда больше не буду потеряна.

Кристен Хоуп

Брат и сестра

Сказал я: кто они, господин мой? И сказал мне Ангел, говоривший со мною: я покажу тебе, кто они.

Захария, 1:9

Мы с моей сестрой Мишель были в восторге от того, что обе одновременно беременны вторыми детьми. Рожать нам предстояло с промежутком всего в шесть недель. Мой сын Блейк родился на семь недель раньше срока и был совершенно здоров. Моя сестра родила чудесную дочку Кеннеди, которая, увы, не выжила.

Это было самое печальное событие в жизни нашей семьи. Мишель тяжело и медленно приходила в себя.

Блейку было четыре месяца, когда Кеннеди умерла. Всякий раз, заходя в детскую в доме моей сестры, он подходил к определенному месту, смеялся, лепетал и показывал пальчиком. Мы думали, что, наверное, это Кеннеди приходит с ним играть.

Потом Мишель и ее муж переехали в другой дом. Там Блейк уже не видел свою двоюродную сестру и не разговаривал с ней, как раньше. Меня это немного печалило.

Но однажды вечером, когда Блейку было около двух с половиной лет, мы с ним сидели одни в гостиной, и я укачивала его перед сном. Он вдруг резко сел в кроватке и принялся махать рукой, глядя на стену, смеяться и болтать. Он явно обращался не ко мне, и я снова уложила его. Но Блейк вскочил и побежал к тому месту, на котором был сосредоточен его взгляд.

– Блейк, с кем ты разговариваешь?

– С малышкой, – сказал он и продолжал лепетать.

Потом, взволнованный, вернулся ко мне.

– Мамочка, видишь ту малышку? Видишь? Вон там!

Он словно встретил давно потерянного друга.

Я спросила:

– А как ее зовут?

– Малышка Кенни.

Моя кожа покрылась мурашками. Я подумала, что, должно быть, неправильно поняла его или услышала в словах сына то, во что мне хотелось верить.

Я задала этот вопрос трижды, и все время он давал мне один и тот же ответ: «Малышка Кенни».

И тогда я поняла, что она здесь, в нашем доме, играет с нашим сыном. Я наблюдала за Блейком сквозь слезы, благодаря Богу за то, что он послал Кеннеди побыть с нами. Мне не хотелось, чтобы это заканчивалось. Но десять минут спустя Блейк резко оборвал игру и вернулся ко мне.

Это был одновременно горький и сладкий миг.

Кеннеди по-прежнему приходит в наш дом, хотя не так часто, как мне хотелось бы. Я буду вечно благодарна за то, что Бог позволил мне «видеть» чудо ангелов глазами двухлетнего ребенка.

Моника Мацнер

Глава 5

Его спасительная благодать

И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать.

Евангелие от Иоанна, 1:16

Из тьмы

Исцели меня, Господи, и исцелен буду; спаси меня, и спасен буду; ибо Ты хвала моя.

Иеремия, 17:13–15

Бессонные ночи. Отсутствие аппетита. Серое лицо в зеркале. Такой я была в год своей депрессии. Некоторые меланхолики называют это состояние «темной ночью души». Я называла его «последней ступенькой перед смертью».

Иные дни я проводила, свернувшись в позе эмбриона. В другие кое-как функционировала – готовила сэндвичи с арахисовым маслом и вареньем для своего сына. Но в моем доме не было слышно смеха. И жизнь и еда оставались безвкусными.

Я всегда любила закаты, но не в тот темный год. Я не могла наслаждаться оранжевыми и золотыми тонами канзасских сумерек. Все спали, а я сидела, раскачиваясь, в углу ванной комнаты. Сошла ли я с ума? «Клиническая депрессия, – сказал врач. – Организм пошел вразнос. Никто не знает, как это начинается и как заканчивается».

Обычные дела не получались. Музыка не доставляла радости. Рояль стоял в углу гостиной, его клавиши слоновой кости словно насмеялись надо мной. Никаких песен. Я заполняла дневник темными и навевающими уныние словами – «печальный», «апатия», «бесполезно». Казалось, ничто в моей жизни не имело значения, и я ненавидела это ощущение никчемности. Мне было жаль моего маленького сына. Я не могла ни играть с ним, ни читать ему книжки. Все карандаши в моей коробке были серыми.

Я пыталась молиться. Бог молчал. Друзья навещали меня, но ни у кого не было готового решения. Кто-то молился за меня, но ничего не менялось. Казалось, в каждом дне по тридцать пять часов, а ночи и вовсе бесконечны. Часы растягивались в месяцы – а облегчение не приходило. Я молила Бога позволить мне умереть.

А потом однажды я села за письменный стол, надеясь, что хоть какая-то творческая искра просочится в мою «потерянность». Я хотела снова писать, создавать текст, наполненный смыслом, жить в своих придуманных персонажах. Я закрыла глаза и обратилась Богу, прося помочь мне: «Пожалуйста, я больше не могу это выносить. Я не знаю, что делать».

Из моей тьмы родился свет, который поманил меня в гостиную. Я вышла из своего тела и увидела Бога возле рождественской елки. Его лик был неразличим. Я не могла разобрать ни одной черты, я просто знала, что Он – Бог. Но еще удивительнее, чем Его внешность, была большая золотая коробка, которую Он протягивал мне. Туман в моем сознании рассеялся, когда я сфокусировала взгляд на белой подарочной этикетке. На ней было написано: «Здоровье».

И вот я снова за столом, бодрствующая и осознающая все с необычайной ясностью. Боясь вздохнуть, я закрыла глаза и стала ждать. Иисус стоял у меня за спиной. Его добрые и натруженные руки, руки плотника, коснулись моей головы, и пульсирующая сила проникла в мой сокрушенный мозг. Тепло его прикосновения, точно медленно льющийся сироп, распространилось от макушки до пальцев ног. Поврежденные синапсы^[5] со щелчком вставали на место. Мертвые эмоции оживали, пробуждая личность и волю. Я чувствовала, что чудесное сияние, охватившее каждую клетку моего тела, наполняет меня невероятным даром исцеления.

Я просидела за столом не один час, повторяя «спасибо» на всех известных мне языках.

Тьма отступила, и на ее месте засиял свет душевного здоровья. Я снова хотела жить и быть хорошей мамой.

Я коснулась своей одежды и ощутила каждую ниточку. Мой желудок заурчал от голода. Вырвавшиеся на волю слезы смыли яд самобичевания.

Я перестала чувствовать себя никчемной, ощутив любовь Господа моего. Я потянулась к клавиатуре и написала: «Бог – целитель мой. Аминь».

Ар-Джей Тесман

Сюрприз Малахии

Принесите все десятины в дом хранилища, чтобы в доме Моем была пища, и хотя в этом испытайте Меня, говорит Господь Саваоф: не открою ли Я для вас отверстий небесных и не изолью ли на вас благословения до избытка?

Малахия, 3:10

Я получил по почте уведомление от банка. Нужно было внести хотя бы один платеж по ипотеке до следующего понедельника, иначе начнутся процедуры лишения права собственности.

Я понятия не имел, что делать. Моя жена Джоан недавно ушла с работы (она была медсестрой), чтобы сидеть дома с нашими маленькими сыновьями Майклом и Дэвидом. Мы говорили с пастором, и он одобрил наше решение, чтобы Джоан занялась воспитанием мальчиков.

– Могут возникнуть финансовые проблемы, но Господь о них позаботится, – сказал он. – Растить детей – не обуза, как думают некоторые родители. Это служение Господу.

У меня была неплохая работа, но не на руководящей должности. В конце 1970-х экономика пребывала в хаосе. Двухзначная инфляция, двухзначные проценты; длинные очереди за бензином...

Моей зарплаты не хватало, чтобы обеспечить семью из четверых человек.

Всю неделю я мучился этой проблемой. Она зарывалась в мой мозг, как крот: «Вы совершили большую ошибку. Вы потеряете дом».

Я слишком много времени тратил на тревоги. Библия советует: «Ни о чем не беспокойся». Но как бы я ни старался карабкаться по горе веры, я все время сползал обратно в болото тревоги.

Ситуация выглядела безнадежной. Я не знал, где взять деньги. Уже через пару дней должны были начаться юридические процедуры, которые лишили бы нас семейного дома.

Пятница была днем зарплаты, но большую часть денег предстояло потратить на продукты. Остатка и близко не хватило бы, чтобы внести платеж по ипотеке.

Я не рассказывал о финансовых невзгодах никому – ни пастору, ни его

помощнику, ни кому-либо из прихожан нашей церкви. А тут еще возникла новая проблема. Я, как верующий христианин, считал своим долгом перед Богом приносить десятую часть своего дохода в Его церковь. Но что, если я пропущу одну неделю? Я мог бы возместить эту сумму в другой раз. Если я оставлю себе деньги десятины, то буду немного ближе к тому, чтобы суметь внести платеж по ипотеке.

Я обратился к Библии, раскрыл ее на Книге пророка Малахии и прочел: «Принесите все десятины в дом хранилища, чтобы в доме Моем была пища, и хотя в этом испытайте Меня, говорит Господь Саваоф: не открою ли Я для вас отверстий небесных и не изолью ли на вас благословения до избытка?»

Решение было принято. В воскресное утро я положил чек с десятиной на блюдо для пожертвований, а потом снова вернулся к своим тревогам. Я тревожился всю оставшуюся часть утра. Я тревожился после полудня. Вечером мы с Джоан снова пошли в церковь на службу, и я продолжал тревожиться от ее начала и до конца.

После вечерней службы помощник пастора подошел ко мне с улыбкой на лице и протянул конверт.

– Господь велел мне дать это вам, – сказал он и отошел.

В конверте был чек ровно на ту сумму, которая требовалась для платежа по ипотеке.

Я не представляю себе, откуда помощник пастора узнал о моей проблеме и как он решил, что ему следует что-то предпринять в связи с этим. Зато я знаю точно: я отдал десятину и Бог исполнил Свое обещание осыпать меня дарами.

Начиная с того воскресенья – тридцать лет назад – и по сей день моя семья ни разу не столкнулась с финансовыми трудностями.

Дэвид Хирен

Наперегонки со смертью

Чтобы вера ваша [утверждалась] не на мудрости человеческой, но на силе Божией.

1-е Коринфянам, 2:5

Однажды в субботу я отработывала шестнадцатичасовую смену в отделении интенсивной терапии. Была моя очередь принимать следующего пациента. Получив назначение и отчет, я поняла, что нам предстоит трудный вечер. Мистер Смит, 76-летний джентльмен, перенес обширный инфаркт, подтвержденный томографическим сканированием. Он поступил в отделение около трех часов дня.

Я узнала, что он вел активный образ жизни, что у него есть жена, четверо взрослых детей и несколько внуков. Все они были очень дружны, хотя трое из его детей жили в других штатах. Мистер Смит был страстным садовником и ни минуты не сидел без дела.

Во время инфаркта у него произошло обильное кровоизлияние в мозг, и это привело к остановке дыхания. Родственникам сообщили, что состояние тяжелое. Почти непрерывно шли судороги. Сердечный ритм и кровяное давление оставались нестабильными. Ему не суждено было пережить эту ночь.

Его жена просила нас сделать все возможное, чтобы он был жив до тех пор, пока не приедут попрощаться трое из четверых его детей. Одна дочь жила рядом с родителями и находилась возле отца. Миссис Смит позвонила сыну в Делавэр, дочери в Нью-Джерси и другому сыну в Виргинию.

Спустя два часа я устанавливала пятую капельницу с препаратами, чтобы стабилизировать сердечный ритм и кровяное давление. Миссис Смит попросила меня помолиться вместе с ней о том, чтобы ее муж пришел в себя и выздоровел; но если ему придется умереть, то пусть он доживет до приезда детей.

– Когда они смогут здесь собраться? – спросила я.

– Примерно через семь часов.

Я встала на молитву вместе с ней:

– Боже, пожалуйста, стабилизируй кровяное давление и сердечный ритм мистера Смита, чтобы он смог пережить эту ночь.

Примерно через десять минут после нашей молитвы его сердечный

ритм замедлился до сорока, потом до тридцати ударов, а потом и вовсе пропал. Вызвали команду реаниматологов. Они трудились над мистером Смитом двадцать минут. Даже если бы мы сумели вернуть его сердечный ритм к норме, из-за кровоизлияния в мозг он бы не вышел из комы. Переговорив с миссис Смит, врач неотложной помощи принял решение прекратить реанимационные мероприятия и объявить мистера Смита мертвым.

Поскольку он был моим пациентом, моей задачей было удалить все трубки и провода и обмыть тело.

Все покинули палату, и, убирая аппаратуру, я снова стала молиться, чтобы он дожил до приезда детей и смог попрощаться с ними. Мне надо было удалить провода ЭКГ и выключить монитор. Когда я начала извлекать дыхательную трубку, в палату вбежали другие медсестры.

– Что ты делаешь? – воскликнула одна из них.

Я ответила, что отключаю провода и собираюсь обмыть мистера Смита после смерти. Тогда медсестра повернула ко мне монитор возле койки. Я взглянула на него и похолодела. У мистера Смита возобновилось сердцебиение! Пока я смотрела на экран, количество сокращений возросло с тридцати до примерно сорока.

– Это просто эффект введенных лекарств, – сказала другая сестра. – Мы знаем, такое порой случается; это ничего не значит.

Но я нащупала пульс на его шее и снова включила аппарат искусственной вентиляции легких. Глядя на монитор, мы осознали, что у мистера Смита, которого объявили мертвым несколько минут назад, бьется сердце. Он снова был жив.

В 10:30 вечера все четверо его детей вошли в палату. Миссис Смит улыбнулась мне: мы обе молча признали, что Бог ответил на нашу молитву.

Спустя пару часов мистер Смит умер в окружении родных, попрощавшись с ними. Он не выздоровел и не вышел из больницы живым, но все же Бог сотворил чудо. Человек прожил восемь часов после того, как был объявлен мертвым.

Ким Армстронг

Во сто крат

И всякий, кто оставит дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную.

Евангелие от Матфея, 19:29

Мне было девятнадцать лет. Я сидела в маленькой квартирке-студии в Канзас-Сити в полном одиночестве. Приближалось Рождество, и я упивалась жалостью к себе. Работы не было, деньги на оплату съемной квартиры едва удалось наскрести. У меня оставались только коробка хлопьев, пакет молока, пять долларов на банковском счету и единственная банкнота в один доллар в кошельке.

В начале этого года я приняла судьбоносное решение. Колледж пришлось бросить из-за отсутствия денег, я собрала два чемодана и села в автобус с 50 долларами в кармане. Мои родители разводились, и у меня не было никакой финансовой поддержки. Моя временная работа с минимальной оплатой прекратилась. Я была чужой в этом городе, одинокой и без друзей.

И вот я в Канзас-Сити, сижу на своей откидной кровати, уставившись в окно. Тянутся невеселые мысли: «Всем наплевать, жива я или мертва. Я могла бы валяться где-нибудь в канаве – и это ничего не изменило бы...»

Мне надо было убираться отсюда, из этой комнаты, прежде чем я сделаю что-нибудь такое, о чем потом пожалею.

Я застегнула свою старую ярко-зеленую куртку. Когда-то она была частью моего новенького университетского гардероба. Теперь на локтях протерлись дыры, а из прорехи на плече торчала белая набивка.

Я спустилась по пяти пролетам лестницы с одним долларом в кармане, открыла дверь и вышла в пронизывающий холод. Ледяной ветер бил меня по лицу, от него слезились глаза. Я побрела вперед – сама не зная куда. Никакой цели у меня не было. В конце концов я дошла до парка со скамейками и фонтаном, где можно было сесть, поплакать и помолиться.

Закрыв глаза и умоляя Бога о помощи, о мудрости, о каком-то знаке – хоть о чем-нибудь, – я услышала голос. Ко мне обращался мужчина. Может, это и есть знак? Я открыла глаза и обнаружила, что рядом со мной уселся

пьяный бездомный и приглашает на свидание!

Я встала и решила вернуться обратно в квартиру. К этому времени буквально разверзлись хляби небесные, извергая смесь дождя, града и снега. Я была без шапки и без зонта, моя потертая куртка впитывала ледяной дождь, как губка, и к лицу прилипали мокрые волосы.

Идя мимо дорогих магазинов, нарядно украшенных к Рождеству, я стыдилась своей внешности в стиле «девочки со спичками». Я остановилась возле маленькой кофейни и заглянула внутрь через стекло. Там сидели женщины в мехах и красивой одежде. Каково это – хорошо выглядеть, греться в тепле и болтать с подругами за чашкой горячего чая, поглядывая на жуткую погоду на улице? Интересно, можно здесь купить на мой доллар хотя бы чай? Нет, при здешних ценах и обязательных чаевых я не смогла бы себе этого позволить. Я побрела домой, замерзшая и промокшая, задавая риторическим вопросом: «Куда уж хуже?»

Тут я и наткнулась на женщину из Армии Спасения, которая звонила в колокольчик над красным ведром.

«Что ж, – сказала я себе, – у тебя есть руки и ноги, зрение и здоровье, так что ты намного счастливее, чем большинство несчастных, для которых собирают пожертвования. Люди из Армии Спасения помогают другим». Я полезла в карман и отдала свой последний доллар.

Вернувшись, я открыла почтовый ящик и обнаружила там банковскую выписку. Я уже знала, каково ее содержание. Но когда я вскрыла конверт, чтобы положить листок в папку с документами, я заметила ошибку. Выписка показывала мне баланс не в 5, а в 105 долларов.

Я всегда точно знала, сколько у меня денег на счету, вплоть до последнего пенни. Что-то было не так. Я не собиралась тратить чужие деньги и пускать это дело на самотек. Я позвонила в банк. Служащий сказал, что это совершенно точно мои деньги, но я-то знала лучше.

Надев потертую и мокрую зеленую куртку, я снова вышла на холод. Отделение банка находилось прямо через улицу от того фонтана, где я сидела и плакала всего пару часов назад.

Я вошла внутрь.

– Могу я встретиться с управляющим?

Я, наверное, представляла собой ужасное зрелище. Хорошо одетые люди во все глаза смотрели на замерзшую бродяжку, требующую, чтобы сотрудник банка ликвидировал ошибочно начисленные ей излишки средств.

Он ушел куда-то во внутренние помещения, чтобы проверить возможную ошибку. Я терпеливо ждала в кожаном кресле, которое

скрипело, когда я ерзала на сиденье. С моих волос капала вода. Вернулся он озадаченный, сел в кресло, почесал в затылке.

– Ничего не понимаю, – признался он, – но это действительно ваши деньги.

– Это невозможно! Я знаю, сколько у меня средств, до последнего гроша, а эта сумма появилась неизвестно откуда.

Сотрудник сказал, что понимает мое беспокойство, поскольку эти деньги не фигурировали в прежних отчетах:

– Наши записи указывают, что в прошлом июле на ваш счет был сделан взнос, а мы его только сейчас зафиксировали. Вот почему он впервые появляется в вашей банковской выписке в декабре. Но это определенно ваши деньги, и вам не нужно беспокоиться, что мы потребуем их обратно.

Когда с деньгами туго, человек ведет учет каждому центу. Я несомненно знала, что не делала никакого взноса в прошлом июле, но так и не смогла его в этом убедить.

Я вернулась домой, благодаря Богу за дополнительные деньги, на которые купила авиабилет, чтобы навестить в Рождество родителей. Мой дух исцелился, когда я поделилась с ними этим святой праздник.

Через пару месяцев я рассказала одной женщине о таинственном появлении 100 долларов.

– А разве вы не отдали свой последний доллар на благотворительность? – спросила она.

– Ну... да.

– Так неужели вы не понимаете? – отозвалась она. – Вас вознаградили сторицей!

Моя кожа покрылась мурашками и по спине пробежал холодок. Я называю это колоколом истины, звенящим в спинном мозге. Я столкнулась с благословением, с рождественским чудом!

Морган Хилл

Ты не одна

И в ту ночь явился ему Господь и сказал: Я Бог Авраама, отца твоего; не бойся, ибо Я с тобою.

Бытие, 26:24

Я совершенно одна! Я смотрела в кухонное окно. Яркий солнечный свет выявил разводы, которые я оставила, протирая его.

– Ну и пусть, – бормотала я. – Все равно никто этого не увидит.

С мстительной энергией я пыталась сосредоточиться на делах выходного дня. Обычно занятость помогала мне одолеть депрессию и горечь, но тут все валилось из рук. Пылесос закоротило, стиральная машина не желала вращать барабан, а стирки накопилась целая гора.

Тогда я пошла вниз. Работа на свежем воздухе всегда успокаивала меня и давала время подумать. Я снова и снова пыталась завести старую газонокосилку. Мне давно нужна была новая, но пока я не могла себе ее позволить. Мне и на оплату счетов едва-едва хватало.

Я вышла замуж за свою первую школьную любовь, и судьба подарила нам трех прекрасных дочурок. Теперь же, после десяти лет брака, все было кончено.

После работы я проводила все свободное время с моими девочками, ездила с ними на пикники, играла в игры, читала книжки, разговаривала и выслушивала их, стараясь облегчить боль, вызванную разводом.

Но тут грянули эти выходные.

Дочки едва могли дождаться отъезда. Их отец и его подруга повезли их в парк развлечений «Шесть флагов». Они были так взволнованы предстоящей поездкой! Я не могла их винить. Мне были не по карману такие места и больно видеть их восторг. Неужели все то время, которое я с ними проводила, ничего не значит?!

– Конечно, значит, – бормотала я, когда газонокосилка наконец прокашлялась и завелась. – Тебе должно быть стыдно за подобные чувства, ведь девочки получают море удовольствия. Им необходимо бывать с отцом.

Я была переполнена горечью и ненавистью, думая о нем. Он никогда прежде не находил времени, чтобы чем-нибудь заняться с дочерьми, даже когда девочки его об этом просили. Он был слишком занят, по его словам; ему, видите ли, нужно было работать.

Я пинком отшвырнула мяч от газонокосилки, представляя на его месте бывшего мужа, и стала яростно скашивать все, что попадалось на пути: и сорняки, и цветы. Все это время я думала: «Я одна, и никто меня не любит».

В дом я вошла обессиленная. Для других домашних дел уже не осталось энергии. К ужину я слишком устала и расстроилась, чтобы думать о еде. Субботний вечер, а я одна! Мне было так жаль себя! Я разразилась слезами и бросилась ничком на диван. Обиженная и несчастная, я воскликнула:

– О Боже, помоги мне! Я совершенно одна, а всем наплевать, никто меня не любит!

Рыдания сотрясали мое тело. Лежа на диване, я дрожала, плакала и шептала снова и снова:

– Пожалуйста, помоги мне, пожалуйста, помоги мне, пожалуйста...

Я замерла, почувствовав, как чья-то рука обнимает меня за плечи. Мои рыдания утихли.

Ощущая на плечах тяжесть этой руки, я услышала шепот у своего уха:

– Ты не одна, Я всегда буду с тобой. Я люблю тебя и всегда буду тебя любить.

Я была настолько ошарашена, что несколько секунд не могла шелохнуться. Потом медленно села и оглядела комнату, пытаюсь понять, что случилось. Я по-прежнему ощущала тепло там, где чья-то рука обнимала мои плечи, и понимала, что этот шепот мне не почудился.

А потом до меня дошло: я действительно не одна. Я ощущала своего Господа и Спасителя Иисуса Христа в этой комнате, рядом с собой. Я почувствовала себя такой любимой и защищенной! Он любит меня и заботится обо мне!

Остаток выходных я провела словно в тумане, пораженная тем, что случилось. Иисус сказал, что любит меня, обещал никогда меня не оставить и всегда быть со мной. Я еще немного поплакала, но это были слезы радости.

В тот вечер моя жизнь переменилась. Горечи и ненависти как не бывало. Я больше не переживала из-за одиночества. Девочки нередко уезжали, чтобы побыть с отцом, но теперь я была рада, что они могут проводить с ним время. Мне все еще было трудно работать и сводить концы с концами да к тому же находить время для обязанностей мамы-одиночки. У меня оставались проблемы, с которыми надо было разбираться, но Кто-то всегда помогал мне.

Всякий раз, начиная суетиться или жалеть себя, я закрывала глаза и

мысленно возвращалась в тот вечер. Я чувствовала Его руку на своих плечах и слышала мягкий голос: «Я люблю тебя, ты не одна, и Я всегда буду с тобой».

И Он сдержал обещание.

Пэт Кейн

Спасение в Гималаях

Не бойся их; ибо Я с тобою, чтобы избавлять тебя, сказал Господь.

Иеремия, 1:8

Моя добрая подруга Рина и ее дочь Ники все еще пытаются осмыслить то, что случилось с Ники, когда она едва не погибла в Гималаях. Рина планировала сопровождать свою 80-летнюю мать в духовном паломничестве в Бадринат, но острый приступ ишиаса не позволил ей отправиться в это путешествие. Вместо нее с бабушкой поехала 27-летняя Ники, преподаватель ботаники.

Бабушка и внучка пустились в путь вместе: одна – чтобы молиться Господу, а другая – чтобы собирать редкие растения в этих девственных горах. Они присоединились к туристической группе, для которой был нанят автобус и подготовлены остановки для отдыха и перекуса на маршруте.

В том августе муссоны свирепствовали повсюду. Дожди в горах сопровождались порывистыми ветрами и пронизывающим влажным холодом. Бабушка Рины слегла с острой лихорадкой и мучительной болью во всем теле. Не желая задерживать остальную часть группы, организаторы тура договорились, что Ники и ее бабушку разместят в гостевом доме, в то время как остальные продолжают трудный подъем в горы. Верному слуге Раму предстояло готовить, убирать и заботиться о них двоих.

Бабушка была сильно расстроена.

– Прodelать весь этот путь – и не увидеть лика Бога! – стонала она, и ее эмоциональные муки были так же велики, как физические.

– Не волнуйся, бабушка! Бог есть повсюду. Ты сможешь Его увидеть, где только пожелаешь, ведь Он есть в каждом дереве, цветке и травинке, – утешала ее Ники.

Вид из гостевого домика открывался чудесный, и обе они проводили часы на открытом балконе, глядя на склоны, густо заросшие высокими кедрами, соснами и тополями. Но через два дня Ники надоело сидеть на одном месте. Несмотря на то что дождь продолжал налетать порывами, образуя туманные завесы, она решила отправиться на прогулку по горным тропам.

«Будь осторожна», – предостерегла ее бабушка, когда Ники повязывала

шерстяной шарф, готовясь к выходу.

Горные тропы были крутыми и скользкими, но она осторожно пробиралась по ним, замечая интересные растения. «Соберу их, когда буду возвращаться», – подумала она в какой-то момент.

Повернув в обратный путь, она увидела воистину редкого красавца. Цветок рос на крутом обрыве, но рядом просматривалась узенькая тропка, и Ники решила, что сумеет его достать. Она стала спускаться, осторожно переставляя ноги. Один неверный шаг – и она полетела бы со скалы в тысячефутовую пропасть. Наконец Ники дотянулась до цветка, ликуя сорвала его и начала подниматься обратно.

Тогда-то и разразилась катастрофа. Земля под ее ногами поползла. Дожди размыли почву на склоне. Ники слышала о селях и грязевых лавинах и поняла, что попала в самое начало такой лавины. Она пыталась за что-нибудь ухватиться, но рядом не было ни дерева, ни ветки, ни даже прутика. Отчаянно вцепляясь пальцами в почву, она лишь загребала полные горсти травы. Ники пыталась зарыться ступнями в мягкую землю, чтобы остановить сползание, но все было напрасно. Она хотела позвать на помощь, но в горле у нее пересохло от страха и из него вырывалось только слабое хрипение.

«*Бачао* (спасите)!» – мысленно взмолилась она, начиная неуклонно сползать вниз.

И вдруг ее запястье перехватила крепкая горячая рука.

– Мадам, держитесь за мою руку, – произнес голос у нее над головой. Наверху стоял Раму, слуга из гостевого домика. Он спустился вниз, безошибочно выбирая опору для ног, что выдавало в нем прирожденного горца, и пружинистым рывком вытащил ее.

«Какие у него теплые руки!» – подумала Ники, когда Раму помогал ей встать на ноги. Она рассыпалась в благодарностях, а потом продолжила путь.

Когда Ники вошла в гостевой домик, бабушка взгляделась в ее напряженное лицо и встревоженно спросила:

– Что случилось, дитя мое?

Ники пересказала ей всю историю и прибавила в конце:

– Хорошо, что Раму пошел за мной; если бы не он, я бы сейчас лежала на дне ущелья.

– Но это невозможно, – возразила бабушка. – Раму был здесь, со мной, все утро – растапливал камин и развлекал меня народными сказками!

В комнату вошел Раму с горячим обедом.

– Я составлял компанию *мааджи* и только отошел в кухню, когда вы

пришли, – сказал он.

Бабушка и Ники переглянулись, дивясь и недоумевая.

– Разве ты не говорила, что Бог есть повсюду? – мягко проговорила бабушка.

Мита Банерджи

Подарок на годовщину

Ценность подарка определяется его уместностью, а не стоимостью.

Чарльз Дадли Уорнер

– Ты чувствуешь, что мы женаты уже почти девять лет? – мой муж Шэннон легонько сжал мою руку, сворачивая на дорожку к дому.

– Чем ты хочешь заняться в нашу годовщину? – спросила я.

Шэннон покачал головой:

– Придется затянуть пояса, малышка. Мы не можем в этом году позволить себе покупать подарки, но я уговорил родителей присмотреть за детьми, так что мы сходим поужинать.

Я знала, что он прав. В последние несколько месяцев, казалось, куда ни повернись, все протекало, скрипело и распадалось на части. Мы истратили свои сбережения, оплачивая бесконечные счета за починку. И все же я хотела купить мужу подарок. Я всегда дарила ему на нашу годовщину какую-нибудь приятную мелочь и не хотела нарушать традицию. Подарок не обязан был быть дорогим – просто какая-нибудь сентиментальная вещица, чтобы отметить наш день.

Недавно я завершила исследование, посвященное силе молитвы, и теперь молча взмолилась Богу, чтобы Он подал мне идею.

За два дня до годовщины я застилала кровать, и вдруг из-под нее выкатилась монетка в один цент. Я подобрала ее и взглянула на дату – 1996, год нашей свадьбы.

Вот оно! Шэннон обожал коллекционировать монеты, и мы постоянно посещали антикварные магазины. Если бы удалось найти пятицентовик, десятицентовик и четверть доллара одного года чеканки, то я смогла бы вручить ему полный комплект. Я загорелась этой идеей. Это был бы и недорогой и памятный подарок. Я закончила стелить постель и принялась за археологические раскопки.

Я начала с гостиной и обшарила весь дом. Я перевернула каждую подушку и обыскала все полки. Мне удалось найти пятицентовик 1996 года, завалявшийся в недрах кухонного мусорного ящика. Потом я перерыла старые вещи в чулане. В кошельке для мелочи обнаружился десятицентовик. Оставался только четвертак 1996 года. Я собиралась

купить маленькую шкатулочку-витрину, чтобы красиво разложить монеты, но мне хотелось сначала найти их все.

Где бы еще поискать?

Я вспомнила о «копилке» с мелочью, которую держала в машине. Вооружившись пластиковым пакетом с застежкой, я направилась в гараж.

Мелочь, извлеченная из машины, – отвратительная штука. Я сломала несколько ногтей, пытаюсь отодрать монетки от подстаканников, полных кунжутных зернышек и липких потеков колы. Если бы я нашла монетку там, ее пришлось бы вымыть, чтобы включить в коллекцию. Но я не нашла ни одного четвертака 1996 года.

Поскольку Бог подкинул мне эту идею, мне пришлось просто положиться на Него.

Ближе к вечеру я позвонила подруге и рассказала ей о своих планах. Она фыркнула:

– Это глупо! Просто подари ему открытку. Кроме того, у Бога нет времени заботиться о таких мелочах.

Наверное, мои слова действительно звучали глупо, но мне было все равно. Я не стала следовать ее совету и продолжала молиться. Я была убеждена, что Богу не все равно.

Я загрузила стиральную машинку и начала готовить ужин. И тут я вспомнила, что не проверила тумбочку Шэннона. Я бросилась в спальню и вытащила из ящика все содержимое. На дне лежала монетка в 25 центов. У меня дрожали руки, когда я перевернула ее, чтобы увидеть дату – 1995 год.

Казалось, Бог надо мной подшутил. В 1995-м мы заключили помолвку, но этот вариант не годился. Мне нужен был 1996 год. Я сунула монету обратно в ящик вместе с остальным хламом и вернулась в кухню. До «часа икс» оставались всего сутки, и я стала молиться еще усерднее.

На следующее утро Шэннон поздравил меня с годовщиной и уехал на работу. Я отвезла детей в школу и позвонила свекрови, попросила поискать у нее дома нужный четвертак. Она пообещала, что поищет, и я поехала в магазин за шкатулкой. К тому времени как я закончила все дела, пора было забирать детей из школы.

Дома я вынула из сумки купленную шкатулку и решила, что в крайнем случае положу в нее четвертак 1995 года – пусть будет там, пока я не найду тот, который мне нужен. Было почти пять. Вскоре бабушка и дедушка заберут детей, и Шэннон вернется домой с работы. У меня оставалось около получаса, чтобы закончить дела и одеваться к ужину.

Я уже выходила из кухни, когда вспомнила, что не включила сушильную машину. Я зашла в прачечную, выставила таймер, нажала

кнопку и уже собиралась выйти, когда услышала из барабана сушилки громкое звяканье.

Не может быть! Или может?

Трясущимися руками я открыла дверцу сушилки и вынула оттуда всю одежду, перетряхивая каждый предмет. Добравшись до последней пары джинсов, я заглянула в барабан. К задней стенке прилип сгусток кондиционера для белья. Как он туда попал? Ведь кондиционер кладут в стиральную машину, а не в сушильную. Но внутри этого клейкого пятна застрял четвертак. Я даже расхохоталась! С нетерпением я отковыряла монетку от стенки и перевернула. Конечно, на ней была дата – 1996 год.

Я плакала и смеялась одновременно. Я не только нашла четвертак 1996 года, но пережила в тот день сразу два чуда. Каким образом четвертак мог звякать в барабане сушилки, если он прилип к кондиционеру? Полагаю, есть только один ответ. Поскольку оставалось всего тридцать минут на решение задачи, это был единственный способ, которым Бог мог заставить меня заглянуть внутрь сушилки.

У меня оставалось время до возвращения Шэннона, чтобы заменить четвертак 1995 года найденным сегодня. Стоит ли говорить, что это была наша самая сентиментальная годовщина за все девять лет! Я рассказала мужу историю монеток и испытала от этого даже больше удовольствия, чем когда вручала сам подарок. Эта особенная шкатулка-витрина по-прежнему красуется на стене нашей спальни. Всякий раз, глядя на нее, я вспоминаю о том, что на Бога всегда можно положиться – даже в мелочах.

Эми Тейт

Авария

Господь сохранит его и сбережет ему жизнь.

Псалтирь, 41:2

Подруга моего детства Эми, ее мама Пегги и моя мама поехали на крупнейший блошинный рынок мира в Кантоне, штат Техас. У нас четверых было немало замечательных приключений, но именно эту поездку я пропустила, потому что жила в то время в Чикаго.

После целого дня шопинга Пегги повезла всех домой в своем «паркетнике», под завязку набитом новообретенными сокровищами. Там были и рождественские подарки, и праздничные украшения, и тесак для мяса с рукоятью из лосяного рога – доказательство, что в Кантоне чего только не сыщешь!

Общение было в разгаре, истории сменяли одна другую. Мама плохо слышала подруг с заднего сиденья и подумывала было отстегнуть ремень. Но она многие годы обучала водителей, поэтому решила, что лучше пропустить что-то из разговоров «о своем, о девичьем», чем ехать непристегнутой.

Внедорожник Пегги мчался со скоростью под 100 км в час по полосе HOV (для автомобилей с числом пассажиров больше четырех) прямо посреди пробки, образовавшейся в час пик. Другие четыре полосы ползли в режиме тяни-толкая.

Впереди белая машина резко затормозила, избегая столкновения. Грузовик позади нее резко вильнул, чтобы не протаранить ее, и пересек двойную линию перед внедорожником! Пегги ничего не могла сделать. Они на полной скорости врезались в грузовик, потом в бетонное ограждение, их подбросило в воздух и понесло на встречную полосу. Но в полете внедорожник снова занесло вправо, он пролетел 35 ярдов, упал на колеса, подскочил и снова взлетел вверх. После чего он перевернулся, грохнулся на крышу другой машины, перекатился вбок и наконец упал, прижавшись водительской дверцей к земле, через три полосы от той, по которой шел в потоке. В общей сложности он ударился о преграды шесть раз.

Как только машина замерла на месте, мама закричала:

– Эми, ты в порядке?

– Да.

– Пегги, ты как?

Нет ответа.

Эми заметила, что из машины вытекает жидкость.

– Нам нужно выбираться отсюда!

Пегги постепенно приходила в сознание, а Эми отчаянно толкала дверцу.

– Она не поддается!

К ним подбежали люди и стали пытаться открыть дверцу снаружи.

Потом появился какой-то человек, одетый в белое. Он с легкостью открыл дверь и вытащил трех пассажиров одну за другой.

Впервые увидев его, Пегги подумала: «Наверное, он мойщик посуды или повар, раз одет в белое». Когда женщина снова оглянулась, их спаситель уже исчез.

После аварии полицейский, который ехал по встречной по другую сторону бетонного ограждения, сказал Пегги:

– Я был совершенно уверен, что вы перелетите над ограждением и попадете прямо в меня. Но что-то заставило ваш автомобиль развернуться в воздухе.

Прибыли спасатели и в конце концов поставили машину на колеса. Дверцу, которую с такой легкостью открыл человек в белом, снова заклинило.

Какой-то мужчина подошел к моей маме и спросил:

– Что с людьми, которые ехали в этой машине?

– Там ехали мы, – ответила мама.

– Правда? Ничего себе! Я видел аварию и был уверен, что люди не выйдут оттуда живыми.

Спустя пару минут к маме подошел один из медиков и тоже спросил:

– Вы не знаете, куда увезли людей из внедорожника?

– Это мы были в нем, – повторила мама.

Медик недоверчиво покачал головой:

– Никогда не видел, чтобы в такой аварии кто-то уцелел!

Эми подвела итог:

– Это чудо, что все мы живы.

Мало того, что все они выжили, так еще и единственной на троих травмой оказался сломанный палец Пегги.

– Во время всех этих скачков, переворотов и перекатов, – вспоминала потом моя мама, – я ничем не порезалась. Ни одна из купленных вещей на меня не упала. Боже ты мой, да у нас в машине был незакрепленный тесак для рубки мяса! И во время всей этой болтанки я ощущала несомненное

присутствие чего-то, что меня держало – и как будто несло на руках, – пока машина не остановилась.

И по сей день она заявляет:

– Я знаю: что бы ни случилось в жизни, Бог держит меня в Своих руках.

Мишель Седас

Дожить до Пасхи

Господи, Боже мой! Я воззвал к Тебе, и Ты исцелил меня.

Псалтирь, 30:2

Моей сестре Сэнди было всего 25 лет, когда у нее появилась одышка и боли в груди. Она много кашляла, но думала, что это просто сильная простуда. Однажды вечером, свалившись на пол от боли, она все-таки решила обратиться к врачу.

– У меня для вас плохие новости, – сказал ей доктор, глядя на ее карту. Молодая женщина, некурящая; она меньше всего была готова услышать его следующие слова: – У вас рак легких. И, похоже, он распространяется.

Сэнди в ужасе подняла на него глаза. Рак легких! Да, ее муж курил, но она за всю свою жизнь ни разу не прикоснулась к сигарете. Однако именно ей был оглашен приговор.

– Только пятнадцать процентам пациентов удастся прожить еще пять лет, – продолжал врач. Он рассказал ей о вариантах лечения, потом похлопал по плечу и вышел.

Кто будет воспитывать ее маленького сына, которому всего год от роду?

Как справится с этим ее муж?

Она поехала домой, безучастная ко всему, что ее окружало. «Только пятнадцать процентам пациентов удастся прожить еще пять лет» – эти слова повторялись в ее голове, точно мантра. Ей нужно было, не теряя времени, составить план.

Сэнди известила своих подруг и родственников и начала химиотерапию. Иногда после сеансов ее рвало до тех пор, пока внутри ничего не оставалось. Эта пустота мучила ее, и у Сэнди началась депрессия. Она старалась по мере сил справляться с жестокой болью. Муж бросал на нее загнанные взгляды, думая, как будет жить без нее.

Наконец Сэнди решила посоветоваться со своим священником.

– Сэнди, вам нужно взглянуть на вещи шире, – философски сказал он. – Если вас не убьет рак, это может сделать автобус. Наслаждайтесь сегодняшним днем и не беспокойтесь о завтрашнем, ведь он еще не настал.

Сэнди решила, что он, возможно, прав. Когда позволяли силы, она

занималась церковной деятельностью, воспитывала сына и общалась с мужем.

Но ее врач был настроен не так оптимистично. После очередного курса обследований он объявил, что рак распространяется еще быстрее.

– Поезжайте домой и составьте завещание, – сказал он. – Похоже, жить вам осталось всего полгода.

Шесть месяцев! Сэнди не могла с этим смириться. Она говорила:

– Я рассчитываю на пасхальное чудо!

«И вообще, почему врачи возомнили себя богами? – задавалась она горьким вопросом. – Только Богу известно, когда кому приходит пора уйти».

Дни летели один за другим, Сэнди ждала весны с еще большим нетерпением, чем обычно. Она сажала луковицы и ухаживала за гиацинтами, когда позволяли силы. Начался обратный отсчет: три недели, потом две... Наконец до Пасхи осталась всего пара дней, и Сэнди пошла к врачу на обследование.

Он провел обычную серию процедур, а потом торопливо вышел из кабинета. Вернулся он с несколькими другими врачами, и они принялись изучать результаты, поглядывая на нее и снова возвращаясь к документам.

Время словно застыло. Моя сестра опасалась худшего. Неужели рак прогрессирует быстрее, чем предполагалось?

– Сэнди, даже не знаю, как вам об этом сказать... – начал врач.

С упавшим сердцем она ждала, пока он закончит речь.

Он тихо продолжил:

– Мы нигде не видим следов рака. Он просто... исчез. У меня нет слов, чтобы назвать это иначе, чем... чудом.

Сэнди в шоке смотрела на врачей. Она не могла поверить своим ушам. Исчез? Исчез?! Ей хотелось помчаться домой и начать звонить всем подряд. Ей нужно было обнять своего сына.

Она подбежала к машине и подняла глаза к небу, которое вдруг стало ярко-голубым. Лениво проплывали пушистые облака. Ее обволакивали запахи и звуки весны.

Пасхальное чудо все же свершилось.

Диана Ганзер

Материнский язык

Итак, пойдя, и Я буду при устах твоих и научу тебя, что тебе говорить.

Исход, 4:12

Мы с моим мужем Ричем решились на усыновление. Мы могли выбирать из множества способов, но один особенно привлекал нас. В местной газете была опубликована статья о наших земляках, которые поехали в Румынию и усыновили там ребенка. Мы задумались, не сделать ли нам то же самое, и переговорили с этими людьми.

Но процесс усыновления был непростым. Румыния находилась далеко, там говорили на другом языке, и мы ничего не знали о международном законодательстве по усыновлению.

Еще больше усложняло дело то, что правительство Румынии всячески затрудняло усыновление для иностранцев, хотя детские дома были переполнены. Сироты почти не получали медицинского обслуживания, а иногда у них не было даже предметов первой необходимости: пищи, одежды, теплой чистой постели... Работники таких домов старались как могли, но этого было недостаточно. Дети страдали.

И все же я отправилась через полмира в крохотную страну, о которой мало что знала. Решиться было легко, потому что я знала, что поступаю правильно. Я полетела в Румынию без мужа: мы не могли позволить себе одновременно взять отпуск. Мне не хотелось покидать его, и я никогда не забуду, как одиноко мне было в самолете, разбегавшемся по взлетной полосе.

Всю дорогу я беспокоилась о том, что увижу, когда доберусь. Я никогда не бывала в других странах и боялась, что мне будет трудно преодолеть языковой барьер, особенно учитывая, что я инвалид по слуху и в основном читаю речь по губам.

Я наняла переводчика – местного жителя по имени Драгос, – надеясь немного облегчить себе задачу, но все равно это было настоящим испытанием. Драгос говорил на ломаном английском, и я скорее догадывалась, что он говорит, чем понимала его. Мне приходилось сосредоточиваться на каждом слове, и я всегда заставляла его повторять все по два раза и говорить медленнее. Надо отдать ему должное, он был

невероятно терпелив со мной.

Дни превращались в недели и сливались в сплошной поток, пока я не нашла Аделу – или, скорее, она нашла меня. Прежде чем стать матерью для этого чудесного ребенка, мне пришлось заполнить тонну разных документов, прорываться через преграды и совершать чудеса изворотливости. Я добивалась приема в посольстве США, встречалась с социальными работниками и переводила одни документы на румынский, а другие на английский... Это заняло целую вечность, и я все время боялась, что что-то пойдет не так. Но все совершилось как по волшебству.

Когда настал день встречи с Радой, родной матерью Аделы, я была сама не своя от волнения. Я получу свою дочь! Я не могла дождаться момента, когда снова возьму Аделу на руки. Я была совершенно уверена, что родная мать Аделы сочтет меня достойной приемной матерью, которая сможет заботиться о ее маленькой дочери и любить ее.

Драгос отступил в сторону, чтобы я могла сосредоточиться на самом важном моменте в своей жизни, принимая мою новую дочь.

Казалось, время остановилось, когда я посмотрела на Раду, а она посмотрела на меня. Сердце едва не выпрыгивало у меня из груди. Я не знала, как мне сказать ей, что все будет хорошо. Она говорила только по-румынски, а я – только по-английски. В этот момент молодая женщина коснулась моей руки, и мое сердце начало таять. Она нежно вложила Аделу в мои объятия, и я приняла свою малышку, омытая волной любви. Она была такой теплой и нежной!.. Я накрыла головку Аделы ладонью, а Рада положила свою ладонь поверх моей.

Она облизнула сухие губы и вполголоса заговорила со мной:

– Вы сможете позаботиться о ней. Я не могу, я слишком молода, – сказала она.

– Мы будем защищать и любить ее всей душой. Пожалуйста, не беспокойтесь, – сказала я, хоть и знала, что она все равно будет беспокоиться.

Женщина тепло улыбнулась.

– Я не буду беспокоиться, потому что вижу по вашим глазам, как сильно вы ее любите. И знаю, вы подарите ей хороший дом.

Мои глаза наполнились слезами, которые неудержимо покатались по лицу.

– Вы вручили мне дар жизни и любви, шанс снова стать мамой. – Тут я всхлипнула, и она тоже не смогла сдержать слез. – Я так горжусь вами, ведь у вас хватило мужества и любви отпустить ее!

Она кивнула, словно соглашаясь с моими словами, и между нами

повисло недолгое молчание, пока мы любовались ребенком, которого вдвоем держали на руках.

– Знаете, она ведь очень на вас похожа, такая красавица. Само совершенство. У нее ваши волосы, – сказала я, глядя прямо в темно-карие глаза Рады.

Она вспыхнула, улыбнулась и перевела взгляд на Аделу.

– Вы так добры... – пробормотала она.

В этот момент мы обе смотрели на Аделу. Я положила ладонь ей на животик, и девочка улыбалась нам, словно знала, что это особый момент в нашей жизни. Рада снова накрыла мою руку своей.

– Она уже узнает вас, – начала она. – Она вам улыбается...

– Нет, – возразила я, – она улыбается *нам*.

Мы обе смотрели на нашу малышку, изучая каждую черту ее крохотного личика. Я знала, что Рада запечатлевает этот образ в своей памяти. Ей предстояло утешаться им долгие годы. Руки Рады постепенно соскальзывали, она молча отступала от нас. Я понимала, что это самые трудные шаги в ее жизни. Ее уход казался нереальным и врезался в мою память навсегда.

Драгос положил руку мне на плечо и заглянул в туго спеленатый сверток в моих объятиях.

– Кажется, вы меня разыграли, – сказал он весело.

Я взглянула на него и прочла эти слова по губам.

– Не понимаю...

– Зачем вы наняли меня переводчиком?

Он продолжил, не давая мне ответить:

– Я наблюдал за вами с Радой. Вы не читали по губам и говорили с ней на отличном румынском. Мне казалось, вы не знаете этого языка.

– Я его действительно не знаю.

– Тогда как же вы на нем говорили?

Никто не мог удивиться этому больше меня самой. Сердце затрепетало у меня в груди.

– Это было чудо.

Барбара Канале со слов Денизы Колтон-Д'Агостино

Большая посылка

Итак, не бойтесь: я буду питать вас и детей ваших.

Бытие, 50:21

Не думаю, что мы с мужем действительно понимали, во что ввязались. Конечно, мы знали, что будет непросто. Мы оба еще учились в колледже, недавно поженились, и наш первый ребенок только что родился. Жизнь была суматошной, денег хватало в обрез, но у нас было более чем достаточно любви, чтобы переносить трудности. Чего еще желать?

Жизнь вскоре дала нам понять, что любовь в тарелки не разложишь, да и детское питание от нее не появляется как по волшебству.

Я беспомощно смотрела на аккуратно выстроившиеся на полке аптеки упаковки с детской смесью. Там были десятки ее разновидностей. Известные бренды, неизвестные, специальные, без сои, без лактозы... Но у всех было нечто общее: они не вписывались в мою ценовую категорию.

Я в сотый раз за утро открыла бумажник – и мне захотелось плакать. У меня было два доллара двадцать три цента. На упаковку смеси не хватит.

Мой милый сыночек спал в покупательской тележке, и в этот момент меня охватила паника. Что делать, когда он проголодается, а мне нечего будет ему дать? Конечно, я могу попросить о помощи маму или свекровь, но они живут далеко и сегодня меня не выручат. Непредвиденный ремонт машины унес все деньги до последнего медяка. И теперь мой ребенок будет голодать.

Я купила вместо смеси четыре упаковки лапши и мрачно гадала, можно ли отнести ее к числу «рекомендованных продуктов для трехмесячного младенца».

Муж ждал в машине. Уложив в детское креслице ребенка, я плюхнулась на пассажирское сиденье.

– Что мы вообще о себе думаем?! – я подавила всхлип. – Нам еле хватает на квартиру, мы едва справляемся с учебой, а теперь не можем даже купить питание для нашего малыша! Мы его недостойны!

Муж взял мою руку и поцеловал; у него самого в глазах стояли слезы.

– Не теряй веры, Эм, – сказал он мне. – Мы знали, что это будет трудно. Я что-нибудь придумаю. Я не позволю нашему ребенку голодать –

и Бог этого не позволит.

Тут что-то во мне надломилось. Мой муж вечно ко всему приплетал «веру». Лично я никогда не возлагала надежд на такую абстрактную идею, и в этот момент она казалась мне почти до смешного абсурдной.

– Веры? – переспросила я едким тоном. – Ты думаешь, *вера* – прямо в эту минуту – покормит нашего младенца? Ты думаешь, *вера* – вот сейчас – волшебным образом наполнит наш холодильник? Если бы Бог действительно хотел помочь нам, Он не подарил бы нам прекрасного малыша, чтобы потом позволить ему голодать. До сих пор вера не особенно нам помогала, Райан. Так с чего бы вдруг ей помогать нам сейчас?

Райан молчал. Он не стал ни стыдить меня, ни читать мне нотации, ни даже высказывать свое неодобрение. Он просто снова поцеловал мою руку и завел машину.

– Ну а у меня все еще есть вера, – вот и все, что он сказал.

Дорога домой прошла в молчании. Я беспокоилась о предстоящей ночи. У меня хватало смеси для одной бутылочки, может быть, двух, если замешать пожиже. Утром я позвоню маме, проглотив свою гордость, и попрошу ее перевести денег на мой счет. Если бы только я могла купить одну банку смеси, чтобы продержаться до следующей зарплаты! И все же лучше дать пинка своему эго и попросить о помощи, чем позволить ребенку голодать, рассудила я.

Поток моих мыслей прервался, когда Райан притормозил на маленькой парковке возле почты.

– Зайди заberi письма, – попросил он. – Вчера забыл взять.

В нашем квартирном комплексе почту не разносили, так что приходилось каждый день останавливаться у почтового отделения и проверять свой ящик. Было дождливо и холодно, и я проклинала это неудобство, выскакивая из машины.

Я вставила ключ в наш почтовый ящик и с удивлением обнаружила в стопке писем еще один ключ. К нему была прикреплена записка:

«Вы получили посылку, которая слишком велика для вашего почтового ящика. Пожалуйста, воспользуйтесь этим ключом, чтобы забрать ее в боксе 4 °С».

И что это может быть? Мы никаких больших посылок не ждали.

Я нашла бокс номер 4 °С и повернула в замке ключ. Когда дверца распахнулась, мое сердце замерло. Я сразу же узнала символ на большой коробке с детской смесью, которую мы покупали для нашего сына. С восторгом ребенка в рождественское утро я разорвала упаковку и нашла внутри две полноразмерных упаковки детского питания с купоном еще на

две бесплатные пачки, который можно было отоварить в магазине.

Все еще в шоке, я выбежала на улицу к ожидавшемуся меня мужу, показала ему драгоценную посылку и залилась слезами облегчения. Осознание, что мой ребенок не будет голодать не только в этот день, но и до конца недели, было самым радостным ощущением в моей жизни.

– Не знаю, что и думать, – сказала я Райану. – Не могу поверить, что именно сегодня нам так повезло получить бесплатные образцы смеси.

– Ну что, теперь ты веришь? – с улыбкой поинтересовался Райан.

Тот день стал началом моих собственных отношений с Богом. Я узнала, что Он всегда на нашей стороне. Он никогда не дает нам пропасть. Нам просто нужно иметь немного веры.

Эмили Уивер

Второй шанс

Сохранить человека живым посреди стольких случайностей и враждебных обстоятельств – такое же великое чудо, как и сотворить его.

ДжерEMI Тейлор

Некоторым людям повезет, если в их жизни случится хотя бы одно чудо. Меня же судьба воистину благословила не одним, а двумя.

Я, уроженка Нью-Йорка, как и многие другие жители Большого Яблока, сделала своим приоритетом карьеру. Этот выбор может привести к восхитительной, но не всегда легкой, а порой холодной и бессердечной жизни. Переработка перед рождественскими дедлайнами стала для меня привычной. В моей сфере деятельности – модной индустрии – создавалась новая линия, и поскольку до весенней недели распродаж оставалось меньше месяца, я работала сверхурочно.

Однажды вечером я допоздна задержалась на работе. На улице валил снег. Я взяла с собой все необходимое, чтобы поработать дома, забросила в квартиру сумку и документы и выбежала в китайскую закусочную, чтобы купить себе супа на ужин.

Стоя на углу и дожидаясь, пока красный свет сменится зеленым, я предвкушала горячий суп и долгий рабочий вечер.

Когда неторопливый светофор наконец сменил цвет, машин было очень мало. Переходя улицу, я вдруг увидела несущиеся на меня огни и тут же поняла, что сейчас меня собьет машина.

Через мгновение я уже поднималась с земли.

Моим первым инстинктивным предположением было, что автомобиль успел остановиться, а я поскользнулась в снежно-водяной каше. Какое облегчение! Но тут до меня дошло, что на мне кое-чего не хватает. Не хватало очков. И туфель.

Прохожие со всех ног бежали ко мне.

– С вами все в порядке?

– Я вызову «скорую»!

– Да я просто поскользнулась, – уверяла я, поднимаясь на ноги. – А где мои туфли и очки?

Один свидетель показал на машину, припаркованную у тротуара.

– Она вас сбила, и вы упали на крышу автомобиля. Головой вы разбили ветровое стекло.

Я все еще не верила, что это со мной случилось. Должно быть, эти люди ошиблись. Прибыли полицейские и настояли, чтобы я поехала в больницу. Все это казалось мне каким-то абсурдом. Возможно, я была в шоке, но не чувствовала никакой боли; не было и кровотечений.

Кто-то нашел мои изуродованные туфли в квартале от места происшествия. Мои очки обнаружили на другой стороне улицы, их оправа завязалась в металлический крендель. И все же последствия этого события не укладывались у меня в голове. Мне нужно было купить еды, пойти домой и сесть работать.

Но «скорая» забрала меня в больницу. Раздевшись перед осмотром, я обнаружила несколько черно-синих синяков на ногах. Больше никаких травм. Меня щупали, вертели и просвечивали рентгеновскими лучами. Ходить я могла, у меня не было переломов и сотрясения мозга. Врачи переспрашивали:

– Вы уверены, что вас сбила машина?

– Свидетели и полиция говорят, что так и было, – отвечала я.

Выйдя из больницы, я подумала и решила, что, возможно, меня спасли от ужасной судьбы, чтобы дать мне второй шанс. Вероятно, это было предостережение, чтобы я научилась ценить подаренные мне драгоценные моменты. Я восприняла это переживание как поучительный жизненный урок и никогда не забывала о нем.

Моя жизнь продолжилась браком, а затем беременностью. Как и большинство супругов, мы с мужем были на седьмом небе от счастья. Я следила за весом и правильно питалась. Мне даже не хотелось никаких вредных продуктов. Зато я не могла досыта наесться свежим шпинатом.

Примерную дату родов назначили на 4 июня. Акушерка сказала, что я прекрасно вынашиваю беременность. В январе я прошла ультразвуковое исследование и с удовольствием смотрела, как наш малыш дрыгается, лягается и двигается во мне. Врачи сказали, что у нас будет мальчик.

3 февраля я ощутила легкое давление в животе и заметила кровь. Я ходила к врачу за пару дней до этого, и все было в порядке. Я сразу же позвонила ему, и он сказал, что это, скорее всего, нормальное явление, но на всякий случай я записалась на прием во второй половине дня.

Во время обследования врач обнаружил у меня истмико-цервикальную недостаточность. Мне нужно было срочно лечь в больницу! Ребенка предстояло родить на 17 недель раньше срока. Доктор печально сказал:

– Спасти вашего ребенка невозможно; ему просто слишком рано

рождаться.

Меня доставили в больницу и спешно отвезли в палату. Через пару минут приехал мой муж; он держал меня за руку, когда врач сообщил нам, что через четыре месяца мы можем снова попробовать завести ребенка.

После родов нашего малыша сразу забрали в бокс для новорожденных. Он был жив, хотя весил всего 670 г. С прозрачной кожицей, сквозь которую были видны внутренние органы, он мог бы поместиться на моей ладони. Бокс для новорожденных стал домом для нашего маленького сына до 4 июня – даты, когда он должен был родиться по первоначальным подсчетам. А потом мы забрали его домой.

Мы с мужем наблюдали его чудесное развитие каждый день в течение четырех месяцев. Он не просто выжил – он расцвел. Сегодня, 15 лет спустя, ему по-прежнему прекрасно удаются любые дела.

Полагаю, многие сказали бы, что его спасло чудо медицины. Но я думаю, что это Бог спас нас обоих. Он дал мне второй шанс. И я очень ценю подаренные мне драгоценные моменты.

Вероника Шайн

Еще пять минут...

Мать есть мать, самое святое из всех живущих ныне на Земле.

Сэмюэл Тейлор Кольридж

Я посмотрела на часы. Почти четыре – к этому времени я обещала уйти из больницы. Я практически жила в ней с тех пор, как туда доставили нашу малышку. Педиатр впервые услышал шумы в сердце Лизы, когда я привела ее на прием в связи с затяжной простудой.

– Вероятно, ничего серьезного, – уверил меня доктор, – но стоит проконсультироваться в детской больнице.

Через два дня мы с мужем и пятью нашими детьми отправились в Денвер на прием, назначенный Лизе. Мы планировали устроить из этой поездки настоящий праздник – походить по музеям и пообедать в ресторане. Вместо этого мы обедали в больничном кафетерии, ожидая результатов ЭКГ и рентгена грудной клетки. Когда врач позвал нас обратно в свой кабинет, мы узнали, что у Лизы нашли нарушение под названием «открытый артериальный проток».

– До рождения ребенка, – пояснил врач, – кровоток минует его легкие. Когда младенец начинает дышать, этот временный кровеносный сосуд должен закрыться. У Лизы он не закрылся, так что обогащенная кислородом кровь не поступает в ее тело. Ей нужна операция.

Я испугалась, но врач успокоил меня, заверив, что это довольно обычное отклонение.

Лизу положили в больницу, и ее операция была назначена на следующую неделю.

Когда наши друзья узнали о госпитализации Лизы, они повели себя замечательно. Они привозили нам еду и заботились о наших детях. Я каждый вечер уезжала домой, когда Лиза засыпала, а потом возвращалась в больницу в пять утра, чтобы быть там раньше, чем она проснется. Это расписание не лучшим образом сказывалось на других наших малышах. К тому же сегодня у моего мужа, баскетбольного тренера, была игра и он не мог забрать из школы детей перед ужином. Успокаиваемая медсестрами, я согласилась уехать пораньше.

Я снова бросила взгляд на часы. Если я не уеду сейчас, то попаду в

пятничную вечернюю пробку.

Я знала, что нужно ехать, но что-то заставляло меня медлить.

Еще пять минут ничего не решат.

В 16:05 я рассудила, что могу спеть Лизе еще пару песенок.

В 16:10 поправила шторы и полила цветы.

В 16:15 наклонилась, чтобы завести для Лизы музыкальную шкатулку. Дочка не очень хорошо выглядела. Губки слегка посинели, дыхание было поверхностным. В панике я нажала кнопку вызова. Подошла санитарка. Она похлопала меня по плечу:

– С вашей малышкой все в порядке. Просто поезжайте домой, позаботьтесь об остальных детях. А мы позаботимся о Лизе.

Я знала, что она ошибается, и бросилась к сестринскому посту.

– Пожалуйста, подойдите! – умоляла я. – С моей малышкой что-то не так.

Одна из сестер взглянула на меня.

– Не волнуйтесь, мы снимали ее жизненно важные показатели меньше часа назад. Все было хорошо. Кто-нибудь из следующей смены снова проверит ее, как только мы закончим отчет. Езжайте домой и не волнуйтесь.

К этому времени я уже была почти в истерике.

– Да помогите же кто-нибудь! – заорала я, мчась по коридорам.

Кабинет кардиолога был сразу за палатами пациентов. Секретарь врача вскочила, пытаясь остановить меня, но я ворвалась в комнату и схватила врача за руку.

– Идемте со мной немедленно, – всхлипывала я. – Никто меня не слушает, а мой ребенок умирает!

– Она неврастеничка, – шепнул врач секретарю, – но я провожу ее обратно.

Я не дала ему «проводить» меня – потащила за собой по коридору.

Один взгляд на безжизненно лежащую малышку – и врач развил бурную деятельность.

Палата мгновенно наполнилась медицинским персоналом. Из угла, куда меня задвинули, я в ужасе слушала обрывки их разговоров: «отказ сердца... немедленная операция... опасная ситуация... она бы наверняка умерла... чудо, что ее состояние обнаружили вовремя...»

Да, это было чудо. Но Бог часто творит чудеса с помощью материнской интуиции.

Эллен Яверник

Над бездной

За то, что он возлюбил Меня, избавлю его; защищу его, потому что он познал имя Мое.

Псалтирь, 91:13–15

Мой друг Стив жил на Восточном побережье, но регулярно приезжал в Миннесоту по делам. Во время одного такого визита он ужинал в греческом ресторане и заметил, что официантка с любопытством на него поглядывает. Он разговорился с ней и узнал, что она родом из маленького городка в Северной Греции.

– Так ведь именно там сейчас мой брат-близнец Том! – воскликнул Стив. – Он ученый из Фулбрайта, изучает православную греческую иконопись.

– Я знаю. Я узнала в вас вашего брата, как только вы вошли, – ответила девушка.

Она только что вернулась из родного города в Греции, где познакомилась с Томом в местном книжном магазине.

Стив верил, что совпадений в жизни не бывает, и спустя пару недель узнал причину своей «случайной» встречи с официанткой-гречанкой. Он уже был дома, на Восточном побережье, когда ему сообщили, что Том получил серьезную травму.

Том шел по полуосыпавшейся малохоженной тропе неподалеку от византийского монастыря на горе Афон. Это был праздник Успения Богородицы в греческой православной церкви. Вдруг тропа, образованная когда-то давно пересохшим водопадом, рассыпалась у него под ногами и он упал с высоты около 150 футов. От удара Том потерял сознание, а когда пришел в себя, увидел повсюду кровь. Из его левой руки торчали кости. Одна нога застряла в колючем кусте, а другая свисала с края утеса.

Как в тумане, он пытался определить, что уберегло его от дальнейшего падения, и осознал, что его голова лежит на покрытом багряной тканью плече женщины, которая обвила рукой его талию. Он узнал этот цвет благодаря своему знанию иконописи: Деву Марию изображали в багряном плаще. Том закрыл глаза. А когда снова открыл их, его окружал яркий белый свет, который через мгновение исчез.

Израненный, по-прежнему в смертельной опасности, Том не мог

пошевеливаться. Через какое-то время он начал отчаиваться. Велико было искушение броситься вниз с утеса и положить конец страданиям. Никто не нашел бы его в этом пустынном месте.

На это искушение со стальной решимостью ответил гулкий голос, раздавшийся внутри него: «Нет, не делай этого! Кто ты такой, чтобы решать свою судьбу?»

Этот голос разбудил в нем невероятный, неукротимый инстинкт выживания, и он нашел в себе силы выползти на скальный козырек прочь от обрыва.

Следующие несколько дней Том выживал, питаясь мхом и горсточкой нута и изюма, которые завалились в его кармане. Чтобы добыть воды, он сжимал влажную землю в пальцах, а потом вылизывал руки, утоляя острую жажду. Изюминки размокали в утренней росе и давали небольшое количество дополнительной жидкости. Он экономил силы, принимаясь кричать только тогда, когда слышал, как далеко внизу причаливало к берегу судно. В ночной тьме его воображение наполняли лица всех, кого он любил в своей жизни. Он представлял, как эти люди протягивают ему еду и питье; как он благодарит их за то, что они помогли ему выжить.

Наконец на третьей сутки крики Тома были услышаны. Греческие крестьяне, монахи и опытная команда спасателей пришли на помощь и доставили его в безопасное место.

Врачи диагностировали перелом ключицы и позвонка, частичный вывих плеча, кровоподтеки на ребрах и серьезную травму левой руки. Они сказали, что это чудо: хотя руку раздробило в 32 местах, ни инфекции, ни повреждения нервов, ни перерезанных артерий не было.

Когда Стив узнал о несчастье с братом, он испугался, что Том, возможно, получает недостаточно качественный медицинский уход в этом отдаленном уголке Греции. Он позвонил официантке, с которой недавно познакомился, и она направила его к замечательному местному доктору. Тот помог Стиву выходить брата и вернуть ему здоровье.

Хотя восстановление шло медленно, Том был уверен, что это чудо, что Богородица стала в тот день его первой спасительницей.

Но то чудо было не последним. Во время своего выздоровления Том наткнулся на забытую было серию из 22 своих картин, которые он рисовал за несколько месяцев до несчастного случая. Он дал им общее название «Из тьмы». На картинах было изображено постепенное падение человека с края чего-то на некую плоскость. По мере развития сцен силуэт из темного становился светлым. Когда Том создавал эти картины, его намерением было изобразить жизнь как «разминку перед матчем», промежуточный шаг к

конечному результату, который есть смерть, а после нее – вечная жизнь. Просматривая свои картины, он был поражен их невероятным сходством с тем, что с ним произошло. Наверное, Бог пытался привлечь его внимание, а он не прислушивался. Создавая картины, Том пребывал в духовной бездне, в депрессии и отчуждении от Бога.

В период выздоровления он пережил взрывной личностный и духовный рост. Полный веры, надежды и милосердия, он отождествлял себя со всеми страдальцами этого мира. Теперь Том знает, что никогда не бывает один. Бог всегда с ним.

Том не считает случившееся с ним «плохим» событием. Теперь он уверен, что все происходит по определенной причине. Как он говорит, «нам нужно просто быть готовыми слушать и действовать в соответствии с получаемыми сообщениями».

Мэри Трейси О'Киф

Глава 6

Услышанные молитвы

*К Тебе взываю я, ибо Ты услышишь меня, Боже;
приклони ухо Твое ко мне, услышь слова мои.*

Псалтирь, 16:5–7

Что случилось на Гудзоне

Оглядываясь назад, я думаю, что в тот день действительно случилось нечто замечательное.

Капитан Чесли «Салли» Салленбергер^[6]

Это случилось утром в четверг 15 января 2009 г. Я находился в Нью-Йорке, куда регулярно езжу по работе. Было около половины одиннадцатого, и шел сильный снег. Я интересовался прогнозом погоды, поскольку в семь вечера мне предстояло лететь домой, в Шарлотт, штат Северная Каролина, и мне не хотелось застрять в аэропорту. Веб-сайт *Weather Channel* обещал, что снегопад скоро закончится и нас ждет прекрасный день.

Я приехал на встречу со своим начальником около 11 утра, а снег все продолжал сыпаться.

– Почему вы до сих пор здесь? – спросил начальник. – Смотрите, застрянете и домой не попадете.

Подумав, я поменял билет на рейс в 14:45. Место 16E.

Садясь в самолет, я рассылал SMS и разговаривал по телефону, пока не закрыли дверь кабины пилотов.

Резкий набор высоты вжал меня в спинку сиденья. Я развернул недочитанную утром газету «Уолл-стрит Джорнел».

Раздался глухой удар, который я ощутил всем телом. Самолет содрогнулся.

«Что бы это могло быть?» – недоуменно подумал я.

Самолет дал крутой крен на левый борт. Все происходило очень быстро! Мне показалось, что воздушное судно потеряло управление и все кончено. Но пилот, который представился как капитан Чесли Салленбергер, похоже, стабилизировал машину.

Паники не было. После первого общего «ах» стало очень тихо.

Кто-то проговорил:

– Должно быть, мы с чем-то столкнулись. Я видел тени.

Через некоторое время раздался возглас:

– Левый двигатель горит!

В тот момент меня еще не охватила настоящая тревога. Насколько я понимал, у нас было два двигателя и при необходимости мы могли лететь

на одном.

Но время шло, и я осознал, что в самолете слишком тихо. Не было слышно ничего, кроме свиста ветра. И тогда до меня дошло: у нас нет тяги. Мы планировали, а высота была не такой уж большой. Вот тогда-то я весь напрягся и схватился за голову, ощущая холодный ползучий страх, незнакомый мне прежде.

Я горячо взмолился, повторяя: «Пожалуйста, Боже, помоги нам! Пожалуйста, Боже, прости меня!» Это не была какая-то конкретная молитва – просто множество мыслей, которые проносились в моей голове.

И все же надежда оставалась. Если бы пилоты сумели завести хотя бы один двигатель! Нам нужно было совсем немного тяги, чтобы вернуться в Ла-Гуардию. Мы провели в воздухе всего ничего, около трех минут; наверняка мы сможем развернуться и благополучно приземлиться...

Эта надежда растаяла, когда я обнаружил, что мы все больше снижаемся, следуя вдоль реки. В ужасе я осознал, как велика вероятность погибнуть в этом самолете. Некуда и не к кому было обратиться, кроме как к Богу.

Я молился со всем жаром. Никогда еще я не чувствовал себя ближе к Нему. Я даже не пытался торговаться: мол, если Ты нас спасешь, то я... Вместо этого я молился за свою семью, детей, жену.

Вдруг из динамиков раздался голос:

– Говорит капитан. Приготовиться к жесткой посадке.

Я не услышал в этих словах ничего, кроме боли и смерти. Холодная реальность накрыла меня, и я ничего не мог с этим поделать. Я сидел, пристегнутый к креслу, абсолютно бессильный.

Посреди этой крайней безнадежности я, хоть это покажется безумием, с нетерпением ждал будущего. Какой она будет, смерть? Просто крошечной тьмой? И каково это – предстать перед Богом? Я верю, что Бог дает нам всем надежду даже в самые трагические моменты. Какое счастье – иметь надежду на грядущее избавление!

Я достал телефон. Я хотел послать сообщение детям, чтобы у них осталось нечто, с чем они смогут идти по жизни, некое прощальное письмо. Одновременно я смотрел в иллюминатор и видел, как стремительно приближается вода. Я опустил телефон, закрыл глаза и взмолился: «Боже, пожалуйста, позволь мне снова увидеть моих детей!», а потом: «Боже, это будет так больно!»

Я был в ужасе не столько перед смертью и тем, что грядет после нее, сколько от предчувствия боли.

Мы резко коснулись воды. Телефон подскочил и ударил меня в

переносицу, едва не послав в нокаут.

А потом мы остановились.

И я сразу понял, что все в полном порядке.

Удар вышел не слишком сильным. Я понимал, что самолет не поврежден, его корпус не пробит. Да и сильных ранений, похоже, ни у кого не было.

Я выбрался в проход, когда открылись аварийные выходы. Моим глазам предстал прекрасный, ясный, полный голубизны день, минус семь градусов по Цельсию, и солнце, струящее яркий свет. Более изумительного чувства я не испытывал ни разу в жизни.

Я вышел было на крыло, но вернулся, чтобы взять спасательный жилет. Никто не объявлял, что мы совершим посадку на воду и нужно не забыть спасательные жилеты под подушками сидений. К этому моменту все подушки в рядах у выхода были уже выпотрошены, и я не нашел ни одного жилета.

Я ничего не сделал как положено. Я сделал все неправильно, но все же спасся. Если бы я вышел на крыло и оно погрузилось бы в воду, а паромы не подоспели бы на помощь, переохлаждение погубило бы меня в считанные минуты.

Решив: будь что будет, я вышел на крыло без жилета. Я уже видел приближающийся паром, и он казался мне сбывшейся мечтой. Много всего пошло не так! Но многое другое складывалось именно так, как надо. Удивительный поворот событий!

После того дня я получил не меньше десятка электронных писем с изображением самолета, который нес в руках Бог, и заголовком «Что на самом деле произошло на реке Гудзон». Я искренне верю, что так и было.

В тот день я приблизился к Богу. Вероятно, это единственный раз, когда я искренне, целиком и полностью был с Ним один.

Уоррен Холланд

Моя новая мебель

Приклони, Господи, ухо Твое и услышь меня, ибо я беден и нищ.

Псалтирь, 86:1

Это был болезненно длинный год, и после развода у меня оказалось вдвое меньше собственности, чем год назад. Я сосредоточилась на том, что у меня осталось: дети, работа, вера и избавление от выматывающих отношений. Это самое важное, уговаривала я себя. Я знала, что моя вера и бережливость помогут как-то решить вопрос с мебелью для столовой и диваном. Когда приходится сидеть с детьми на голом дощатом полу, волей-неволей начинаешь искать ближайший мебельный супермаркет.

Но о покупке новой мебели не было и речи. Моя зарплата едва позволяла оплачивать все счета. Однажды в субботу, после месяца кропотливого откладывания денег, у меня все же появились лишние 100 долларов. С чековой книжкой в руках и верой в сердце я отправилась в путь по ближним гаражным распродажам и дальним благотворительным магазинам.

«Господи, мне сегодня нужно чудо, – молилась я по дороге. – Но если это неподходящий день для чуда, я пойму».

Спустя четыре часа, объехав несчетное число благотворительных магазинов и частных распродаж, я по-прежнему не нашла ни мебели для столовой, ни дивана. С горя я решила присмотреть на будущее ковер под «чудесную» мебель для столовой, которую я когда-нибудь обязательно куплю. Подходя к магазину товаров для дома, я напоминала себе, что собираюсь «только посмотреть». Ага, конечно!

Любезный молодой человек, сотрудник магазина, помог погрузить мою покупку в машину. Я поехала домой, радуясь, что этот недорогой ковер точно соответствует цветовой схеме моей будущей – в очень скором будущем! – столовой.

За рулем я снова молилась: «Знаешь, Господи, мне по-прежнему нужны стол, и стулья, и диван. Как было бы здорово вечером посидеть за столом с детьми!»

Но пришлось смириться с фактом, что на сегодняшний день чудеса не запланированы. Мои мысли блуждала где-то далеко, пока я ехала знакомым

маршрутом мимо коровьих пастбищ и конских ферм. Я миновала ряд сосен, выстроившихся вдоль дороги. И вдруг... Прямо под ними примостились обеденный стол и четыре стула, а на столе стояла табличка: «Бесплатно!»

Я развернула машину и съехала на обочину, чтобы лучше рассмотреть свою новую мебель. Она оказалась в прекрасном состоянии. Столешницу нужно было ошкурить и заново покрасить, но это была пустяковая работа. Одну за другой я открутила ножки стола и ухитрилась втиснуть его по частям в свою маленькую «японку» – подвиг, на который способна только решительная мать, у которой нет никакой мебели. Несколько машин притормаживали, и водители разглядывали мою находку.

– Да, я ее забираю, – отвечала я на их вопросы.

Оставив на месте три из четырех стульев, я взяла табличку со словом «бесплатно» и сунула ее в багажник, чтобы никто не подумал, что эти стулья можно забрать. Я собиралась вернуться и взять оставшиеся стулья, как только выгрузю ковер, столешницу и ножки.

Все это я проделала со скоростью света, вернулась через пятнадцать минут и потрясенно обнаружила, что стулья исчезли. Должно быть, кто-то из проезжавших решил, что они мне не нужны.

Разочарованная, я села в машину и направилась домой тем же маршрутом, которым ехала четверть часа назад. Через пару километров, на обочине дороги, с прикрепленной к нему табличкой «бесплатно», возник прекрасный диван с обивкой, которая идеально подходила к цветовой гамме моей гостиной!

– Да его же пять минут назад здесь не было! – крикнула я неизвестно кому.

Я постучалась в дверь дома, из которого, как я подозревала, вынесли диван, и мне открыл пожилой мужчина. Я объяснила свою бедственную ситуацию. Он с улыбкой пообещал мне сохранить диван, пока я договорюсь о грузовом транспорте.

На следующий день я загрузила диван во взятый напрокат грузовик и привезла домой. Еще пара недель настойчивых поисков – и я нашла три стула, все разные, но подходящие к моему интерьеру в стиле «потертый шик».

Теперь каждый раз, накрывая на стол или заводя беседу во время посиделок на диване, я думаю о тех моментах, когда Бог вмешивался как нельзя вовремя и удовлетворял мои нужды. Как я объясняю детям, Бог действительно отвечает на молитвы. Все, что нам нужно делать, – это просить.

Элиза Ягер

Живое свидетельство

Он уповал на Господа; пусть избавит его, пусть спасет, если он угоден Ему.

Псалтирь, 22:8

Меня зовут Дуг. Я лыжник-патрульный на крупном калифорнийском курорте. Однажды в снежный день я выполнял «проверку горы», выясняя, нет ли каких проблем.

Я шел на лыжах по территории, закрытой для посетителей, поскольку в это время работали снеговые пушки. И вдруг мои лыжи въехали в липкую гору рыхлого мокрого снега. Они примерзли мгновенно и намертво. Я вылетел из креплений и ударился о землю. Внутри меня словно раздался взрыв – как сотрясение мозга, но не только в голове, а во всем теле. Я покатился вниз с горы, пока не остановился, распростертый на снегу, лицом к склону.

Я не мог не только встать, но и вообще пошевелиться. Я не чувствовал ни рук, ни ног, ни груди – ничего. Было невозможно дышать. Благодаря своей подготовке я понял, в чем дело: повреждение спинного мозга парализовало дыхательную систему. Не в состоянии нажать на кнопку своей рации, я лежал и чувствовал, как жизнь вытекает из меня, словно воздух из продырявленного воздушного шара. Я понимал, что умираю.

Я бросил взгляд на склон в поисках помощи и увидел, что на горе стоит мой отец. Папа умер за семь лет до этого происшествия.

Он совершенно не был похож на призрак. В своих старых коричневых брюках и желтой ветровке, он словно вышел прогуляться. Я догадался, что папа оказался там, чтобы перевести меня на другую сторону.

Не имея возможности вдохнуть, я прошептал одними губами:

– Что мне делать?

Папа ответил:

– Просто дыши.

Я опустил глаза. Моя грудь начала вздыматься и опускаться. Морозный воздух ворвался в мои легкие; изо рта вылетал теплый парок дыхания. Я посмотрел вверх, чтобы сказать «спасибо», но папа исчез.

Через считанные минуты прибыла команда моих коллег-патрульных – шестеро парней, которых я отлично знал: Рик, Джош, Скотт, Эдди, Чак и

Алекс. Крутейшие патрульные, лучшие из лучших! Все они были верующими христианами, причем воцерковленными. Эдди вообще был церковнослужителем.

Они действовали согласно обычному плану: шейный воротник, кислород, спиномержатель... Я находился в хороших руках. Тучи наверху разошлись. Сноп яркого солнечного света накрыл нас. В этот момент парни отклонились от инструкций. Они возложили на меня руки и стали молиться о моем исцелении, о том, чтобы это исцеление стало знаком Божьей любви, сострадания и воли, и я остался живым тому свидетельством.

Пока они молились, все мои страхи исчезли. Я чувствовал, что всего лишь играю роль в действии, гораздо более важном, чем я сам. Что бы это ни было, я был готов это принять.

Помолившись, они стали закреплять мои руки, складывая их на груди. Когда правая ладонь коснулась груди, я сказал:

– Я ее чувствую, – и повторил эти слова, когда на грудь легла левая рука. Это ощущение было далеким и слабым, но реальным. Я ощутил острый приток благодарности, касание божественной благодати. Я понимал, что совершается чудо.

С медицинской точки зрения я был в ужасном состоянии: множественные контузии спинного мозга в шейном отделе, центральный паралич и неполный паралич всех четырех конечностей. Но мое выздоровление происходило с необыкновенной скоростью, поражавшей даже врачей. Вскоре я уже мог самостоятельно передвигаться на коляске, рассказывая свою историю другим пациентам. Она вызывала у людей по-настоящему живой отклик и вдохновляла их собственную веру.

Однажды меня пришла навестить давняя подруга Вики. Ее муж Майкл пять лет назад умер от меланомы. Мы сидели в больничном парке под огромным баньяном, и я рассказывал ей, как мои товарищи молились надо мной и спасли меня. Я закончил такими словами:

– Я знаю, что в этом мире есть ангелы, и некоторые из них одеты в красные куртки и белые кроссовки.

А потом кое-что произошло. Я посмотрел на Вики и сказал:

– И есть еще один ангел. Это Майкл. Он здесь.

В эти несколько минут у меня было четкое ощущение, что Майкл говорит через меня со своей женой. Конкретные слова не имели значения. Важно то, что в них звучала прекрасная любовь, прощение, прощание. Они еще один, последний раз говорили: *я тебя люблю*.

На следующий день я снова был в парке, и Майкл пришел навестить меня – точь-в-точь как папа. Он попросил меня передать кое-что его жене,

слово в слово. Для меня эти слова не имели смысла, но я понимал, что они будут что-то значить для нее.

Я не стал сразу звонить Вики. Мне не хотелось наваливать на нее сразу слишком много – к тому же я все-таки немного опасался, что спятил. Я держал это в себе весь день, но вечером все же позвонил.

– Вики, – сказал я, – ко мне приходил Майкл. Он хочет, чтобы ты перечитала то письмо, которое он написал тебе, когда вы впервые узнали, что его болезнь неизлечима, – то, которое ты хранишь в коробке под кроватью.

Вики просто онемела. Потом подтвердила, что действительно в коробке под кроватью она хранит это письмо. Она призналась:

– Я не могла видеть это письмо все эти годы, но после того что случилось вчера в парке, почувствовала, что должна перечитать его.

На этом поток чудес после моего несчастного случая не иссяк!

В отделении травмы позвоночника лежала очень старая женщина по имени Мэйси. Она не могла ходить, не спала по ночам и мучилась пролежнями. Врачи планировали перевести ее в хоспис, где она бы и умерла.

Однажды я приехал на коляске к ней в палату. Она была вне себя от радости, что кто-то готов поговорить с ней. Я рассказал ей свою историю, она в ответ поделилась своей. Мы стали друзьями.

На следующий день я снова был в парке. Я воздел руки к небесам и спросил:

– Если компания парней смогла возложить на меня руки и передать целительную энергию, почему я не могу сделать это для кого-то другого?

Непонятно откуда взявшийся голос отозвался:

– А почему ты думаешь, что не можешь?

– О... – выдохнул я и развернул коляску. Я прикатил обратно в отделение и схватил за руку свою подругу Пэт, чудесную женщину весом 150 кг, христианку, которая раскатывала по больнице на маленьком электрическом скутере. Мы с ней подружились после того, как она услышала мою историю.

– Пэт, идем со мной, – попросил я. – Мне нужен свидетель.

Мы вдвоем вкатились в палату Мэйси и остановились у ее койки.

– Мэйси, – сказал я, – я был в парке, и Бог сказал, что позволит мне исцелять людей наложением рук.

Никогда не забуду полный любви и благодарности взгляд ее старческих глаз, когда она посмотрела на меня и сказала:

– О, будь так добр, наложи на меня руки, ладно?

Я наложил на нее руки и стал молиться – так же, как парни на горе молились за меня. Пэт тоже молилась красноречиво и страстно. Около получаса, не меньше, в палате струилась мощная, полная любви энергия. Когда все закончилось, я был опустошен; воодушевлен, но обессилен. Я приехал в свою палату, упал на койку и всю ночь проспал как убитый.

На следующее утро я выкатился в холл. Пэт только что выехала из кабинета терапии, и мы с ней стали кататься вместе, разговаривая о вчерашнем вечере. И вдруг раздался тихий тонкий голос.

– Вот он! – воскликнула женщина.

Мы с Пэт обернулись.

К нам направлялась Мэйси, она шла – сама – по коридору рядом с ошарашенным терапевтом.

– Вот он! – радостно восклицала Мэйси. – Сила Христа сошла через Дуга, и сегодня я снова могу ходить!

Я-то знал, что Мэйси исцелила ее собственная вера. Я был лишь призван облегчить ей задачу.

Мы с Мэйси оба выздоравливали, и в тот день, когда я выписывался, Мэйси тоже покидала больницу – чтобы отправиться домой.

Мое выздоровление было ошеломительным. Через два с половиной года после травмы я участвовал в лос-анджелесских соревнованиях по триатлону на олимпийской дистанции. Теперь я регулярно выступаю в триатлонах и соревнованиях на выносливость, используя их как возможность отпраздновать свое спасение и поддерживать благотворительные мероприятия.

Мои товарищи в тот день на горе наложили на меня руки и молились за меня, чтобы мое исцеление было знаком Божьей любви, сострадания и воли.

И я вечно буду тому живым свидетельством.

Дуг Хейес-младший

Топливо веры

Мы имеем дерзновение к Богу и чего ни попросим получим от Него, потому что соблюдаем заповеди Его и делаем благоугодное пред Ним.

1 Иоанна, 3:21–22

Вечерний воздух обдувал мое юное личико. Наша машина ползла по длинной асфальтовой дороге. Была среда – такая же, как и многие другие до нее. Моя мама, трое братьев, две сестры и, разумеется, я возвращались домой из церкви после собрания молодых христиан. Хотя я была еще мала для молодежных собраний, моя мама работала в этой программе, и я всегда с нетерпением ждала возможности понаблюдать с задних рядов, как возвышается дух и разносится смех.

Главной причиной, по которой я так ждала церковных собраний по средам, был не пламень моей веры, а возможность отвлечься от домашних проблем.

В те долгие трудные годы наша семья из восьми человек едва сводила концы с концами. Моему отцу трудно было удержаться на одном рабочем месте, а мама получала минимальную зарплату за изматывающий труд. Часто мы не знали, где взять продукты для следующей семейной трапезы, но каким-то образом ухитрялись выживать, а по средам и воскресеньям непременно бывали в церкви.

В тот раз все мы проделали длинный путь от нашего деревянного каркасного дома в уединенном сельском уголке до цивилизации – церкви. Мама знала, что у нее мало бензина и еще меньше денег, но ее решимость пересилила доводы логики.

И вот на темной пустой дороге где-то между цивилизацией и домом наш «Форд-Универсал» 1980 года заглох и остановился.

Мы просидели в машине несколько минут, которые показались нам вечностью, пока мать лихорадочно пыталась заново запустить двигатель. Я чувствовала ее нервозность, ощущала, как в машину вползает страх. Мы сидели – задолго до эпохи сотовых телефонов – совершенно одни. Можно вообразить, какие мысли роились у нее в голове. Папа был в отъезде. Никто даже не догадался бы, что мы попали в беду. Мы могли проторчать там всю ночь. Наконец мама обернулась и посмотрела на заднее сиденье, где сидели

тесным рядом все шестеро ее детей.

– Дети, – проговорила она тихо, но решительно, – нам нужно помолиться.

Никто не стал задавать вопросов. Мы были семьей, которая всегда полагалась на молитву. Но в тот напряженный момент мы понимали, что эта молитва будет отличаться от тех, которые мы произносили по вечерам, опускаясь на колени у своих постелей. Словно каждый из нас принял на свои плечи ответственность за безопасность семьи. И я, совсем ребенок, сидя в машине со сжатыми ладонями и мокрыми от слез щеками, молилась так усердно, как никогда в жизни.

Мы молились вслух, уверенные, что Кто-то наверху знает о нас. Не могу припомнить, сколько это продолжалось, зато сразу вспоминается чувство покоя, укрывшее нас, точно теплое одеяло. Мы закончили молиться, подняли склоненные головы и переглянулись.

Мама нежно и ободряюще улыбнулась и протянула руку к ключу зажигания. Она слегка повернула ключ, чтобы загорелись габариты. Наши глаза впились в стрелку, которая застыла ниже буквы *E*. Полные надежды, мы пристально смотрели на нее, ожидая, пока мама попробует завести машину. Но еще до того как она это сделала, начала двигаться вверх. Медленно, прямо на наших изумленных и перепуганных глазах, она поднялась над буквой *E*.

Мама бросила на нас взгляд, в котором изумление вскоре сменилось благодарностью и радостью. Она быстро завела машину и благополучно проделала весь путь до нашей подъездной дорожки.

Мы не говорили об этом случае ни на пути домой, ни на следующий день. Да и зачем? На следующее утро, когда мама заливала бензин в машину, я наблюдала за ней, зная, что накануне вечером с нами произошло нечто чудесное, чего никто из нас не мог отрицать. Надежда, которая была прежде юной и робкой, навеки поселилась в моем сердце. С этого момента и впредь я накрепко усвоила, что чудеса могут случаться и что мою жизнь всегда будет питать топливо веры.

Кортни Раск

Варежка

Но Иисус, подзвав их, сказал: пустите детей приходить ко Мне и не возбраняйте им, ибо таковых есть Царствие Божие.

Евангелие от Луки, 18:16

Стоял один из тех мрачных дождливых февральских дней, которыми так славится орегонский город Портленд, и мое настроение было таким же беспросветным, как погода. Кому-то дождь нравится, но не мне. В тот день я уже промокла насквозь, пока отвозила свою трехлетнюю дочку Саммер в христианский детский сад. Меньше всего мне хотелось снова выходить под дождь. Но было уже два часа дня, а дочку нужно было забрать до половины третьего.

Проторчав в ужасных пробках, я затормозила на парковке возле садика без четверти три. Я знала, что воспитательница Саммер будет недовольна.

Я припарковала машину, плотно запахнула и застегнула куртку и потянулась за зонтом, которого не оказалось под передним сиденьем, где ему следовало быть. Кто-то (конечно, это была не я) оставил его в то утро в гараже. Я пробормотала пару слов, от которых наверняка поморщился бы мой ангел-хранитель, и поспешила к зданию через озеро, покрывшее весь двор.

Когда я вошла внутрь, воспитательница Дженнифер подняла бровь, явно недовольная моим опозданием, и махнула рукой вдоль по коридору. Саммер склонилась над столом, заканчивая рисунок.

– Пливет, мамочка! – чирикнула она.

– Привет, золотко, – отозвалась я. – Мы опаздываем. Воспитательница Дженнифер хочет домой.

Дочь показала мне свое произведение.

– Смотри! Я нарисовала его для тебя!

Я взяла лист бумаги и торопливо прищурилась.

– Ага... Хорошо, – кивнула я и протянула дочери ее курточку. Она сердито сложила руки на груди.

Саммер не собиралась никуда идти, пока я не извинюсь. И извиниться следовало убедительно.

– Это замечательно! – принялась я восторгаться. – Лучшее из всего,

что ты делала!

Она наконец кивнула и послушно протянула руки за курточкой. Дождь на улице уже превратился в ледяную, почти горизонтальную пелену. Когда мы добрались до машины, нас обеих можно было выжимать.

– Доздик, – заметила Саммер со своего сиденья за моей спиной.

– И нешуточный, – согласилась я, промокая волосы пачкой бумажных салфеток, прежде чем завести машину.

Я как раз выруливала с парковки, когда Саммер завопила:

– Подожди! Надо велнуться!

Я ударила по тормозам и обернулась к ней.

– О чем ты говоришь? Вернуться? Зачем?

– Моя влезка с медведиками! – воскликнула она, размахивая у меня перед носом одинокой правой варежкой «с медведиками». – У меня влезка потелялась. Навелно, я оставила ее в садике!

– О, ради всего святого... Погоди минутку, – пробормотала я, подруливая к тротуару. Остановившись, я перегнулась через сиденье и отстегнула ее ремень безопасности. – Посмотри в кармашках.

– Я смотлела! – с подвыванием возразила Саммер. – Ее там нет! – и она вывернула оба кармана наизнанку, чтобы продемонстрировать мне отсутствие варежки.

– Привстань, – вздохнула я. – Может быть, ты на ней сидишь.

Она послушно приподнялась. Никаких варежек. Мы проверили все вокруг, заглянули под сиденья и на коврики под ногами. Ничего.

– Видис! – вскричала Саммер. – Мы должны велнуться!

– Нет! Может быть, она осталась снаружи, рядом с тротуаром.

Я открыла дверцу и высунулась наружу. Ниагарский водопад с шумом обрушился на то, что осталось от моей прически. Никакой варежки.

– Ну все! – произнесла я тоном, не допускающим возражений. – У тебя дома три пары варежек! А теперь полезай обратно в кресло, чтобы я могла тебя пристегнуть.

– Я хочу мою лучшую варезку с медведиками!

– Ну а я хочу неделю отпуска на Ямайке.

Размышления об этом заставили ее на пару минут умолкнуть, а я смогла направить машину к дому.

Но спустя эту пару минут я услышала:

– Мне нужна моя влезка!

Глядя на расстроенное личико Саммер, отражавшееся в зеркальце заднего вида, я сказала:

– Ты дала это понять предельно ясно. А теперь забудь об этом.

Пожалуйста.

Сощуриив глаза, она пробормотала себе под нос что-то сердитое.

– Что ты сказала?

– Я говолю, – пробурчала она, надувшись, – я тогда поплосу Иисуса.

Иисус достанет мне мою влезку.

Закатив глаза, я ответила:

– Иисус НЕ будет доставать тебе варежку. Он занят более важными вещами.

– Нет, достанет, – твердо возразила она.

Приехав наконец домой и поставив машину в гараж, мы вошли в дом. Я сказала Саммер:

– Мне нужно еще много чего сделать, пока будет готов ужин. Пойди поиграй в своей комнате, дорогая.

Я развесила в прачечной наши куртки и пошла в кухню, чтобы перемыть тарелки, стоявшие в раковине. И тут вспомнила, что надо принести почту – она осталась снаружи, под дождем! Застонав, я снова натянула мокрую куртку и, раздраженно топая, пошла по коридору к входной двери. Саммер от меня не отставала.

Приоткрыв дверь, я с надеждой взгляделась в пелену дождя, ища хоть один клочок голубого неба. В отдалении грянул гром.

– Ой, да заткнись ты уже! – пробормотала я и приготовилась к спринту до почтового ящика.

Не успела я сделать и шага, как Саммер взвизгнула.

– Ну что еще? – простонала я, разворачиваясь к ней.

– Я зе тебе говорила!

– «Говорила» – что?

Она, улыбаясь, указала наружу.

Я повернулась и, проследив взглядом за ее указательным пальчиком, посмотрела на порог.

Там, на коврике, лежала варежка с мишками. *Левая* варежка с мишками.

Я недоверчиво моргнула. Мой разум силился осмыслить то, что я видела.

Что? Как? Здравый смысл пытался найти резоны: должно быть, дочка уронила ее, когда мы выходили утром из дома... Но нет, мы же шли через гараж. Мало того, мы не пользовались главным входом больше недели.

Пораженная, я повернулась и уставилась на сияющее личико Саммер.

– Я говорила тебе, что Иисус мне ее достанет! – лучилась она улыбкой.

Подхватив дочь на руки, я прошептала:

– Да, ты говорила, милая. Ты действительно говорила.

Крепко обнимая ее, я была вне себя от благоговения перед нашим Богом, который сотворил такое чудо для малышки просто потому, что она оказалась крепка в своей вере.

Саммер отстранилась от меня и сказала:

– Спасибо, Иисус! – подобрала варежку и ускакала в свою комнату.

Я подняла глаза к небесам и прошептала:

– Аминь, Господи.

Тина Вагнер-Маттерн

Бегство из ада

*Когда я взываю, услышь меня, Боже правды моей!
В тесноте Ты давал мне простор. Помилуй меня и
услышь молитву мою.*

Псалтирь, 4:1

– Машина 18, выезжайте по адресу: 1637, Восточная Шестнадцатая авеню. Сообщение о пожаре. Конец связи, 1935.

Кэпа нет. За главного Брэд. Мы с ним ветераны: одиннадцать лет опыта. И Грег на подхвате.

Ехать недалеко. Если там действительно «рабочий» пожар, нам придется справляться самим. Подкрепление неизвестно когда прибудет...

Прибыв на место, я увидел бурый дым над крышей старого двухэтажного дома. Похоже, очаг возгорания был в спальне. Жители заверили нас, что в доме никого нет. Пока Брэд докладывал по рации ситуацию, Грег готовился сражаться с первым в его жизни настоящим пожаром.

Я вошел в дом и поднялся по лестнице, остановившись перед площадкой. Бросил взгляд вдоль коридора: две открытые двери справа и одна закрытая в конце. Дым стелился по полу примерно на треть пути. Я сделал мысленный снимок окружающего пространства.

Брэд, оставшийся у входной двери, был готов войти. Грег все еще нервно прилаживал амуницию. Я увидел в нем себя. Я знал, что когда-нибудь он будет рассказывать об этом дне. В отсутствие Кэпа для обычной подготовки не было времени. Нам нужно было локализовать пожар и сбить пламя. Я взял страховочный шнур, который должен был вывести нас наружу.

– Надевай маску и пошли.

Дым теперь темнел и сгущался всего в футах от пола. Видимость ухудшалась, жар нарастал по мере того, как мы продвигались вперед. На двери в конце коридора не было ручки – что-то таилось за ней... вот-вот прыгнет. Я снял перчатку и прикоснулся к двери. Она была горячей – и очень. Мы слышали, как пожар пожирает дом вокруг нас.

Брэд прокричал:

– Приготовься, сейчас я ее вышибу!

Припав на колено, с Грегом «на буксире», я завопил в ответ:

– Готов, делай!

Сильный пинок приоткрыл дверь. Из нее метнулись яростные языки пламени. Еще один удар – и она распахнулась настежь.

Я наклонился вперед и открыл кран брандспойта на полную мощность. Масса воды должна была подавить пламя, но оно продолжало бушевать, ревя у меня над головой. «Держись и сражайся с этим чудовищем», – сказал я себе. Я сунул голову в пасть дракону, и он уже был готов откусить ее, когда воля к жизни властно овладела мной и я бросился назад.

– Нужно уходить. Выбирайтесь! Выбирайтесь наружу! – командовал я.

Я нащупал брандспойт в дверном проеме. Уши ощущали зной даже сквозь наушники и капюшон, от пронзительного жара перехватывало дыхание. Прыгнув назад, я столкнул Грегга, и он покатился по лестнице, как бильярдный шар в боковую лузу.

Отпрянув от пламени и пройдя по коридору футов десять, я очутился в крошечной тьме. В этот момент я услышал отчаянный вопль: «Нет, нет, нет!» То ли кто-то из товарищей призывал меня вернуться, потому что брандспойт все же сделал свою работу, то ли один из них попал в беду. Я развернулся и через несколько шагов снова оказался в слепящем огне.

А потом здание сотряс взрыв.

На долю секунды все стало ослепительно белым, затем снова содрогнулось в мощном взрыве. Оранжевое и черное взвихрились вокруг, точно торнадо. Удар лишил меня сил и стер из памяти картинку внутреннего устройства дома. Я инстинктивно понимал, что должен использовать всю энергию, чтобы выбраться из внутренних помещений этого монстра.

Один шаг – и я врезался в стену. Оказывается, взрыв развернул меня вбок.

Поспешная – и чрезмерная – корректировка толкнула меня головой в противоположную стену.

Каска норовила свалиться и уже плавилась, а ее ремешки перегорели. Пытаясь подхватить ее, я свалился на пол. Я понимал, что мне осталось жить считанные секунды, если я останусь здесь. «Где же выход?» – думал я. Напрашивался ответ: «Ты не выберешься. С тем же успехом можешь просто снять маску, чтобы не мучиться».

Я пытался дать отпор этому внутреннему врагу, но сумел проползти меньше метра и сдался.

Прижатый к правой боковой стене, я видел перед собой лишь

неистовый черно-оранжевый шторм.

Слышал лишь победный рев дракона.

Ощущал лишь, как горела моя плоть.

Словно в калейдоскопе, передо мной закружились картинки. Нежное личико моей жены. Я сказал: «Найди нашему маленькому сыну отца. Ему нужен будет мужчина, пример в жизни. Я люблю тебя». Потом появился мой старший сын, которому я сказал: «Поступай в колледж. Для тебя все готово». А потом моя милая доченька; мы улыбнулись друг другу и обменялись взглядами любви. И наконец, мой младший сын: «Я всегда буду любить тебя, Бадди!»

Я понимал, что моя маска вот-вот расплавится, но мелькнула мысль: «Я еще не умер». Полученная подготовка напоминала, что у меня есть обязательство: бороться, чтобы выжить.

Была у меня и другая подготовка. Заставив себя встать на четвереньки, я с трудом вдохнул обжигающий воздух и выговорил имя:

– Иисусе!

В этот момент рев утих. Ужас развеялся. Боль растворилась. Страх исчез.

Посреди пылающей драконьей ярости я обрел совершенное умиротворение.

Утешающий голос произнес: «Туда», и я пополз в указанном направлении. Словно кто-то приподнял уголок завесы – буйство черного и оранжевого обернулось белым светом. Я бросился в этот свет и обнаружил, что съезжаю вниз по лестнице и выкатываюсь за дверь.

Товарищи по команде окатили меня водой, и с первым глотком свежего воздуха я выдохнул:

– Спасибо, Иисусе!

Брэд и Грег подчинились моему приказу и выползли наружу по страховочному шнуру. Когда они оказались на улице и увидели, что меня нет, та же товарищеская преданность, которая заставила меня вернуться за Брэдом, побудила его ринуться внутрь за мной. Он пытался подняться по лестнице в тот самый момент, когда я скользил по ступеням вниз. Снова выскочив наружу, он с изумлением увидел меня и бросился ко мне со словами:

– Герш, я уж думал, что на этот раз нам точно крышка!

Вскоре выяснилось, что этот пожар был работой поджигателя и начался он в подвале дома. Я поливал водой лишь его верхушку. Когда пожарный другой команды распахнул дверь черного хода и вошел внутрь, он провалился сквозь пол и повредил спину. Его товарищ стал вытаскивать

его из пламенеющей дыры, и боль исторгла у раненого крик: «Нет, нет, нет!» Порыв воздуха из распахнутой задней двери раздул огонь и стал причиной взрыва.

На мне было столько ожогов и бинтов, что меня не узнала даже собственная жена. Но спасение из ада было лишь частью случившегося со мной чуда. Мое исцеление шло быстро. Только следы швов на руках напоминают, что когда-то у меня были ожоги. Это метка доброго Господа, чье чудо спасло меня.

Гершель Ньюман

Не забывай молиться

Просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна.

Евангелие от Иоанна, 16:24

Это был прекрасный День Благодарения с ярко-голубым небом и не по сезону теплой погодой. Но вместо того чтобы всей семьей наслаждаться индейкой, мы были заняты переездом – второй раз за год. В предыдущем году мы арендовали жилье, дожидаясь, пока из купленного нами фермерского дома съедут хозяева и будет сделан ремонт. Наконец ремонт закончился, и мы начали переезжать в наш новый дом.

Несколько лет мы искали для себя подходящий участок в сельской местности. Едва увидев этот кусочек рая на земле, мы поняли, что наши поиски подошли к концу. Он вмещал в себя понемногу всего, о чем мы мечтали. Мирный говорливый ручеек отделял пышный золотистый луг от густого леса. В лесу переплетались оленьи тропы, и на склоне холма даже был ключ, который обрывался дивным маленьким водопадом. Тысячи ароматных сосен росли на пологих холмах. Любимым местом моего мужа стал пруд рядом с домом – воплощенное счастье рыбака.

Вытаскивая очередную коробку из грузовичка-пикапа, я остановилась, наслаждаясь мирной безмятежностью пейзажа. Здесь ощущалось присутствие Бога. Птицы восхваляли день от рассвета до заката, грациозные белохвостые олени замирали на миг, чтобы поглядеть на нас, помахивая своими пушистыми хвостиками, и исчезали.

Я стояла, загипнотизированная яркими солнечными зайчиками, игравшими на поверхности пруда. Глядя на воду, я вспомнила разговор, состоявшийся всего пару дней назад. Мы с моим мужем Чаком обходили пруд вместе с прежним владельцем Эриком, и вдруг он как бы между прочим сказал:

– Вам нужно будет поставить ловушки на ондатр. Они подрывают плотину.

Мы с Чаком переглянулись и вздохнули. «Вот здорово, – недовольно подумала я. – Еще один пункт в список необходимых дел».

Голос Чака вывел меня из грез.

– Кстати, – сказал он устало, – нам еще нужно забрать из хранилища

стиральную и сушильную машины. Надеюсь, обе они заработают.

Стиральная и сушильная машины были последними предметами, которые нам оставалось перевезти. Мы купили их двадцать лет назад, когда только поженились, и теперь, выйдя за рамки бюджета, надеялись, что они проживут еще немного.

Ближе к вечеру мы перетащили обе машины в подвал. Я задержала дыхание, когда Чак подвел провода к сети, потом включил. Мягкое урчание моторов вызвало наш восторг... который, впрочем длился недолго. Мы в отчаянии смотрели, как под стиральной машиной быстро натекает лужа. Потом заметили, что воздух в сушилке теплее не становится.

– Это не проблема, – сказала я, стараясь быть оптимисткой. – Я позвоню своему брату Дэнни. Он знает, что делать.

Дэнни занимался ремонтом электроприборов и считался одним из лучших мастеров. Так что я не удивилась, когда трубку сняла его жена и сказала, что его расписание забито до отказа. Вырваться он мог в лучшем случае через пару недель. Мое сердце снова упало.

Обессиленная, я плюхнулась за кухонный стол и уронила голову в ладони. Сперва ондатры, а теперь еще и машины. Что дальше? Я всхлипнула. Я даже не представляла, как выглядят ондатры, не говоря уже о том, как от них избавляться. И где нам взять денег, чтобы заменить старые машины?

Вдруг мне вспомнилась пятилетняя Тиффани, необыкновенная ученица воскресной школы, где я вела занятия. Однажды воскресным утром я к ужасу своему осознала, что забыла дома все необходимое к уроку, включая материалы для поделок. Я начала паниковать, заламывать руки и вслух бормотать что-то о своей оплошности.

Тиффани подошла ко мне, подергала за подол платья и беззаботно сказала:

– Просто помолитесь об этом, учительница! Бог знает, как все исправить.

Вот именно – молитва! Идея, которую я старалась запечатлеть в юных умах, теперь послужила мне хорошим напоминанием.

Я склонила голову и поблагодарила Бога за все, что Он делает для нас, и за красоту земли. Я также попросила Его помочь нам починить наши машины и показать, как справиться с докучливыми ондатрами.

Меня сразу же охватило чувство покоя – такое полное, что в тот же вечер, когда муж заговорил о покупке новых машин, мой ответ его удивил:

– Не думаю, что с этим стоит торопиться.

Я не могла объяснить свой ответ, но знала, что Кое-кто об этом позаботится.

Однако ничто не могло подготовить меня к тому, что случилось на следующий день, когда зазвонил телефон.

Это оказался мужчина по имени Фил, друг и коллега Дэнни.

– Э-э, Конни, – начал он робко, – я, э-э, только что разговаривал с вашим братом. Я позвонил ему, чтобы взять ваш телефон, а он рассказал мне о вашей проблеме со старыми машинами. Ну, я, э-э, подумал, может, мы сможем что-нибудь с этим сделать.

Я на мгновение онемела, воодушевившись перспективой ремонта наших старушек.

– Да, конечно, – наконец произнесла я. – А что вы имеете в виду?

– Видите ли, – замешкавшись, проговорил Фил, – мой сын-подросток любит охотиться с ловушками...

– Великолепно! – взволнованно перебила я. – Он может поохотиться в нашем лесу. Это не проблема.

– Но я, вообще-то, не о том, – продолжал Фил. – Я слышал, что у вас есть пруд, и... В общем, если вы с Чаком разрешили бы моему сыну поохотиться на ондатр на вашем пруду, я бы починил ваши машинки.

По спине у меня побежали мурашки, когда я снова вспомнила, как маленькая девочка дергала меня за юбку.

Да, Тиффани, Бог действительно знает, как все исправить!

Конни Штурм-Кэмерон

Ночные встречи

Господи! Ты слышишь желания смиренных; укрепи сердце их; открой ухо Твое.

Псалтирь, 10:17

Пару лет назад у меня был длительный период бессонницы. По несколько раз в неделю я просыпалась между двумя ночи и половиной четвертого утра. Боролась я с этим как могла. Зажмурив один глаз, брела из спальни в ванную, надеясь таким обманом заставить второй глаз поверить, что мы с ним еще спим. Обмануть удавалось редко. Я падала обратно в постель, занимала свою лучшую «засыпательную» позу и лежала долгие минуты... или час... или два... гадая, что со мной происходит и почему я не могу нормально проспать всю ночь.

Но однажды мне пришло в голову, что я, возможно, не просыпаюсь. Возможно, меня будят.

– Это ты, Господи? – спросила я. – Это Ты меня будишь?

Я попыталась найти причину, по которой Богу нужно было прервать мой сон, и пришла к единственному резонному выводу: Он по мне скучает. Возможно, Ему не хватает «нашего» времени в течение дня, и Он ждет темноты, чтобы застать меня одну.

Я решила, что это меня устраивает.

– Господи, отныне и впредь, если я проснусь среди ночи, то буду знать, что это – Ты, – пообещала я.

И Он поймал меня на слове.

В то время мы с мужем отказались от своего солидного дома на колесах и перебрались в «подростковый» трейлер, где собирались жить шесть месяцев, пока будет построен наш новый дом. Не лучшее место для встреч посреди ночи, но я давно зареклась спорить с Богом. Если Он хочет, чтобы я осторожно перебиралась через похрапывающую тушку Дейва и нашаривала в темноте халат и шлепанцы – так тому и быть.

Я держала у обеденного столика листок фольги, чтобы оборачивать им пластиковый абажур, позволяя лишь узкому направленному лучику света падать вниз, на страницы моей Библии. Звуки посапывающей во сне семьи, дремлющей земли и бульканья воды в греющемся чайнике создавали самую мирную тишину, какую я только слышала в жизни.

Я маленькими глотками попивала какао, читала и прислушивалась. Бог неизменно разговаривал со мной в эти тихие часы. Иногда Он упоминал какую-то конкретную потребность в моей жизни, но по большей части просто говорил, как Он любит меня. Мы, вечно сомневающиеся существа, никогда не перестаем нуждаться в этом напоминании, и Он это знает.

Я многое узнала о сердце Бога во время этих поздних встреч – и тех, что были потом.

Однажды вечером, когда мы уже давно жили в собственном доме, я почувствовала это знакомое прикосновение и встала с постели, чтобы встретиться с Богом. Стоило мне сесть и протянуть руку к Библии, как я ощутила потребность повторить любимый фрагмент из Писания: «Если враг придет как река, дуновение Господа прогонит его» (Исаия, 59:19).

Я не знала, откуда взялся импульс проговорить именно этот стих, но все равно произнесла его. А потом повторяла снова, и снова... и снова. Целый час мой разум был захвачен этой единственной истиной из Писания, и все, что я могла делать, – это сидеть в тишине гостиной и повторять эти слова. Никогда, ни прежде, ни потом, я не чувствовала потребности молиться таким образом, но в ту ночь мне было ясно, что Бог не ждет от меня ничего иного.

Когда я умолкла, на часах была половина четвертого. Я чувствовала себя заряженной энергией, словно замечательно выпалась и готова встретить новый день. При этом меня охватило такое умиротворение, что было ясно: стоит мне коснуться подушки, как я усну – что я и сделала.

На следующий день мне позвонила подруга. Пока мы разговаривали, она то и дело зевала в трубку.

– Устала? – спросила я, посмеиваясь.

– Ужасно, – пожаловалась она. – Так плохо сплю в последнее время! То и дело просыпаюсь посреди ночи.

– Я тоже, – призналась я. – На самом деле этой ночью я как раз не спала.

– И я тоже, – сказала подруга.

Потом я объяснила ей, что произошло накануне ночью.

– Это было очень странно, но я была как загипнотизированная, полностью сосредоточена на повторении этих слов: «Если враг придет как река, дуновение Господа прогонит его».

В трубке воцарилось долгое молчание, а потом она спросила:

– А в какое именно время ты не спала?

– С половины третьего до полчетвертого.

Снова пауза. Когда моя подруга снова заговорила, я услышала в ее

голосе слезы:

– Бог поднял тебя с постели, чтобы ты молилась за меня!

Она проснулась в два часа ночи с таким тяжелым сердцем, что буквально упала на пол в ванной комнате, рыдая и пытаясь молиться. Она не рассказала, что именно вызвало у нее такую печаль; сказала только, что жизнь казалась ей безмерно тяжелой, а надежда – слишком далекой. Она, по ее словам, была совершенно подавлена лавиной тревоги, страха и отчаяния. И вдруг около половины четвертого тьма рассеялась, тяжесть исчезла и она ощутила себя омытой покоем.

В тот момент, когда я встала с дивана и вернулась к своей подушке, моя подруга поднялась с пола и тоже легла спать.

Порой меня завораживает понимание, что Бог, который придумал гравитацию и любовь, который не забыл нарисовать пятна на шкуре жирафа и вложить верность в сердце щенка, который наименовал и рассыпал по небу звезды, приглядывает за мной во сне – и будит, чтобы встретиться со мной... и предлагает мне возложить на плуг руки рядом с Его руками.

Шэннон Вудворд

Цикл полной покорности

Внемли гласу вопля моего, Царь мой и Бог мой! Ибо я к Тебе молюсь.

Псалтирь, 5:2

Специалист по лечению бесплодия бросил на меня печальный взгляд и покачал головой.

– Я знаю, что вам тяжело это слышать, – с сожалением сказал он. – Мне очень жаль.

После шести с половиной лет бесплодия последние результаты анализов подтвердили: беременность невозможна.

В горле у меня пересохло.

Я не могла поверить в то, что услышала. Неужели о моей мечте иметь ребенка можно забыть? Неужели ничего нельзя сделать?

– Позвольте мне переговорить с коллегой. Он позвонит вам, когда вернется с конференции, – продолжал партнер моего врача.

Сдерживая эмоции, я попросила оставить моему врачу сообщение с просьбой позвонить.

– Я буду благодарна, если он расскажет о моих шансах. Я не хочу впасть в зависимость от лечения бесплодия. Все эти уколы и поездки изнуряют меня. Не стоит мотаться сюда каждый месяц, если все это бесполезно.

– Я понимаю, – посочувствовал он мягким голосом.

За прошедший год я налетала почти 10 тысяч километров между своим домом и городом, где находился кабинет специалистов по бесплодию. Результаты УЗИ, анализы крови и прочие многочисленные исследования показали наличие сразу нескольких проблем. У большинства женщин овуляция происходит каждый месяц. Мои же яичники выбрасывали либо слишком маленькую яйцеклетку, либо делали это слишком рано, либо овуляции вообще не было. Кроме того, клетки ткани, выстилающей матку, по неизвестным причинам попадали через фаллопиевы трубы в брюшную полость и начинали расти на моих яичниках и других органах, образуя рубцовую ткань и вызывая острый гормональный дисбаланс. Это отклонение, называемое эндометриозом, поражает от десяти до пятнадцати процентов женщин в репродуктивные

годы.

Я проплакала всю дорогу домой. Я возносила свою боль к Богу: «Может быть, я никогда не смогу забеременеть и родить ребенка. О Господи, неужели все кончено? Неужели я проделала все это, только чтобы узнать, что мое тело не способно рожать детей? Ты позволил мне получить некоторые ответы, но что с ними делать? Помоги мне! Я передаю эту ситуацию Тебе. У меня нет выхода. Для Тебя же нет ничего невозможного».

Когда я приехала домой, муж сразу заметил мое расстроенное лицо. Пытаясь сохранять спокойствие, я рассказала ему о результатах анализов. Мне едва удалось выдавить из себя заключительные слова:

– Я больше не могу это выносить. Ничего не получится. Наверное, мы идем не по тому пути и нам нужно заняться усыновлением.

Брайан молча выслушал меня и обнял.

– Думаю, лучше подождать и послушать, что скажет твой доктор, милая, а потом принимать решение, – предложил он. – Мне все время кажется, что они сделают тебе какой-нибудь укол и все наладится. – Он вздохнул. – Это так печально, и я не понимаю, почему такое случилось с нами, но ты должна надеяться.

Надеяться? Одно слово, и такое весомое. Сегодня утром врач мало чем смог меня обнадежить.

Я падала духом, и Брайан пытался помочь мне держаться. Да, надо надеяться, думала я, надо иметь надежду и веру. Я должна принять положение вещей таким, каким хочет видеть его Бог.

– Ты прав, – пробормотала я. – Мы молились об этом. Все в руках Божьих.

Брайан обнимал меня, пока я не успокоилась. Но утешения хватило всего на пару минут. Уйдя в спальню, я закрыла дверь, уронила мокрое от слез лицо в ладони и воскликнула:

– Господи, пожалуйста, дай мне знак! Покажи, следует ли мне продолжать – или надо остановиться и заняться усыновлением! Мы хотим воспитывать детей, чтобы почитать Тебя!

Всю следующую неделю меня одолевала скорбь. Я говорила себе: «Я больше не сорвусь. Я уже выплакала всю душу. Ничего не осталось. Господь властен над всем. Да будет воля Его». Ожидая появления Божьего плана на будущее, я приняла новое мировоззрение и открылась новым возможностям. Может быть, малыш, о котором мы молились, придет к нам благодаря усыновлению.

Мой лечащий врач, как ни странно, не стал звонить мне, а дождался нашей личной встречи.

– Я не хотел выносить никаких суждений, пока не увижу результатов последнего цикла, – пояснил он. – В этом месяце высвободилась яйцеклетка...

– Меня это не удивляет... – привычно перебила я, привыкшая к причудам своего организма. – Так уже бывало.

– ...и ваши анализы оказались превосходными – впервые за время нашего знакомства. На самом деле мы сделали их дважды, потому что подумали, что вы, возможно, беременны.

– Правда? – Я подскочила от изумления, пораженная тем единственным ответом, о котором даже не думала. – Я молилась о знаке, надо ли мне двигаться вперед, – выпалила я. – Это невероятно!

– Думаю, вы получили свой знак, – подтвердил доктор с улыбкой и продемонстрировал мне радикальные различия между этим месяцем и прошлым. Уровень прогестерона в крови был в три раза выше, чем когда-либо прежде. Мои шансы забеременеть существенно улучшились, но пока еще не были «железными».

В следующие несколько месяцев я с оптимизмом перепробовала еще несколько вариантов лечения, чтобы пробудить способность своего организма нормально овулировать.

Но беременность не наступила.

Врач порекомендовал еще один, последний цикл сильных средств для стимуляции производства яйцеклетки и принудительной овуляции. Если бы мой организм не отреагировал, я прекратила бы этот дорогостоящий медицинский эксперимент.

На молитвенном собрании я просила Бога принять власть над моим телом. Стоя на коленях, закрыв глаза и склонив голову, я шептала:

– Господи, да исполнится воля Твоя над моим телом, разумом и духом.

Когда священник и другие присутствующие молились, теплая волна спокойствия окатила меня. Я вернулась домой и сказала Брайану:

– Я чувствую себя совершенно спокойной. Необходимости непременно забеременеть больше нет.

Прожив с проблемой нашего бесплодия семь лет, муж озадаченно уставился на меня:

– Ты уверена?

– Да. Чего бы ни хотел Бог, я на это согласна, – уверенно ответила я.

Я завершила последний курс лечения от бесплодия и стала ждать ответа Бога, пребывая в необычном состоянии – сочетания покоя с надеждой. Ответ пришел спустя пару недель, после очередного анализа крови.

– Результаты положительные! – воскликнула медсестра. – Вы беременны. Поздравляю!

Меня охватил восторг, и я сжала руку Брайана. По милости Божией период печали сменился жизнью, полной радости и удовлетворения.

В следующие четыре с половиной года Его план изобилия воплотился во всей красе, превзойдя наши самые смелые мечты. Мы спонтанно зачали и родили четверых здоровых детей.

Когда я позволила Богу взять мою жизнь в Свои руки, Он сделал все так, как надо!

Кимберли Маклахан

311 долларов

Проси у Меня, и дам народы в наследие тебе и пределы земли во владение тебе.

Псалтирь, 2:8

Несколько лет назад у нас с женой, с которой мы прожили вместе 15 лет, начались финансовые трудности. Мы вместе прошли через годы учебы в колледже, вместе начинали карьеру и родили двоих детей.

Я, ветеринар по профессии, следовал, как мне казалось, Божьему плану моей жизни. Я продал свою практику крупному ветеринарному предприятию, чтобы полностью посвятить себя преподаванию. Зарплата учителя намного меньше дохода практика-ветеринара, и это стало главной причиной наших финансовых проблем. Поэтому я работал сразу в трех местах. Я преподавал на полную ставку в университете в Далласе и вел вечерние занятия в местном среднем колледже. Чтобы увеличить свой доход, я начал принимать пациентов в одной из лабораторий колледжа по пятницам, с часу до пяти дня. Это была весьма скромная практика, и большинство пациентов, которых я принимал, принадлежали к студентам. Так что плата, которую я назначал, едва покрывала мои накладные расходы.

С деньгами было туго, и мы не могли оплачивать часть счетов. Это было такое напряженное время, что жена решила на несколько дней перебраться с детьми к своей матери, чтобы немного ослабить стресс, оставив меня наедине с домом и работой.

Я позвонил ей вечером в четверг и спросил, сколько денег нам нужно, чтобы оплатить все счета. Она сказала, что необходимо 311 долларов до следующей зарплаты. Мы решили молиться о том, чтобы Бог помог нам продержаться это время. Мы произнесли краткую молитву по телефону, а потом я сделал то, чего не делал раньше. Я опустился на колени и прямо попросил Бога о деньгах. Я просил Его привести ко мне в следующий приемный день столько животных-пациентов, чтобы я мог оплатить счета. Я сказал Ему, что мне нужно 311 долларов.

Помолившись, я лег спать, а на следующее утро позабыл об этой молитве. Я отправился в колледж, провел занятия и днем пошел в лабораторию – на случай, если в мою импровизированную клинику кто-то придет. День выдался на редкость хлопотным; я принял всех пациентов и

закончил работать около пяти вечера. Бизнес велся на строго наличной основе. Заработанное за день я складывал в нагрудный карман рубашки. Я всегда сосредоточивался на заботе о животных, а не на деньгах, поэтому даже не подумал пересчитать их в конце дня.

В тот вечер я добрался до дома совершенно измотанный и уснул прямо на диване. Меня разбудил телефонный звонок. Это была жена, которая спросила, удалось ли мне что-нибудь заработать. Я вытащил из кармана пачку банкнот. Оказалось, я заработал 310 долларов. Она ахнула: эта сумма всего на один доллар не дотягивала до той, что нужна была нам для полной оплаты счетов. Я посмотрел на пол и увидел банкноту в один доллар, которая лежала возле дивана. Наверное, она вылетела, когда я вытаскивал деньги из кармана рубашки. Так у нас образовалась как раз та сумма, о которой мы молились, – 311 долларов.

Тот день стал поворотной точкой в нашей жизни. С тех пор мы больше ни разу не оказывались в стесненных обстоятельствах.

Я знаю, наша нужда была не так уж велика; но когда осознаешь, что Бог дает нам именно то, что мы просим, с точностью до гроша, – понимаешь, какое это великое чудо.

Джин Гиггман

Руфь и Ноеминь

Нет на свете ничего похожего на любовь матери к своему детенышу.

Агата Кристи

Наш сын Лейн опять повздорил со своей подругой. Мне казалось, что нет такой темы, которая не вызывала бы у них споров. Я, как мать, настороженно отнеслась к известию об их помолвке. Не то чтобы эта девушка мне не нравилась, но я не была уверена, что она подходит моему сыну.

Я молилась о том, чтобы Лейн нашел свою половинку, с тех пор как он родился.

Теперь, когда он был помолвлен, мне хотелось избавиться от сомнений, и моей ежедневной молитвой стали слова: «Господи, если это неподходящая девушка, пожалуйста, пошли ему подходящую».

Однажды во время этой молитвы у меня случилось видение. Мои глаза закрылись, и я увидела двух девушек. Та, что слева, была нареченной невестой Лейна. Она выглядела темным силуэтом. Девушка справа была энергичной голубоглазой блондинкой в яркой одежде и с улыбкой, которая пробудила радость в моем сердце. Никогда раньше со мной не случалось таких видений, и я подумала, что его источник – мое собственное воображение. Я отложила этот эпизод в свою «мысленную папочку», но много думала о нем.

Чем ближе становился назначенный день свадьбы – уже была арендована церковь, – тем больше росла тревога у меня на душе. Я молилась, чтобы Господь вмешался, если это не лучшее решение для нашего сына.

За две недели до назначенного дня невеста Лейна сказала, что разлюбила его, и отменила свадьбу. Сын признался нам, что боль его безмерна. Мне было жаль его, но я понимала, что это, должно быть, дело рук Бога. Несмотря на сердечную травму, Лейн заканчивал обучение в колледже. Прошло два года. Я продолжала ежедневно молиться о сыне.

Незадолго до вручения дипломов Лейн позвонил, чтобы рассказать нам о дате и подробностях выпускных торжеств. Все два часа, которые заняла дорога до кампуса, мы с его отцом говорили о том, как гордимся

сыном. Мы приехали к Лейну, и он попросил нас подождать, пока он сходит за подругой, которую пригласил на церемонию. Через двадцать минут наш сын вернулся вместе с красивой голубоглазой блондинкой. Увидев ее, я ахнула. Это была та самая девушка, которая возникла в моем видении два года назад! Я едва сдерживалась, но держала рот на замке из страха, что спугну их обоих.

С мая по ноябрь их отношения развивались, и вот однажды наш сын позвонил и сказал:

– Что вы делаете 19 ноября? Не хотите приехать на свадьбу?

Все, что было дальше, – совсем другая история...

Кари – замечательная жена и мать двух чудесных дочек. Ей нравится напоминать мне, что мы с ней – как библейская Руфь и ее свекровь Ноемиль. Так мы с ней друг друга и зовем: «Кари-Руфь» и «Джоан-Ноемиль».

Эта голубоглазая блондинка оказалась даже лучше того прекрасного видения, которое показал мне Господь.

Джоан Клейтон

Дорога домой

Потому говорю вам: всё, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, – и будет вам.

Евангелие от Марка, 11:24

– Милая, я выезжаю сразу, как закончу работу. Это будет после полуночи, – обещал мой муж.

Я – молодая жена, предвкушающая наше воссоединение, которое случилось каждый второй уикенд, – повесила трубку. В тот момент я сомневалась в разумности нашего решения провести первый год брака врозь. Я завершала обучение в Арлингтонском университете, чтобы стать учительницей, а он отбывал последний год военной службы в Форт-Силле, штат Оклахома.

Я прибралась в нашей крохотной однокомнатной квартирке и легла в постель в ожидании его приезда.

Несмотря на тревогу, я все же сумела уснуть, грезя о нашем совместном уикенде, но вдруг проснулась. Я услышала отчетливый призыв помолиться, такой реальный, будто его только что доставил почтальон. Этот порыв сопровождало понимание, о чем именно надо молиться: чтобы мой муж в эту минуту был в безопасности.

Я вернулась мыслями к другому эпизоду. Год назад я ощутила настоятельную необходимость помолиться за Джима, который был тогда во Вьетнаме. Позже я получила письмо, где он писал, что поздно вечером возвращался из душевой и едва не наступил на ядовитую змею. Каким-то чудом он заметил ее в последний момент. Он был без очков, и единственным источником света была свеча, которая – против правил – горела в палатке его друга. Я рассказала, как у меня возникло желание помолиться за него в тот самый вечер. Мы оба знали, что это – промысел Господень.

Так и теперь – я буквально вывалилась из постели на колени. Я плакала, молясь Господу. А потом этот зов к молитве исчез так же мгновенно, как и возник. Мои слезы высохли, и я сразу уснула умиротворенная, несмотря на такое пугающее пробуждение. Последнее, что я помню, – как посмотрела на часы на тумбочке. Было без десяти три ночи.

Раздался стук в дверь. Я села в кровати и снова посмотрела на часы. Шесть утра! Я подумала про себя: «Должно быть, Джиму просто не удалось выехать сразу, как он планировал». А потом вспомнила свою потребность помолиться. Я поспешила к двери, распахнула ее – там стоял мой муж... немного помятый и его правый глаз закрывала черная повязка.

Он поспешно ответил на мои вопросы. Машина, которая шла со скоростью всего 50 км в час, без всяких огней, выскочила от бара сразу за Форт-Уортом. Мой муж ехал по шоссе со скоростью 113 км в час, и произошло столкновение. Наш новенький автомобиль не подлежал восстановлению. Полицейский, прибывший на место, сказал, что водитель другой машины был пьян. Джим получил единственную травму – осколок стекла попал ему в глаз.

– Почему-то я подумал, что надо пристегнуть ремень, перед тем как подъехал к Форт-Уорту, – сказал Джим. Он никогда прежде не пристегивался. Тогда, в 1969 году, никаких законов о ремнях безопасности не было.

– Слава Богу! – ахнула я, крепче обнимая его. – В какое время это случилось?

– Я как раз проверял время. Было без десяти три.

Шэрон Паттерсон

Сила подчинения

И всё, чего ни попросите в молитве с верою, получите.

Евангелие от Матфея, 21:22

Сбросив 68 кг веса, я наконец была готова к операции двух огромных грыж в брюшной полости. Но для этого нужно было вначале удалить лишнюю кожу, и нам требовалась помощь пластического хирурга. В течение восьми месяцев я только что на уши не вставала, чтобы удовлетворить требования страховой компании для этой операции. У меня было вторичное заболевание (грыжи), которое требовало панникулэктомии (удаления лишней кожи с области живота), у меня были проблемы с кожей, я соответствовала требованиям стабилизации веса, и четверо врачей заявили, что мне нужна операция.

Многие люди не знают, что, когда сильно сбрасываешь вес, обвисшая кожа создает всевозможные проблемы, особенно если ты немолода и твоей коже недостает эластичности, чтобы подтянуться самостоятельно. Мой «жировой фартук» свисал до середины бедра. У меня были разрывы кожи, скрывавшиеся в «морщинах и складках». Целыми днями напролет у меня болела спина, и боль эта была убийственной. Боль от грыж порой доводила до исступления, а размеры их были такими, что я выглядела как глубоко беременная. Порой я едва могла стоять. Но я несколько месяцев ходила на задних лапках перед страховой компанией, поскольку была полна решимости вылечиться!

Я нашла идеальную команду врачей. Они меня по-настоящему понимали. Они передали свои планы операций и фотографии для одобрения в страховую кампанию. Была назначена дата. И вот прямо накануне страховщики снова ответили отказом на наши требования! Они были согласны оплатить операцию на грыжах, но не панникулэктомию, без которой удалить грыжи невозможно! Несмотря на то что я соответствовала всем требованиям, которые они выдвигали прежде, страховая отказала мне в панникулэктомии и выдвинула новый список условий. Это было их окончательное решение. Я поняла, что для них это просто своего рода игра и они забыли, что я – человек. Человек, которому больно.

На следующее утро по дороге на работу я все еще плакала,

представляя, что мне придется жить с хронической болью в спине до конца своей жизни. Я испытывала и другие проблемы, и от понимания, что придется мучиться с ними всегда, мне делалось дурно. Мне было лишь немного за пятьдесят. Я сбросила вес, чтобы улучшить свое здоровье и качество жизни, а не для того, чтобы обзавестись дополнительными непреодолимыми проблемами.

И я стала молиться. Я просила Бога научить меня жить с хронической болью, если уж операции не суждено случиться. Я молилась: «Боже, пожалуйста, подскажи, как мне дальше таскать на себе эту шкуру, которая причиняет мне боль!» Я плакала, потому что усердно трудилась во время терапии, чтобы выкарабкаться из депрессии. Теперь я снова скатывалась в нее. «Боже, – молилась я, – мне нужно вернуть себе спокойствие разума. Тебе придется показать мне, как это сделать, потому что я больше не способна на это сама. Мне тошно и страшно». И я вверила свои страхи Его заботам. Мне показалось, что Бог потер руки, хрустнул пальцами и сказал: «А теперь смотри, как Я работаю!»

Не прошло и часа, как мне позвонила Шелли, ассистент моего пластического хирурга. Позабыв о своей покорной молитве, я начала предлагать возможные пути решения проблемы – я могу сделать еще фотографии, я могу то-то и то-то... Когда Шелли наконец удалось завладеть моим вниманием, она сказала, что мой врач просил передать: «Скажите Джери, что мы не будем связываться с ее страховщиками. Я сделаю панникулэктомию за 500 долларов. Джери очень старалась, и я хочу помочь исполнить ее мечту».

Я не верила своим ушам. Разве кто-то так поступает? Разве делают такой щедрый подарок человеку, которого видел всего раз в жизни? Я забралась под свой рабочий стол и разрыдалась. Мои коллеги подбежали ко мне, не зная, что и думать, и обнаружили меня, плачущую, под столом. Месяцы игрищ под девизом «угоди страховой компании» и постоянных отказов сказались на моих нервах. Я могла бы продолжать борьбу и по закону заставить страховщиков выполнить обязательства, которые они мне дали, но вместо этого я приняла дар Божий.

Снова была назначена дата операции. Страховая компания не могла оспорить сострадательный порыв моих врачей. В разговоре с подругой я задавалась вопросом, почему это произошло. Почему я должна была пройти через все эти перипетии со страховой компанией? Почему после того, как я отказалась от дальнейших попыток добиться операции, она наконец случилась? «Потому, – ответила подруга, – что ты подчинилась. Когда смиришь свою волю, за дело берется благодать Божия».

Операция прошла успешно. Лишняя кожа была удалена с моего брюшного отдела и все органы вернулись на свои места. Представьте себе, что будете носить на себе весящий 4,5 кг мяч до конца своей жизни. Это то, что было со мной. Но теперь настала новая эра! Я уже год поддерживаю стабильный вес, после того как сбросила 77 кг. Я чувствую себя на миллион долларов и постоянно ищу способы продлить свое чудо.

Джери Крайсонг

Глава 7

Ангелы среди нас

И сказал им Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям.

Евангелие от Луки, 2:10

Все выше и выше

В самый разгар вермонтского «сезона слякоти» мы с мужем и двумя маленькими детьми встречали моего отца. У нас он надеялся излечиться от пневмонии и вернуться к привычной жизни в своей хижине на побережье Мэна. Пневмония была вызвана химиотерапией, которая разрушила его немолодой организм.

Как-то вечером я разбирала белье для стирки, складывая в кучки крохотные трусики и футболочки с рисунками грузовиков и тракторов. Папа сидел рядом. Макушка его облысевшей головы была покрыта легким пушком, живот раздут газами, щеки запали.

– Знаешь, – вдруг сказал он, словно вспомнил нечто забавное, – есть кое-что, о чем мы все время забываем.

– О чем же, папа?

– О раке, – сказал он.

Может быть, он и забыл о раке, но все остальные помнили. У него был тот тип рака печени, от которого невозможно исцелиться, а из-за пневмонии он не смог завершить пробный курс терапии. Да и толку от этого курса, в общем, не было. Все, кроме папы, понимали, что конец близко.

Однажды вечером муж уехал за продуктами, а я укладывала детей спать. Отец окликнул меня с первого этажа. Я поняла по его напряженному голосу: что-то случилось. Я побежала вниз, дети – за мной.

Отец лежал на диване и дышал так, словно только что пробежал марафон. Лицо его покраснело, глаза округлились от боли. Звоня в службу спасения, я уже понимала, что папе не суждено встретить медленный закат жизни: этот сердечный приступ быстро его доконает.

– Идите в гостиную и ждите «скорую», – сказала я детям, сама удивляясь, как спокойно звучит мой голос. Внутри никакого спокойствия не было и в помине: словно торнадо разрывал меня на части.

Мое сердце стучало так громко, что я едва слышала в телефонной трубке голос медика, который давал мне инструкции по реанимационным мероприятиям. «Я не умею этого делать, – думала я, но откинула голову отца назад, зажала ему нос, выдохнула в рот и стала сильно давить ладонями на грудь. – Не может быть, чтобы это было на самом деле; это просто дурной сон. Где же эта «скорая»?» Наша дорога была проселочной и разбитой; кто знает, сколько еще придется ждать медиков!

Отец умирал, но я должна была поддерживать в нем жизнь. Я прижимала свой рот к его, отчаянно желая, чтобы это не напоминало мне поцелуй, чтобы его дыхание не пахло куриным супом, который мы ели на ужин, чтобы всего этого не было... Нажимая ему на грудь, я почувствовала, как что-то хрустнуло.

– Кажется, я сломала ему ребро! – сказала я незнакомому медику в телефоне.

– Ничего страшного, – успокоил он. – Такое случается.

Я делала искусственное дыхание и массаж и радовалась, что дети избавлены от этого ужасного зрелища.

– Не забудьте сказать мне, когда приедет «скорая»! – окликнула я их. *И, Боже, пожалуйста, пусть это случится поскорее.*

Когда медики наконец приехали, у них были с собой аппараты для реанимации. Молодой парень в бейсболке с символикой «Ред Сокс» мягко сказал:

– Мы сделаем все, что сможем, но дела, кажется, плохи.

Я в этом даже не сомневалась. Врачи сказали, что я отлично поработала; мои усилия сохранили отцу жизнь. Что бы это в данный момент ни значило...

Муж нашел меня в отделении неотложной помощи. Мы смотрели, как замедлялось дыхание отца. Я не хотела, чтобы он уходил. Меня так и подмывало крикнуть: «Вернись!» – но его тело лежало на столе, точно изваяние, голубые глаза были открыты, но ничего не видели. Краткие вдохи становились все реже.

Его время пришло, но я этого не хотела! Я хотела, чтобы ему стало лучше, чтобы он вернулся в свой домик на побережье, где мы бы его навещали. Мы ели бы лобстеров и мидий, наблюдали, как из моря встает солнце, играли в скрэббл и нарды... Он читал бы свои мистерики и гулял по пляжам, счастливый и довольный жизнью. Я хотела, чтобы папа видел, как мои дети растут и становятся взрослыми; чтобы он пережил вместе с нами все, что еще случится.

У меня кружилась голова, и пол качался под ногами, точно я попала в шторм на корабле. Вокруг ярких больничных ламп я видела черные точки и боялась упасть в обморок. «Ему нужно помочь, – думала я. – Может быть, надо сказать что-то вроде: «Ладно, можешь уходить»? Но ведь я не хочу, чтобы он ушел!..»

Глядя на отца, я вдруг почувствовала, что *она* стоит у меня за спиной. Как ни странно, мне не нужно было оборачиваться, чтобы увидеть ее. Она была подобна ангелу, чуть выше меня ростом, одетая в текущий золотистый

шелк. Ее черные волосы обрамляли сияющее лицо, а глаза говорили мне, что бояться нечего. Она являла собой воплощение самой спокойной – и могущественной – силы в мире. Она обнимала меня так, что казалось, будто я сливаюсь с ней воедино. Мне больше не нужно было держаться на ногах. Когда мой папа испустил свой последний вздох и этот ангел обнял меня, я стала поднимать руки все выше, выше и выше, направляя его дух к небесам.

Тем вечером в церкви у алтаря я была одна. Перед лицом Бога я оплакивала папу, себя, острое чувство утраты. Потом я услышала, что ко мне обращается голос. Это был тот самый ангел из больницы. «Отец пришел к тебе умирать, – говорила она, – пришел, чтобы узнать о Боге. Ты вдохнула в него Бога, когда он умирал». Мой отец при жизни был убежденным атеистом.

На следующий день я рассказала кому-то, как я поднимала руки все выше и выше, направляя дух отца в небо. Мой муж возразил:

– Да нет же, твоя рука лежала у него на груди, а другую ты прижала к сердцу. Неужели ты не помнишь?

Тут я вспомнила свои руки у наших сердец, ощущение, что моя энергия течет к нему, и момент, когда его грудь вздымается в последний раз...

– Да, – проговорила я, – но я видела свои руки, направляющие его вверх. Как такое может быть?

А потом я вспомнила ангела, который обнимал меня. Это были его руки, возносившие моего отца к небесам.

Лави Мюллер

Праздничный ужин

Сие же делаю для Евангелия, чтобы быть соучастником его.

1-е Коринфянам, 9:23

Мне было пятнадцать, когда мой мир совершил мрачный поворот. Маме снова поставили онкологический диагноз. Первый раз это было ужасно. Тогда она перенесла операцию и химиотерапию и победила рак. А потом он вернулся.

Сейчас поводов для беспокойства было больше – и не только из-за болезни. Мама до сих пор платила за прежнее лечение, и новый недуг поставил ее на грань разорения. Мой отец умер несколько лет назад. Мать в одиночку пыталась оборонять нашу семейную крепость. Она зарабатывала слишком много, чтобы получать финансовую помощь, и слишком мало, чтобы самостоятельно оплачивать стремительно растущие медицинские счета. А я была недостаточно взрослой и не могла пойти работать.

Та зима стала худшей в нашей жизни. Денег, чтобы платить за электричество, не хватало, так что мы обходились без него. У нас была маленькая газовая плитка – единственный источник тепла, а сосед позволил подключить удлинитель к его домашней сети, чтобы в доме горела одна лампочка. Я спала на полу, придвигаясь к плитке, насколько было возможно без риска загореться. Мама ночевала в своей холодной комнате, укрытая всеми одеялами, какие мы сумели собрать.

Каждый день и каждую ночь мама молилась и часто просила меня молиться вместе с ней. Она благодарила Бога за блага, которые у нас были, за то, что мы есть друг у друга, и просила Его дать нам сил, чтобы пережить трудные времена. Она никогда не скатывалась до озлобленности, гнева или требовательности. Она верила, что Бог не оставит нас.

Я же совсем не была в этом уверена. Если Бог такой добрый и великий, то почему мы страдаем? Почему мама, которая ходила в церковь каждое воскресенье, как бы ни было холодно и как бы плохо она себя ни чувствовала, снова заболела раком? Иногда у меня не получалось молиться. Я гневалась на Бога и на весь мир. Жизнь просто была несправедлива.

Настал День Благодарения. Я обшарила кухню в поисках продуктов, надеясь найти забытую банку консервов. Чем дольше я искала, тем сильнее

злилась. Этот шум, должно быть, разбудил маму, потому что она пришла в кухню, завернувшись в одеяло. Она встревоженно поглядела на меня и спросила:

– Малышка, что случилось?

Я огрызнулась:

– Я голодна, вот что!

Я злилась не на нее, а на наше положение. Я понимала, что веду себя по-свински, но не могла сдержаться.

Она протянула ко мне руки и сказала:

– Иди ко мне. Давай помолимся.

Я закатила глаза:

– Какой от этого толк!

Я понимала, что мои слова обижают ее, но была слишком расстроена.

Она смотрела на меня с печалью в глазах.

– Бог слышит наши молитвы. Мы одарены миллионом благ, стоит только присмотреться. Да, сейчас нам трудно, но Бог рядом, Он помогает нам пройти через беды. В чем бы мы ни нуждались, Бог об этом позаботится. Все, что от нас требуется – иметь веру. Надо молиться о том, что нам нужно, и Бог отзовется.

– Да ладно! – напустилась я на нее. – Если Бог такой замечательный, отчего же мы голодаем? Если Бог такой заботливый, почему мы замерзаем насмерть в собственном доме?

Видеть обиженное выражение на ее лице было невыносимо. Мне было тошно от того, что я кричала на нее, но я слишком злилась на Бога, чтобы остановиться.

– Эй, Бог! – завопила я в потолок. – Если ты такой всемогущий, почему бы тебе не дать нам еды? Нет, правда – ведь нынче Благодарение, так пошли нам жирненькую сочную индейку со всем, что к ней полагается! Или мы недостаточно хороши для тебя, чтобы одарить нас едой?!

Я с презрением перевела взгляд на наш стол.

– Ага, я так и думала! Не вижу никакого праздничного ужина. А ты видишь? – насмешливо поддела я маму. Она стояла рядом, и слезы катились по ее лицу.

Мне было ужасно стыдно за то, что я наделала и наговорила, но я по-прежнему до безумия сердилась на Бога и наши печальные обстоятельства. Я бросилась прочь из дома. Распахнув дверь, я едва не столкнулась с мужчиной в синей рубашке, который держал в руках целую охапку коробок.

– О, как раз вовремя! – сказал он, входя в дом. – С Днем Благодарения вас обеих! – проговорил мужчина радостно, сгружая коробки на стол. – В этой большой коробке – индейка, разумеется, уже готовая. Здесь – картофельное пюре; в том контейнере подлива. Ах, да, тут тыквенный пирог и вот еще пирог с пеканом...

Уши мои словно внезапно забило ватой. Я больше не слышала ни слова из того, что он говорил. Я ощущала аромат индейки, гарниров, всей этой восхитительной еды. Я видела наш маленький стол, заваленный коробками.

– В общем, приятно вам праздника Благодарения. А теперь, мэм, распишитесь за доставку. – И он передал маме ручку и посмотрел на меня. Никогда в жизни я не видела таких ярких голубых глаз.

Уходя, посыльный коснулся моего плеча и сказал:

– Благослови тебя Боже, дитя мое.

Я стояла как громом пораженная, а он вышел из дома и закрыл за собой дверь.

Мне потребовалась пара секунд, чтобы выйти из ступора, а потом я метнулась за ним следом. Кто он такой? Кто прислал нам этот праздничный ужин? Должно же быть этому какое-то объяснение. Я выскочила на веранду, сбежала по ступеням, но поскользнулась и упала на обледеневшем крыльце. Поднялась, добежала до ворот в конце бетонной дорожки, вылетела на тротуар... Там не было ни одной машины.

Когда я вернулась, при тусклом утреннем свете стала заметна одна странность. На инее, покрывшем нашу дорожку, виднелась только одна цепочка следов. Я подошла ближе. Да, мои следы были единственными в нашем дворе.

Всякий раз, когда мне начинает казаться, что Бог слишком далеко, я вспоминаю тот День Благодарения и ангела, которого Бог послал, чтобы остудить мой гнев. Тот ангел – а я не сомневаюсь, что это был он, – показал нам, что Бог достаточно любит людей, чтобы посылать нам пищу в час нужды и возвращать веру в девичье сердце.

Синтия Билык

На глубине

Явился же Ему Ангел с небес и укреплял Его.

Евангелие от Луки, 22:43

Мы с младшей сестрой проводили летние каникулы у дяди и тети. Я еще не умела плавать и не сознавала, какие опасности может таить река. Меня предупредили, что надо держаться ближе к берегу. Но пока дядя и тетя отдыхали на берегу вместе с моей сестрой и кузенком, меня манила прохладная вода.

У меня не было ни детского круга, ни жилета, и вдруг я перестала нащупывать ногами песчаное дно. Как же я оказалась посередине реки?

Боясь, что меня накажут и больше не разрешат сюда ездить, я не стала звать на помощь. Такие мысли могут показаться ужасно глупыми, но мне было всего семь лет и я была очень застенчивым ребенком.

За считанные секунды я дважды ушла под воду с головой и начала захлебываться. Голосов людей на берегу почти не было слышно. Когда меня снова потянуло вниз, откуда-то появился красивый светловолосый мужчина. Он плыл совсем рядом, улыбался, и у него были яркие голубые глаза. Никто из нас не произнес ни слова. Он прижал указательный палец к губам, показывая, что никому не расскажет, как я тонула. От этого мне сразу стало легче. В моем сознании прозвучали слова: «Все будет хорошо».

Рядом больше никого не было, этот человек не дотронулся до меня даже пальцем – но в мгновение ока я очутилась у берега! Мои ноги коснулись дна, и голоса людей на пляже стали отчетливей. Мои близкие сидели на том же месте, ни о чем не догадываясь. Я оглянулась, ища голубоглазого незнакомца. Он исчез! Я не могла понять, что случилось. Как так – прошло всего несколько секунд, а я больше не тону? Как я могла благополучно попасть обратно на берег, не сделав никакого движения? И почему исчез этот таинственный мужчина? Я же хотела сказать ему «спасибо»...

Я скрывала свою тайну сорок лет, пока не поняла, что этот голубоглазый человек был моим ангелом-хранителем. Уже почти в пятьдесят я наконец рассказала маме о том происшествии на реке. Она расстроилась, что я не позвала на помощь, и подивилась, как мне хватило выдержки никому не рассказывать об этом случае.

Откуда было мне, маленькой, понять, что произошло на той реке! Однако в последующие годы я не раз попадала в опасные и даже угрожающие жизни ситуации, исход которых не всегда можно было объяснить обычной логикой. Я просто знала, что не одна. Бог всегда присылал моего ангела в нужный момент. Он больше ни разу не являлся в том обличье, в каком был в той реке, но я ощущала его присутствие и слышала в своих мыслях голос: «Все будет хорошо».

В детстве моей любимой молитвой была та, что обращена к ангелу-хранителю. Даже сейчас, став бабушкой, я всегда завершаю свои молитвы обращением к нему: «Ангел Божий, мой святой хранитель, для защиты мне от Бога данный, молю тебя просвещать меня сегодня, от всякого зла сохранить, на творение добрых дел наставлять и на путь спасения направлять. Аминь».

Конни Милардович-Вагг

Безымянная могила

Страннолюбия не забывайте, ибо через него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам.

К Евреям, 13:2

Сидя в тесном кресле самолета, я закрыла глаза. Пока реактивный лайнер нес нас через Атлантический океан, мои мысли вернулись к тем временам, когда мне было четыре года и я жила в крохотной английской деревушке.

Я восхищалась своим братом Сонни, красавцем, моряком британского военно-морского флота. Он сражался во Вторую мировую, а после войны служил в Гонконге, который был его самым любимым местом на земле. Я с любовью выводила на конвертах «ГОНКОНГ» – первое слово, которое я научилась писать сама.

Но позже отношения Сонни и его семьи с нашими родителями стали натянутыми. За двадцать лет мы с ним виделись всего пару раз. Я перебралась жить в США, но часто навещала свой родной городок в Англии. В этот приезд мы встретились с моей двоюродной сестрой и ее мужем. Мы болтали в машине, проезжая через сырое и ветреное графство Норфолк.

– А ведь где-то здесь похоронен Сонни, – сказала я в какой-то момент.

– Разве тебе не известно, где его могила? – удивилась кузина Бренда.

– Нет. Ведь мама умерла в том же году, но раньше, а больше с ним никто не общался.

– Как это печально, когда семьи распадаются!

– Я помню название больницы, где он умер. Это недалеко от Кромера, так что, думаю, он похоронен где-то рядом, – предположила я.

Мы решили разыскать его могилу – и посвятили поискам целый день. Для начала мы навели справки в городском бюро регистрации, но не нашли никакого Джеймса Артура Гудвина – таково было настоящее имя Сонни.

Ветер усиливался, пока Бренда, ее муж Тони и я методично изучали надписи на надгробиях нескольких местных кладбищ. Безуспешно.

Мы ехали дальше, мимо коттеджей с соломенными крышами и деревенских садов.

– Смотри, вот большое кладбище, – сказала Бренда, указывая на

черно-белый знак.

Мы снова уныло бродили взад-вперед под холодным мелким дождем среди аккуратных надгробий и памятников. Белокурый смотритель проехал мимо нас на маленьком тракторе, остановился и заглушил мотор.

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – спросил он.

– Я ищу могилу своего брата, – объяснила я. – Он умер в больнице недалеко отсюда.

Смотритель улыбнулся.

– У меня есть ключ от этой часовни, – он указал на здание рядом с кладбищем. – Здесь ведут записи обо всех похоронах. Если вы знаете, когда умер ваш брат, я могу посмотреть в книге регистрации, покоится ли он здесь.

– Насколько я знаю, это было в январе 1982 года, – бормотала я, чуть задыхаясь, поскольку угнаться за трактором было нелегко. Смотритель всунул огромный ключ в дверной замок. Он повернулся с лязгом, и дверь медленно отворилась.

Внутри часовни на полке, покрытой пылью и дохлыми мухами, лежала большая бухгалтерская книга. Смотритель сдул с нее пыль, открыл на страницах, относившихся к 1982 году, и пробежал пальцем по столбцам имен.

– Да, вот он – Джеймс А. Гудвин. Могила номер 136.

– Какое счастье! – тихо проговорила я. – Наконец-то я нашла его.

Мы пошли вслед за смотрителем к могиле под номером 136 – и увидели неухоженный прямоугольник.

– Тут же нет имени! – ахнула я. – Не могу поверить, что родственники так и оставили его в безымянной могиле!

От рыданий у меня перехватило горло. Мой брат зарыт здесь, один, покинутый всеми, без всякого надгробия. Не было даже вазы с искусственными цветами!..

Мы поблагодарили смотрителя, и он уехал на своем тракторе куда-то за церковь.

Бренда смахнула слезу.

– Может, найти изготовителя памятников и заказать памятный знак с его именем?

– Как раз об этом я и думала, – кивнула я. – От моего отпуска осталась всего пара дней, так что придется поторопиться.

Поплутав по улочкам Кромера, мы нашли мемориальную мастерскую. Я выбрала мраморную вазу и заказала гравировку имени брата. Мастер сказал, что она будет готова через пару месяцев.

Я вернулась в Штаты, где моя жизнь потекла дальше своим чередом. Однажды днем мне позвонила Бренда.

– Мы только что вернулись из Кромера, – сообщила она мне.

– На кладбище ездили?

– Да, но ты не поверишь!.. – Она на секунду умолкла. – Мы подошли к могиле Сонни – и именно в этот момент тот же самый смотритель выгружал из машины мраморную вазу!..

– Не может быть! Поразительно! – воскликнула я. – Он что-нибудь сказал?

– Он произнес: «Просто совпадение», – а потом вернулся к своей машине и уехал, – добавил Тони.

– Мы хотели поблагодарить его, и я позвонила в церковь, чтобы узнать, как с ним связаться, – продолжала Бренда.

– Тебе дали его номер телефона?

– Мне сказали, что у них нет светловолосых смотрителей. У человека, который последние двадцать лет стрижет траву на кладбище, темная кожа и черные волосы.

По моей коже побежали мурашки. Я вдруг вспомнила, что не называла смотрителю имени своего брата, когда он искал номер могилы в пыльной регистрационной книге.

– Думаю, мы повстречали ангела, – наконец выговорила я.

– Мы тоже так думаем, – прошептала Бренда.

– Удивительно! Он нашел для нас Сонни.

– Аминь!

Розмари Гудвин

Воины Господни

Ангел Господень ополчается вокруг боящихся Его и избавляет их.

Псалтирь, 34:7

Струйки пота сбегали по моей спине. Стоял жаркий августовский день, и это была моя первая заупокойная служба в новой конгрегации. Господу было угодно отправить меня в многонациональный церковный приход на Гавайях, в сельскую общину на сахарных плантациях.

– Нам бы не помешал вентилятор, – пробормотал я. Пот заливал глаза.

Мужчины потели в своих лоснящихся, сильно поношенных, надеваемых только на похороны костюмах. На мне была обязательная по регламенту тяжелая белая роба священника с вышитыми гавайскими мотивами.

Служба шла как обычно. Родственники и друзья делились трогательными рассказами и цветистыми историями.

Пришла моя очередь. Поднимаясь на кафедру, я посмотрел на собравшихся. Среди лиц, ободряюще улыбавшихся мне, я увидел и старомодных типов, этаких самураев, которые присутствовали на службе только ради семейного долга. Они смотрели на меня равнодушно, но язык их тел – со скрещенными на выпяченной груди руками – буквально кричал: «Попробуй произвести на меня впечатление, новичок».

Я мысленно взмолился: «Господи, передаю службу сию в руки Твои». А затем перешел к хорошо подготовленной евангельской проповеди, достойной самого преподобного Хайрама Бингема:

– Никто не знает, когда смерть способна нанести удар...

Не успели эти слова слететь у меня с языка, как пожилой джентльмен в третьем ряду рухнул со скамьи. Я застыл, как громом пораженный. Органистка, которая была по совместительству медсестрой, бросилась оказывать помощь. Дьякон направился к телефону, чтобы набрать 911.

Моя первая мысль была: «Только не надо умирать здесь, посреди моей так хорошо подготовленной службы!»

Прихожане зашевелились, сдвигая скамьи в сторону, чтобы освободить для упавшего место на полу. Я понимал, что должен что-то сделать. Но что? Люди смотрели на меня, ожидая инструкций; однако беспомощность и

отчаяние охватили мою душу.

Я склонил голову и стал молиться: «О Господи, помоги мне!»

Подняв взгляд, я, к своему удивлению, увидел у задней стены церкви две гигантские фигуры, возвышавшиеся от пола до потолка. Это были не какие-нибудь хорошенькие херувимчики, а суровые воины в доспехах, с мечами, бородами и шлемами. Я понял, что это ангелы Господни, те самые, что поразили 185000 ассирийцев, согласно книге Исаии, 37:36.

Ангелы излучали силу, влияние, властность, опыт и авторитет. Но у меня было ощущение, что они приглушили свое сияние, словно прикрутив регулятор. Стоя со сложенными руками, они могли в любой момент явить свое ослепительное присутствие в полной мере.

Воодушевленный ангельской поддержкой, я ощутил сверхъестественную способность взять в свои руки контроль над ситуацией.

– Братья и сестры, мы должны помолиться, – скомандовал я с новой для себя властностью. Все склонили головы, и мы начали почтительно молиться за пострадавшего, равно как и за всех болящих.

Во время молитвы прибыли спасатели. Они дали мужчине кислород, оценили его состояние и сделали вывод, что он упал в обморок из-за жары.

Люди пожимали мне руку и благодарили, хваля меня за силу духа и умелое руководство.

А я восхвалял Бога и ангелов Его.

Дэвид Милотта

Четвероногий хранитель

Да услышит тебя Господь в день печали, да защитит тебя имя Бога Иаковлева.

Псалтирь, 20:1

Окруженный пологими зелеными холмами, на которых цветными пятнышками разбросаны лошади и коровы, пастуший городок Уаймиэ на Большом острове Гавайев – местечко мирное и дружелюбное. Однажды, приехав туда в гости к друзьям, мы с мужем отправились на прогулку по проселочным дорогам, где машин – раз, два и обчелся.

По дороге мы встретили красивого золотистого ретривера, явно домашнего, но без ошейника. Он показался нам необыкновенно милым, и мы остановились поиграть с ним, бросая палку, которую он с радостью приносил обратно. Когда мы с мужем пошли дальше, он последовал за нами. Я забеспокоилась, что пес может уйти слишком далеко от своего дома, но его общество нам нравилось. Между нами и этой восхитительной собакой сразу возникла симпатия, и мы даже решили взять его к себе, если окажется, что он ничей.

Спустя двадцать минут мы обнаружили, что шагаем по незнакомой местности, а наш золотистый друг по-прежнему нас сопровождает. Холмистые луга поднимались вверх за изгородью по одну сторону дороги, а по другую шли дома, стоящие на комфортном расстоянии друг от друга. Один дом, почти скрытый кустарником и тенью высоких деревьев, выглядел пугающе. Я даже передернулась, когда мы миновали его. Захотелось оказаться как можно дальше от этого места.

Вдруг дверь дома заскрипела, распахнулась, – и пять псов вылетели наружу, лая и рыча, прямо на нас. Я остолбенела от ужаса. Прятаться было негде, а спастись бегством мы бы не успели.

И тут наш новый друг встал между собаками и нами. Он встретил их – всех пятерых – рычанием и оскалом. Я с изумлением увидела, как нападавшие псы застыли точно вкопанные. Наш защитник удерживал их, пока мы торопливо шагали вниз по дороге. Оказавшись на безопасном расстоянии, мы оглянулись и увидели, что пять собак возвращаются в свой дом.

Но золотистого ретривера нигде не было.

На дороге снова стало тихо.

У меня защемило сердце; я уже скучала по нашему другу. Интуитивно я знала, что он не пострадал.

С ощущением пустоты мы вернулись домой, всю дорогу надеясь, что снова увидим нашего доброго самаритянина. Но этого не случилось.

Когда я рассказала нашей подруге об этой встрече, она широко раскрыла глаза и воскликнула:

– Это был ангел!

И по сей день я в этом не сомневаюсь. Четвероногий ангел защитил нас.

Дженнифер Крайтс

Парковая скамейка

Бог – это сфера, центр которой находится везде, а окружность – нигде.

Эмпедокл

Хотя естественный ход жизни должен был подготовить меня к тому, что мой любимый дедушка когда-нибудь умрет, я никогда не позволяла себе об этом думать. Всю свою жизнь дедушка, казалось, бросал вызов общепринятым нормам старения. Бодрый, искренний, крепкий человек с острым живым умом, он оставался моим наперсником, наставником и лучшим другом, даже когда ему было далеко за девяносто.

Но однажды, через пару минут после того, как мы поговорили по телефону, он скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг, оставив меня с опустошенным сердцем.

Дедушкино красноречие и прекрасные манеры привлекали к нему внимание повсюду, где бы он ни появлялся. В ресторане, в супермаркете или в клинике людей так и тянуло к нему, и я обожала ходить с ним куда-нибудь. Он жил в согласии с молитвой безмятежности, принимая то, что нельзя изменить, и отважно стараясь улучшить то, что изменить возможно. Еще в детстве я чувствовала, что он повинуется Высшей Силе. Его пример всегда был для меня величайшим даром.

Я была его первой внучкой. Дедушка меня не баловал, но я всегда чувствовала его особое отношение.

После его смерти я словно лишилась всех телесных чувств. Я тосковала целыми днями, а по ночам меня мучали мысли о нем. Я не могла осознать, что его больше нет. Он больше никогда не войдет в комнату, не ответит на звонок, не сядет со мной за стол...

Чтобы спастись от душевной муки, я ходила гулять. Я старалась за день довести себя до физического изнеможения, чтобы по ночам просто проваливаться в сон.

Вскоре эти прогулки стали привычной рутинной. Я быстрым шагом проходила пару миль до парка по соседству и отдыхала на скамейке возле пруда с утками. На такую же скамью на противоположной стороне пруда садился пожилой мужчина. Мы ни разу не заговорили друг с другом, но я чувствовала, что мы оба ищем покоя в молчании.

Шли месяцы, и эти прогулки начали успокаивать мое сердце. Старик курил трубку, и запах табака переносил мне в счастливые прежние времена, потому что у дедушки тоже была трубка. Я вспоминала, как мы с ним вместе читали воскресные комиксы, играли с деревянными кубиками и рассказывали сказки, поедая консервированные фрукты.

Потом мою память заполнили другие образы. Окончание школы, праздники, дни рождения и летние каникулы – все это оживало перед моим мысленным взором, пока я сидела на парковой скамейке. По-прежнему ни я, ни старик на другой стороне пруда не произносили ни слова. Но я понимала, что мое постепенное исцеление связано с этими минутами, проведенным на скамейке.

Однажды я проснулась и почувствовала, что давящая тяжесть у меня на сердце куда-то исчезла. В ту ночь мне приснился мой любимый дедушка. Правда, он выглядел растерянным и взволнованным. Я не могла понять, что означает выражение его лица, хотя явно видела его прежде.

Меня осенило позже – в тот же день, когда я снова села на парковую скамейку. Там, среди облаков ароматного табачного дыма, который выпускал из трубки мой безмолвный компаньон, я вспомнила! 35 лет назад дедушка ездил в Ирландию. Я не хотела расставаться с ним и вела себя ужасно – плакала и кричала, что буду по нему скучать. Он расстроился, и на его лице появилось то же выражение, что и в моем сне.

– Почему ты так себя ведешь? – спросил он. – Я ведь уезжаю ненадолго. Скоро мы снова увидимся. Перестань плакать.

Оглядываясь на себя в этот последний год, я почти слышала ту же отповедь, но в ней звучал новый оттенок. Теперь дедушка словно говорил: «Отпусти меня. Я наконец вернулся домой и счастлив. Но ты меня беспокоишь. Твое время еще не пришло. Когда ты будешь готова вернуться сюда, я буду ждать тебя. Я всегда жду тебя».

Эта мысль поразила меня, точно молния. Не знаю, сколько я просидела на той парковой скамейке. Наконец, когда солнце уже садилось, я застегнула куртку и пошла домой – и только тогда заметила, что старик исчез.

С того дня я продолжала сильно скучать по дедушке, но мне было уже не так тяжело. Я даже могла улыбаться, вспоминая его идеальную дикцию, прямую осанку и мудрые слова. Я продолжала гулять по парку, но больше ни разу не встречала того старика.

Однажды я спросила смотрителей парка, не видели ли они его.

Все трое переглянулись и с сомнением посмотрели на меня. Наконец один из них сказал:

– Мы не понимаем, о чем вы говорите, мисс. Мы весь этот год наблюдали, как вы каждый день садитесь на одну и ту же скамейку. Но вы всегда были в одиночестве. Мы ни разу не видели здесь никакого старика.

Барбара Дейви

Сторож брату моему

И сыновей твоих Я спасу.

Исаия, 49:25

Это случилось почти двадцать пять лет назад, когда моему брату было три года, а мне шесть. Мы гостили у бабушки, и я потихоньку ускользнула в ее спальню, чтобы поиграть. Мой брат Райан, который повсюду ходил за мной хвостиком, и в этот раз увязался следом. Мне не пришлось долго искать желаемое: маленькая бутылочка красного лака для ногтей стояла на виду на пыльном дубовом трюмо.

Я уселась на пол в проеме открытой двери и принялась красить ногти. Как обычно, эта работенка оказалась грязной. К тому времени, когда я наполовину справилась с поставленной задачей, запах лака окружал меня густым облаком. Мне много раз говорили, чтобы я не смела этого делать, так что каждые несколько секунд я бросала взгляд в коридор, чтобы удостовериться, что бабушка не появилась на горизонте.

Райан развлекался за моей спиной, используя старомодную пружинную кровать как трамплин. «Скрип! Скрип!» – громко жаловалась она под его весом.

Я заканчивала красить ногти, когда мне показалось, что кто-то легонько похлопал меня по плечу.

Мы с Райаном были одни в комнате, так что я повернулась, рассчитывая увидеть брата.

Как ни странно, его рядом не было.

– Ты где? – спросила я у пустой комнаты.

Думая, что Райан залез под кровать, я приподняла простыни и опустилась на колени, готовая выкрикнуть «Я тебя нашла!» – и ужасно удивилась, не найдя его.

Я забеспокоилась и начала распахивать дверцы шкафов, лихорадочно ища младшего братца. Все это время я просидела на пороге, поэтому была уверена, что из комнаты он не выходил.

Готовясь открыть последнюю дверцу, я снова почувствовала похлопывание по плечу, на этот раз более настойчивое. Я развернулась – и увидела ножки брата, свесившиеся с подоконника спальни! Это был второй этаж!

Мое сердце помчалось вскачь. Я бросилась к брату, сходя с ума от страха, что не успею вовремя.

Но я успела. Схватив Райана и втягивая его обратно с силой, которой сама от себя не ожидала в свои шесть лет, я благополучно перетащила его через подоконник обратно в комнату. Тяжело дыша, мы оба рухнули на пол.

Я испытала такое невероятное облегчение, что мы просто долго-долго сидели обнявшись.

Я, мой брат и его ангел-хранитель.

Ромона Олтон

Человек дождя

*Золотые мгновенья в потоке жизни мчатся мимо нас,
а мы ничего не видим, кроме песка;
нас навещают ангелы,
а мы узнаем их только тогда, когда они уходят.*

Джордж Элиот

Несколько дней ливень то унимался, то вновь припускал с удвоенной силой. В Сан-Антонио, штат Техас, каким бы желанным ни был дождь, такое количество осадков просто опасно. Дороги быстро затопляет, растет число жертв наводнения, травмированных и погибших.

Моя свекровь пригласила нас к себе на ужин, и мы пробыли у нее большую часть дня. С нами были трое из наших пятерых детей: подросток Райан и две маленькие дочки, Алана и Рейчел. Две другие дочери проводили вечер у подруг.

Когда мы отправились домой на другой конец города, только начинали сгущаться сумерки и дождь немного утих. Но чем ближе мы подъезжали к центру города, тем сильнее он становился.

– Алан, может быть, нам лучше поехать по шоссе 281? – сказала я, думая, что на скользких центральных улицах больше шансов попасть в опасную ситуацию. Я нервничала больше обычного, потому что недавно пережила связанную с дождем аварию, после которой моя машина не подлежала восстановлению. Сегодня мы ехали на нашем новом «универсале».

Но на сей раз за рулем сидел мой муж.

– Все будет в порядке, – заверил он. – Так мы быстрее доберемся, а я уже хочу домой.

В деловом центре города повсюду шло строительство. Стены по обе стороны от шоссе ужасно нервировали меня. Во время недавней аварии грузовик вылетел на встречную полосу и швырнул мой маленький минивэн на одну из этих стен. К счастью, никто не пострадал.

Впереди с эстакады стекала вода – таким мощным потоком, что, казалось, там бушует настоящий водопад. Машины замедляли ход, но никто не останавливался. Не было ни одного предупредительного знака об

опасности затопления. Я попросила Алана развернуться, но ехать здесь можно было только прямо. Он снова уверил меня, что все будет в порядке.

Поток, лившийся с эстакады и барабнящий по крыше, звучал как град из бейсбольных мячей. Я затаила дыхание и боялась вздохнуть, пока мы не перебрались на другую сторону.

Едва вынырнув из-под моста, мы увидели, как машины перед нами сносит водой. Некоторые водители уже выбрались из своих автомобилей и пытались вытолкнуть их с проезжей части. Алан решил выйти, чтобы помочь им, но не смог открыть дверь – ее удерживало давление прибывающей воды.

Алан вылез через окно. По пояс в воде он двинулся вперед, чтобы помочь другому водителю, но через считанные секунды вода стала заливать мои ступни.

– Алан! – завопила я. В этот момент наша машина качнулась: вода приподнимала ее то с одной стороны, то с другой. Девочки плакали. Одна из них закричала:

– Мы утонем!

Я расхохоталась – скорее нервно, чем весело – и сказала им, что мы не утонем. Все будет прекрасно.

Райан был явно обеспокоен, но помалкивал.

Муж вернулся к нам, и я передала ему через окно Алана. Райан вылез сам через боковое окно. Вода быстро поднималась, и я не успевала выбраться из машины с Рейчел на руках. Райан оказался по другую сторону, и у него не было времени обойти машину, чтобы помочь мне.

Казалось, все происходит как в кино, в замедленной съемке.

И тут откуда ни возьмись появился высокий смуглый мужчина без рубашки, с черными кудрявыми волосами. Он взял у меня Рейчел, и я смогла вылезти, плюхнувшись в воду, которая уже доходила мне до подмышек. К счастью, сильного течения не было – его сдерживали возведенные при строительстве стены.

Я не помню, как незнакомец передал Рейчел обратно, но в следующий миг дочка уже была у меня на руках. Я повернулась, чтобы поблагодарить спасителя, но его и след простыл.

Я спросила Алана, не видел ли он, куда пошел этот мужчина. Алан удивился:

– Какой мужчина?

Я точно знала, что он мне не пригрезился, но нам нужно было поскорее уходить, так что я тут же о нем позабыла.

Люди поспешно карабкались на мост. Мы присоединились к ним как

раз вовремя, чтобы увидеть, как крыша нашей машины полностью скрылась под водой.

Поблизости была больница, и хотя никто из нас не пострадал, мы отправились туда, чтобы высушить одежду. Потом мы вызвали такси и поехали обратно к маме, потому что в наш район машины не ходили.

На следующий день, когда мы наконец сумели попасть домой, Рейчел спросила меня:

– Мамочка, а что стало с тем человеком?

– С каким человеком, Рейчел? – не поняла я.

– С тем, который держал меня на руках в воде.

– Не знаю. Я хотела сказать ему спасибо за то, что он помог нам, но не смогла найти.

– С ним было так безопасно и тепло, – задумчиво проговорила она, – и он был весь наполнен светом.

Я спросила, что она имеет в виду, но она только повторила те же слова.

Тогда я поняла, что это ангел был послан помочь нам в тот дождливый вечер в Сан-Антонио.

Кэтлин Райс Кардон

В холодную зимнюю ночь

Ибо Ты каменная гора моя и ограда моя; ради имени Твоего води меня и управляй мною.

Псалтирь, 31:3

Закончилась моя последняя рабочая смена на этой неделе. Я мечтала добраться до дома, сбросить рабочие туфли и отдохнуть. Попрощавшись с другими медсестрами, я вышла на улицу.

Мороз стоял такой, что было видно, как в воздухе парят кристаллы инея. Подходя к машине, я заметила одну из своих коллег на автобусной остановке. Я подумала, что потрачу всего несколько минут, если подброшу ее до дома. Было слишком холодно, чтобы стоять на улице. Я не знала, где она живет, но была уверена, что смогу потом найти дорогу домой.

По пути мы разговаривали о работе и не успели оглянуться, как уже были на месте. Поднимаясь по ступенькам, она обернулась.

– Ты знаешь, как выбраться отсюда?

Я заверила ее, что все будет в порядке:

– А что тут трудного? Я просто вернусь обратно той же дорогой.

И я пустилась в путь. Все вокруг выглядело незнакомым, но поначалу это меня не тревожило, поскольку я никогда прежде не бывала в этом районе. Я продолжала вести машину, но вскоре мне стало не по себе. Я ничего не узнавала – ни домов, ни названий улиц, – но велела себе сохранять спокойствие. Я была уверена, что в конце концов смогу выехать на знакомую улицу и скоро буду нежиться в своей постели.

Дома кончились. Улицы тоже. Пропали даже фонари. Я уже не понимала, куда еду: из города или обратно в город. Мне попались два моста, которых я никогда раньше не видела. Мне стало стыдно. Как можно быть такой дурой? Муж, наверное, беспокоится и не может понять, куда я подевалась. Я бросила взгляд на часы – полтретьего ночи. С работы я ушла в половине двенадцатого.

Поистине я оказалась на неведомых дорожках. Как я могла так вляпаться!

Я остановилась, решив, что надо подумать и оценить положение. Это была одна из самых холодных ночей за много лет. Запас топлива таял. Что мне делать? Можно было, конечно, ехать дальше – но какой в этом смысл,

если я не имею ни малейшего понятия, куда еду?

Я могла припарковаться на обочине, сэкономив остаток бензина, и ждать, пока меня найдут. Можно периодически заводить машину, чтобы согреться – на это топлива хватит.

Признав свое поражение, я уткнулась лбом в руль и попросила о помощи. Искренняя молитва исходила из самой глубины моего существа: «Пожалуйста, Боже, помоги мне выпутаться из этого кошмара!»

В то время моя жизнь была непростой, и моя вера ослабела. Оглядываясь назад, я понимаю, что молилась не только о своем заблудившемся физическом теле, но и о заблудшей «эмоциональной сути».

Я подняла голову и разглядела на дороге какую-то тень. Прежде ее там не было. Я включила фары – это оказалась машина. Она не двигалась, просто стояла чуть поодаль в полной тьме. Я подъехала ближе и увидела силуэт человека, сидящего в машине!

Что делает человек в машине на безлюдной дороге в половине третьего ночи? Может быть, это ответ на мою молитву?

Я нерешительно вышла на дорогу и постучала в водительское окно. Пожилой мужчина медленно опустил стекло. Он не произнес ни слова.

Я сказала:

– Я заблудилась и не знаю, как попасть обратно в город.

Все так же молча он поднял стекло, включил зажигание и поехал вперед.

Я бегом бросилась к своей машине, моля Бога о том, чтобы этот человек не обманул мое доверие, и поехала следом за ним.

Наконец я узнала знакомую улицу. Поворачивая в сторону дома, я потеряла из виду своего ангела-хранителя. В душе я догадывалась, что это было чудо. Когда я парковала машину возле дома, погасла сигнальная лампочка, предупреждавшая о том, что бензин заканчивается.

Это происшествие было таким удивительным и странным, что долгие годы я никому о нем не рассказывала. Оно подарило мне надежду и показало, что чудеса действительно случаются. После этого я стала молиться чаще и уверовала, что Бог действительно присутствует в моей жизни. Мне нужно было только «попросить».

Когда я наконец рассказала свою историю одной женщине, она мудро заметила, что, возможно, я сама была ответом на молитвы того мужчины. Почему он сидел в машине посреди ночи, в безлюдном месте, с выключенным двигателем? Может быть, он тоже молился, прося Бога дать ему, старику, цель в жизни? Ее слова заставили меня задуматься: ведь жизнь – это круг, и, возможно, мы с ним помогли друг другу.

Дебра Мэнфорд

Ангел свиной отбивной

Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословивший нас во Христе всяким духовным благословением в небесах.

К Ефесеянам, 1:3

Всякий раз, жаря свиные отбивные, я вспоминаю ее лицо и доброту. Я познакомилась с ней на бензозаправочной станции на шоссе I-75 в 1968 году. Я была молода, состояла в браке с ужасным человеком и находилась на солидном сроке беременности. Единственное, о чем я мечтала, – добраться до дома своей сестры к Рождеству.

Мы с мужем тронулись в путь ранним утром. Он уверял меня, что мы доедем до места, несмотря на лысые покрышки и единственную канистру бензина. У нас не осталось ни еды, ни денег. Я хотела почувствовать себя нормальным человеком, поболтать и посмеяться с сестрой – а еще снова ощутить сытость в желудке.

На полдороги между надеждой и отчаянием покрышка все-таки лопнула. Мой муж остановил проезжавшего мимо автомобилиста, который отвез его на заправочную станцию, чтобы починить колесо. Пока я сидела в машине на обочине шоссе, у меня была куча времени, чтобы поразмыслить обо всех событиях и решениях, которые привели меня к этому моменту моей жизни. Я сожалела о своем поспешном браке, но понятия не имела, как помочь самой себе. Мало того – я проголодалась так, что казалось, вот-вот отдам концы. Прошло двадцать часов с тех пор, как я ела в последний раз, и мой неродившийся ребенок недовольно лягался.

Наконец муж вернулся вместе с добросердечным незнакомцем, который оттащил нас на буксире на заправочную станцию. Этот щедрый человек заплатил и за починку колеса, и за бензин – за все. Я по-прежнему умирала от голода, но выпрашивать еще и еду мне было стыдно.

В это время к заправке подъехала машина, и из нее вышла красивая темнокожая женщина. В руках она держала электрический сотейник. Я едва не упала в обморок от вкусного запаха, исходившего из этой посуды. Мы с ней перебросились парой слов, и она подошла ближе.

– Дорогая, судя по вашему виду, вам не помешало бы хорошенько поесть, – сказала она нежным и убедительным голосом.

– Да, на самом деле я ужасно голодна, – призналась я, пожирая глазами ее сотейник.

– Да уж, ведь вам приходится есть за двоих, – она улыбнулась, смерив взглядом мой живот.

– Если уж на то пошло, мне кажется, я за двоих голодаю, – хмыкнула я, хотя это была правда.

– Вот, – она сняла с сотейника крышку. – Возьмите свиную отбивную. Запах мяса бил наповал.

– Но... – засомневалась я.

Не слушая возражений, она сунула еду прямо мне под нос.

– Спасибо вам! – чуть не выкрикнула я, залезая рукой в сотейник.

Когда мои зубы вонзились в нежное, пряное мясо, я поняла, что только что умерла и попала напрямиком в рай! А эта милая незнакомка могла быть только ангелом.

Она стояла рядом, цокая языком и выражая неодобрение в адрес мира, который позволяет молодой беременной женщине ходить голодной. Она была безжалостна в своем сострадании, обнимая сильной рукой мои плечи, пока я ела и всхлипывала от благодарности. Я съела четыре свиные отбивные, и они таяли у меня во рту, посылая теплые соки в мое тело и питая моего малыша.

Она была ангелом милосердия, который догадался, что большой и сильный молодой мужчина, который способен одним обаянием развести незнакомца на новую крышку и деньги, – не тот, кем кажется. Она видела, что я несчастна, что тоскую по дому и что мне и моему ребенку нужна помощь.

– Помните, – сказала она мне, – Бог поселил нас на этой земле не для того, чтобы мы были несчастны. Если есть что-то, что вы можете сделать, чтобы улучшить свое положение, – делайте это. Бог вас поддержит. Он пойдет перед вами, и Он будет вашим арьергардом.

Она всунула мне в руку двадцать долларов, села в свою машину и уехала.

Позже я спросила механика, не знает ли он, кто эта женщина.

– Которая? – не понял он.

– Ну вы же видели, – пояснила я, – та красивая женщина, что была со мной.

– Не понимаю, о чем вы толкуете, – фыркнул он в ответ. – Кроме вас, я сегодня никакой другой женщины не видел.

– Да она же стояла рядом со мной. Я съела почти все ее отбивные!

– Ну нет. Никаких таких женщин тут не было. А если бы рядом

оказались свиные отбивные, уж будьте уверены, я бы их учуял!

Я была в шоке. В самом деле съела ли я эти четыре отбивные? Не может быть, чтобы они мне привиделись. Мой желудок был полон, и я до сих пор чувствовала их потрясающий аромат.

Тогда я спросила мужа, помнит ли он эту женщину.

– Ты что, рехнулась? Ты стояла тут одна все это время. Мне уже тошно слышать твое нытье о том, как ты проголодалась.

Я покрепче сжала двадцатку в кулаке – и спрятала ее.

Эта пицца придала мне сил. Она мне не приснилась. Эта женщина была реальна.

Всегда найдутся те, кто скажет, что это лишь иллюзия, галлюцинация. Может быть, мой голод утолила надежда.

А может быть, это Бог в милосердии своем послал ангела, чтобы помочь мне и дать ощутить Его любовь.

Через несколько месяцев я наконец избавилась от своего мужа и стала первым человеком в своей семье, решившимся на развод. Некоторые начали относиться ко мне как к падшей женщине. Но после каждого оскорбления я думала о той сострадательной афроамериканке, которая щедро поделилась пищей с беременной белой женщиной на автозаправочной станции на сегрегированном американском Юге.

Она была права. Бог действительно шел передо мной.

И Он пребывает со мной с тех самых пор.

Джей Льюис

Ураган Айк

Из трудностей вырастают чудеса.

Жан де Лабрюйер

Когда в сентябре 2008 года ураган Айк нанес удар по побережью Техаса, моя жизнь изменилась навсегда. Приливная волна Айка пронеслась сквозь наш дом, точно бушующая река, уничтожив большую часть вещей и повредив здание.

У меня в голове вертелись мамины слова: «Все происходит не без причины и ведет к лучшему». Но что позитивного в катастрофе, уничтожающей твой дом?

Мы перебирали уцелевшие пожитки, и меня все больше охватывала печаль. Почему, когда мы эвакуировались, я не взяла свои школьные альбомы, дневники или детскую шкатулку для украшений? Эти частички моей жизни стали теперь частью гигантской горы мусора перед нашим домом. Я пыталась сосредоточиться на оставшихся вещах, а не на утраченных, но в глубине души очень страдала.

Многие годы я верила, что среди нас живут ангелы. У меня была коллекция ангелов, сделанных из разных материалов, и я разместила их по всему моему дому, чтобы помнить об их присутствии. Айк не смог одолеть их. Фигурки плавали из комнаты в комнату и мягко опускались на дно, целые и невредимые. С каждым найденным ангелом, покрытым слоем ила, но не пострадавшим, укреплялась моя вера.

Когда со мной связалась представитель нашей страховой компании, я с огорчением узнала, что это ее первая катастрофа за время работы. «Совсем "зеленая", – печально думала я. – Боже, неужели Ты не мог прислать нам человека с опытом?» Убирая в доме и ожидая визита страховщиков, я заметила пожилого джентльмена. Он наведаясь к моей соседке, а затем подошел к нашему дому. Он представился сотрудником страховой компании «Стейт Фарм» и сказал, что его жена, с которой он вместе работает, сейчас направляется к нам.

– Но мне говорили, что нам будет помогать молодая девушка, для которой все это в новинку, – озадаченно заметила я.

Словно в ответ на мои молитвы, он ухмыльнулся и сказал:

– Ее послали в другое место, а вы будете иметь дело со мной и моей

женой. Мы в бизнесе уже столько лет, что и не сосчитать, и проведем вас через все процедуры без особых хлопот.

Мне захотелось обнять его – я так и сделала в конце нашей встречи. Эти два страховщика, точно любящие бабушка и дедушка, подарили мне утешение в то время, когда я отчаянно в нем нуждалась. Они стали для нас сущим благословением, и я начала верить, что все, что ни делается, – к лучшему.

Но временами мой оптимизм омрачался сомнениями. Что нас ждет впереди? Где мы будем жить? Как нам возместить всю утраченную собственность? Масштабы этих вопросов подавляли меня. Пожив с месяц у свекрови, мы поняли, что должны арендовать квартиру поближе к нашему дому. После нескольких звонков риелторам и домовладельцам мы поняли, что слишком долго тянули: доступного жилья не осталось. Все, что сдавалось, было уже сдано, и хозяев квартир не радовало наличие у нас кошки и собаки.

Посреди охватившей меня паники что-то подсказало мне обратиться к Кейти, моей подруге и командиру отряда герлскаутов, в который входила моя дочь. После первого удара бури Кейти позвонила мне и сказала, что у ее родителей есть второй дом, расположенный в Сибруке, который не затопило. Она велела дать ей знать, если нам понадобится временное жилье.

Я позвонила Кейти.

– Не хотят ли твои родители сдать нам свой дом на длительный срок?

В тот же день Кейти все выяснила. Оказывается, ее мама Мэр молилась, чтобы ураган пощадил ее дом, и, если он останется цел, обещала Богу сделать с ним все, что Ему будет угодно. Когда Кейти спросила маму, можно ли нам снять дом, та почувствовала, что это и есть Божье решение.

Дом оказался полностью обставлен, и у нас были самые замечательные арендодатели, каких только можно пожелать.

Я замечаю нечто подобное и в жизни других людей, когда происходит какое-то тяжелое событие, например смерть в семье. На короткий период времени благодать окружает тех, кто был ближе всего к покойному. И хотя они скорбят, им часто бывает подарено чувство покоя и веры. В первые несколько месяцев после урагана я тоже ощущала эту благодать. Я чувствовала, что все сложится хорошо, даже посреди хаоса.

Всякий раз, когда у меня появляются мысли вроде: «Почему все это случилось с нами?», я вспоминаю ангелов, переодетых представителями страховой компании, и чудо, которое произошло, когда мы нашли дом в аренду. Я смотрю на какого-нибудь ангела из своей коллекции, уцелевшей

вопреки ярости Айка, и понимаю, почему так случилось. Эти дары, большие и малые, пребудут со мной вовеки как напоминание о том, что все происходит не без причины и ведет к лучшему.

Дон Стори

Глава 8

Повседневные чудеса

*Поминайте чудеса, которые Он сотворил,
знамения Его и суды уст Его.*

1-я Паралипоменон, 16:12

Повседневные чудеса

Где есть великая любовь, там всегда есть чудеса.

Уилла Кэсер

Встает солнце.

Обессиленная женщина плачет от радости, когда кричащего новорожденного кладут ей на грудь.

Отец счастливо улыбается, когда его малышка делает первые шажки.

Родители льют слезы благодарности, когда врач объявляет, что у их сына наблюдается полная ремиссия.

Жеребенок поднимается на дрожащих младенческих ножках.

Паук плетет свою искусную паутину, украшенную капельками росы.

Художник творит.

Облака сгущаются, пока не прольют свой долгожданный ливень на землю.

Цветы выпрямляются, распускаясь, и обращают свои личики кверху, хваля Бога.

Переноса камешек за камешком, человек умудряется сдвинуть гору.

Во сне скорбящая душа обнимает давно утраченного любимого.

Родитель, потерявший ребенка, вновь обретает радость – и проживает первый день без слез.

Белая рука пожимает чернокожую руку, и мы слышим: «Я понимаю...»

Морщинистая рука трогает гладкую маленькую ладошку: «Позволь мне помочь тебе».

Маленький ребенок заполняет пустоту в жизни пожилой соседки.

Неверующий говорит верующему: «Знаешь, твои слова не лишены смысла».

Старик, улыбаясь, смотрит в угол своей комнаты, куда прилетела компания ангелов, чтобы забрать его домой!

Солнце садится.

Повседневные чудеса! Пусть они не проходят мимо вас незамеченными.

Беверли Уокер

Неожиданные мелочи

*А найдя, созовет друг и соседок и скажет:
порадуйтесь со мною: я нашла потерянную драхму.*

Евангелие от Луки, 15:9

Он мерцал в отдалении, как маяк для усталых путников. Мы с Кейти были рады, что выбрались из городских джунглей невредимыми и медленно ехали к оазису, манившему нас из дымки... «Данкин Донатс»^[7]!

Вскоре мы были обсыпаны белым порошком и радовались, что выбрали сегодня одежду светлых цветов. Сходя с ума от сладких запахов, мы заказали кофе с собой. У них было особое предложение для самых больших порций. После некоторых манипуляций фирменная пластиковая кружка обрела свое место на моей приборной доске. Предвкушая следующую «пончиковую» остановку и гадая, будет ли этот кофе вкуснее от того, что он бесплатный, я снова выехала на федеральное шоссе. Мы направлялись на запад, в Индиану, к дому моей подруги.

Следующие два часа пролетели быстро – пока полный мочевого пузыря и опустевший бак не заставили нас остановиться.

– На этот раз плачú я, – заявила я, желая похвастать своей новой кредиткой. Протянув руку к заднему сиденью, я попыталась достать свою сумку... но ее там не было. Ридикюль из светло-коричневой кожи мог соскользнуть вниз, поэтому я вышла из машины и заглянула под сиденье. Я не особенно беспокоилась. Мы нигде не останавливались, так что украсть сумку никто не мог. Когда я расплачивалась за свою кофейную кружку, она точно была при мне.

Но перерыв все залежи мусора – конфетные обертки, старые газеты и половину карты нью-йоркской подземки, – я кое-что вспомнила. Пытаясь приладить новенькую кофейную кружку в центр приборной панели на парковке около «Данкин Донатс», я поставила сумку на крышу машины.

Сперва я даже удивилась, что сейчас ее там нет. Потом запаниковала, уверенная, что мой счет уже кто-то обчистил. Но что-то подсказало мне позвонить в «Данкин Донатс» – просто на всякий случай.

– Ох, слава Богу! – сказала служащая, когда я позвонила. – Мы как раз изучали содержимое вашей сумки, пытаюсь понять, как связаться с вами. Кто-то нашел сумку на парковке и передал ее нам.

Отказавшись от вознаграждения, хозяин закусочной выслал мою сумку экспресс-почтой на дом к моей подруге. Она прибыла на следующее утро без всяких потерь, кроме денег за пересылку.

Пару лет спустя в снежную зиму в центре Миннеаполиса у меня замигал индикатор бензобака, и я поняла, что должна остановиться – иначе рискую идти домой пешком. К тому времени я сменила большую сумку на маленькую с длинным ремешком, чтобы всегда держать ее при себе. Я заправила машину, убедилась, что сумка надежно висит у меня на шее, и поехала домой.

Но когда я вышла из машины, сумки на мне не было. Дежавю! Одиноким кожаным ремешком запутался в шарфе, оплетая его, точно лиана, но сумки и след простыл.

Я несколько раз обыскала машину – под сиденьями, между сидений, на них, – пока у меня не замерзли пальцы, а джинсы не промокли на коленях. Неужели я опять потеряла сумку?!

Понимая, что удача может и не улыбнуться мне во второй раз, я позвонила в банк и заблокировала кредитки.

Но я могла не беспокоиться. На следующее утро раздался звонок.

– Это Хайди Грош? Мы нашли вашу сумку в сугробе.

Похоже, когда я захлопывала дверцу, сумка зацепилась за нее и осталась снаружи. Она волочилась за машиной по снегу, пока не порвался ремешок. И снова все было цело, а нашедший отказался от вознаграждения.

Я всегда буду благодарна своим добрым самаритянам за напоминание о том, что чудеса не обязаны быть огромными. Они могут оказаться мелочами, которые неожиданно настигают тебя – и все заканчивается хорошо.

Я стараюсь распознавать маленькие чудеса в повседневной жизни и... приглядывать за своей сумкой.

Хайди Грош

Сколько стоит пенни

*Ты положил на него благословения на веки,
возвеселил его радостью лица Твоего.*

Псалтирь, 21:6

Вместо торопливых приготовлений к рождественским праздникам моя семья принимала торопливые решения в связи с предстоящей панихидой. Узнав о смерти моей мамы 21 декабря, мы с мужем попытались взять билеты на самолет в мою родную Британскую Колумбию. Из-за надвигавшихся праздников, зимних бурь и отмены рейсов расписание представляло собой сущий кошмар. В конечном итоге нам удалось достать билеты на рейс, который вылетал в канун Рождества.

Собирая вещи, я вспоминала о последнем телефонном разговоре с мамой. Она хотела рассказать мне о рождественской открытке, которую получила годом раньше от любимой и уже покойной тети. В открытку был вклеен единственный пенни, его сопровождало стихотворение о монетках с небес. Там говорилось, что, когда твой ангел на небе скучает по тебе, он бросает вниз однопенсовую монетку, чтобы развеселить тебя. Поэтому, напоминал стишок, не проходи мимо лежащих на земле пенни, когда тебе грустно.

Каким печальным будет это Рождество, думала я, плача и собирая вещи. Другие путешественники сияли от радости, а мы прибыли в аэропорт Келоуны в половине второго рождественской ночи с тяжелым сердцем. Меня, моего мужа Билла и наших двоих детей встречала тетя Карен, мамина сестра. После первых приветствий и поцелуев мой пятилетний сын Картер сказал:

– Смотри, мамочка, вон лежит пенни!

Для маленького мальчика найти монетку – событие волнующее и радостное. А я вспомнила стихотворение, и мне показалось, что мама тоже здесь и встречает нас, как делала всегда, когда я приезжала.

Во время панихиды я рассказала об этом стихотворении и о найденном пенни. Позже люди говорили мне, что с тех пор, думая о моей маме, они смотрели вниз и находили на земле монетки. Я не могла поверить, что это просто совпадение.

Взять обратные билеты оказалось не менее трудно. 13 января мы

зарегистрировали свой багаж и получили посадочные талоны. Я сказала детям, что мы сидим в «счастливом» ряду – седьмом. После пары часов задержки рейса наконец объявили посадку. Мы с детьми отыскивали свой «счастливый» ряд, и... на первом из кресел лежал даже не один, а три пенни!

Дух моей мамы благословил меня монеткой, когда я приехала домой в Рождество, и попрощался со мной, когда я возвращалась в Онтарио.

Хотя пенни сам по себе немногого стоит, его истинная ценность – на вес золота. Он умеет исцелять душу.

Ли́за Калл

Двадцатки на ветру

Иоанн сказал в ответ: не может человек ничего принимать [на] [себя], если не будет дано ему с неба.

Евангелие от Иоанна, 3:27

В детстве два фильма произвели неизгладимое впечатление на мой юный разум. Первым был «Гроши с небес», а вторым – «Денежное дерево».

«Если бы мне удалось найти семена, я бы тоже посадила дерево, на котором выросли бы деньги!» – так я думала. Но папа рассказал мне, что на деревьях деньги не растут. «Это просто фантазии», – объяснил он. Однако я продолжала надеяться, что мечты и чудеса становятся явью для тех, кто в них верит.

Однажды в воскресенье мы с папой вернулись из церкви. С тех пор как умерла наша мама, папа взял на себя приготовление воскресных утренних блинчиков. Это была традиция. Мы завтракали вместе, обложившись газетами.

В тот день я вынула из холодильника все нужные ингредиенты, но не нашла ни одного яйца.

– Видимо, придется съездить в магазин, – сказал папа.

Он выгреб горсть монет из банки, где мы хранили мелочь.

– Пап, мы что, стали нищими? – фыркнула я.

– Нет, просто денег маловато.

В то утро в церкви папа положил свои последние 10 долларов в корзинку для сбора пожертвований. Он всегда был щедр и готов помочь другим людям. Но до его зарплаты оставалось еще пять дней.

– На что же мы будем жить? – поинтересовалась я.

– Не волнуйся, как-нибудь продержимся, – уверил меня папа.

Тогда мне снова вспомнились эти два фильма. «Правда, было бы здорово, если бы монетки сыпались с неба?»

Когда мы шли с парковки к магазину, дул сильный ветер. Папа остановился снаружи перед раздвижными стеклянными дверями.

К одной из них прилипли две двадцатидолларовые банкноты.

– Погляди-ка на это, – сказал он.

– Ого, это даже лучше, чем монетки! – воскликнула я.

Мы оба недоумевали, каким образом эти две банкноты держались на

дверях на таком ветру, словно поджидая нас.

– Полагаю, это ответ на наши молитвы, – сказал папа.

И это была правда.

Мечты и чудеса действительно становятся явью для тех, кто в них верит.

Терри Энн Миган

Молочный кувшин

Благословенны вы Господом, сотворившим небо и землю.

Псалтирь, 115:15

Был 1978 год, и мы только что поженились. Йон учился в университете и подрабатывал, а я не могла работать в США из-за своего иммиграционного статуса. Порой наш бюджет составлял всего семь долларов в неделю! И все же мы не изменяли идее десятины и каждую неделю отдавали свои десять процентов в церковь, какой бы малой ни была эта сумма.

Мы покупали молоко в пластиковых кувшинах объемом в галлон, потому что можно было получить обратно деньги за кувшин, а галлона хватало нам на неделю.

Как-то раз у нас было особенно туго с наличными, и одну неделю пришлось обойтись без молока. Мы не особенно грустили об этом, тем более что вскоре муж получил зарплату. Но собравшись в магазин, мы обнаружили, что кувшин, который надо было сдать, еще не опустел. Озадаченные, мы взялись за подсчеты, сопоставили количество выпитых стаканов с объемом галлона и увидели, что цифры не сходятся. Каким-то образом в этом кувшине оказалось намного больше молока, чем один галлон. Мало того, оно сохранилось свежим уже после того, как истек его срок годности.

В тот день, когда Йон получил следующую зарплату, на дне этого кувшина еще оставалось немного молока – и только тогда оно прокисло.

Бог снабжал нас молоком так же, как снабдил маслом вдову из Сарепты^[8].

Терри Тодд

Быстрый ответ

Не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него.

Евангелие от Матфея, 6:8

Я, как жена пастора и мать шестерых маленьких детей, знала на собственном опыте, что денег часто не хватает. Нам не всегда нравится, что наша вера подвергается испытаниям, но мы радуемся, когда видим руку Божию за работой.

Мне нужны были кроссовки, но денег не было. Я верила, что Господь может снабдить меня всем необходимым в жизни. Я встала на колени, вознесла молитву – и больше об этом не думала, ибо вручила свою заботу Ему и знала, что Он ответит в свое время.

Мне и в голову не могло прийти, что ответ этот будет так быстр и Бог проявит столь творческий подход к удовлетворению моих нужд. Был прекрасный летний день, и я села на солнечной веранде, глядя, как дети играют в саду.

Вдруг незнакомая собака вбежала во двор и направилась ко мне. В другое время я бы испугалась, но тут страха почему-то не было. Я заметила, что пес несет что-то в зубах. К моему удивлению, это оказалась кроссовка! Это выглядело очень странно, но я взяла у пса кроссовку, которую он явно желал отдать мне. Помню, я еще подумала: «Жаль, что она только одна!» Это была качественная кожаная обувь, да еще моего размера! Но, поскольку с одной кроссовкой мне делать было нечего, я выбросила ее в мусорный бак.

На следующий день таинственный пес прибежал с другой кроссовкой в зубах! Я осторожно вынула ее из пасти собаки и бросилась в дом, чтобы достать ее пару из вчерашнего мусора. Спасенную кроссовку пришлось хорошенько почистить. После этого я решила найти хозяйку этой прекрасной обуви. Я ходила из дома в дом, показывая кроссовки соседям и спрашивая, не теряли ли они такую пару. Снова и снова ответ был отрицательным.

Тогда-то я и поняла, что эти кроссовки предназначались мне, – Отец мой небесный услышал мольбу и отозвался на нее специальной доставкой!

Линн Макграт

Чудо из автомата

Потребность в человеческом понимании причинности требует лишь одного древнего и единственного ответа: Бог.

Генри Мартин Декстер

В ожидании приема у врача мне захотелось пить. Водяного кулера поблизости не было, зато я заметила торговый автомат. К сожалению, в моем кошельке не оказалось монет – ни одного доллара.

Рядом со мной сидел симпатичный молодой человек. Я представилась:

– Здравствуйте, я – Мэри Эдвардс. Как вас зовут?

– Майкл.

– Майкл, вы не разменяете мне десятку?

– Извините, не смогу, – ответил он. – А зачем вам?

– Мне нужно семьдесят пять центов для автомата.

Он полез в карман и вытащил горстку мелочи.

– Позвольте мне их вам подарить.

– Спасибо большое, Майкл! Бог вознаградит вас с лихвой за ваш подарок.

Благодарная своему новому другу, я взяла деньги, подошла к автомату и с радостью увидела имбирный лимонад – единственный, который я пила. Я опустила монетки в прорезь. Из окошка выдачи вывалилась банка лимонада с долларовой банкнотой, привязанной к ней резинкой!

Я порадовалась, что рядом со мной оказались несколько свидетелей, у которых глаза тоже полезли на лоб от удивления – иначе я бы решила, что у меня галлюцинации!

Я вернулась к Майклу и отдала ему доллар.

– Майкл, повторите этим людям, что я сказала вам, когда вы подарили мне 75 центов.

– Она сказала мне, что Бог вознаградит меня с лихвой, – с улыбкой сказал Майкл.

Священник Мэри Эдвардс

Особенное имя

Дети – это мост в рай.

Персидская пословица

Все вместе, вшестером, мы столпились в смотровой. Ультразвук показал, что третьим благословением Энджи и Ларри будет девочка. Шестилетний брат Джошуа и двухлетняя сестричка Маккенна засмеялись от радости.

Когда наши внуки, их родители и мы, бабушка и дедушка, выходили из кабинета, моя дочь Энджи сказала:

– Джошуа, ты ведь хотел еще одну сестренку. А ты уже придумал, как ее назвать?

Тот не замедлил с ответом:

– Роза!

Ошарашенные, мы с Энджи взглянули друг на друга.

Энджи продолжала:

– Надо же, какое красивое имя! А где ты его слышал? У вас в садике есть девочка по имени Роза?

– Нет.

– Может быть, кого-то из воспитательниц или помощниц так зовут?

– Нет.

– Джошуа, ты знаешь кого-нибудь с таким именем?

– Нет.

Тогда Энджи мягко спросила:

– Ну, Джошуа, так откуда же ты знаешь имя Роза?

Немного смущенный, Джошуа ответил:

– Просто знаю – и все.

Мы с Энджи снова переглянулись в изумлении, стараясь не заплакать.

За два года до этого сестра Энджи, Гретхен, погибла вместе с мужем, катаясь на лодке на озере Поншартрен, что к северу от Нового Орлеана. Свою первую, так и не родившуюся дочку Гретхен хотела назвать Розой. Джошуа не мог этого знать.

Но шестилетний ребенок не способен выдумать из головы имя Роза. У его родителей даже не было в саду розовых кустов.

Так мы поняли, что Гретхен стала ангелом и приглядывает за нами.

Сандра Лайф

Мой ангел Карло

Если искать ангела с открытым сердцем, то обязательно найдешь.

Неизвестный автор

Однажды солнечным ноябрьским утром в итальянском городе Милан мы с моим другом Риком отправились фотографироваться у кафедрального собора Дуомо. Потом мы зашли в маленькое кафе, и Рик встал в очередь, чтобы сделать заказ. Я раскрыла сумку.

– Рик, у меня пропал бумажник! – воскликнула я. – Его нет в сумке. Я не знаю, где он!

В бумажнике лежали паспорт, кредитки, водительские права, страховой полис и почти 500 евро наличными. Я чувствовала себя в безопасности в Италии, не сталкивалась с карманниками и была уверена, что кошелек выпал из сумки, когда я доставала фотоаппарат.

– Я не буду волноваться, – сказала я Рикю, когда мы пошли обратно к Дуомо. – Всю жизнь я верила в ангелов. Я верю, что какой-то хороший человек подобрал мой бумажник и вернет его мне.

Вряд ли Рик разделял мои убеждения, но он был доволен уже тем, что я не впала в истерику.

Когда мы добрались до Дуомо, на улицах было полно карабинеров (так называют итальянских полицейских). Рик подошел к одному из них и объяснил, что случилось. Полицейский дал нам адрес бюро потерянных и забытых вещей, и мы пошли его искать.

Через пятнадцать минут мы поняли, что заблудились, и вернулись к Дуомо. Я решила зайти в туристическое бюро, оптимистично надеясь, что мой бумажник подобрал кто-то из собратьев-путешественников.

Мой оптимизм угас, когда оказалось, что никто не передавал в бюро бумажник. Получив уточненные указания, мы снова отправились в бюро потерянных и забытых вещей (и на сей раз нашли его), где нам сказали то же самое. Оба раза – тупик.

В этот момент я засомневалась, что когда-нибудь найду свой бумажник. Поскольку я осталась без паспорта, мне нужно было написать заявление в полицию. По дороге туда я завела с Риком философский разговор о том, что все это может значить. Сюрреалистическое ощущение –

идти по чужому городу, зная, что у тебя нет ни удостоверения личности, ни денег. Но меня не особенно волновала потеря паспорта и водительских прав, поскольку это вещи заменяемые. Расстраивалась я только из-за маленького красного конверта с 500 евро, который лежал в бумажнике. Моя подруга Рене подарила мне эти деньги, чтобы я потратила их в Италии на «что-нибудь особенное». Я понимала, что, даже если получу бумажник обратно, наличных там, скорее всего, не окажется – а значит, не будет возможности использовать ее щедрый дар.

У полицейского участка стояла будка; сидевший в ней сотрудник объяснял людям, куда им идти. Нам он велел повернуть налево. Когда Рик двинулся в указанном направлении, я остановилась, сообразив, что нужно срочно позвонить в банк и заблокировать кредитки.

– Тереза, ты идешь заполнять заявление? – крикнул Рик.

Пожилой мужчина, стоявший рядом с будкой, услышал его слова и спросил:

– Вы что-то потеряли?

Рик вернулся и ответил:

– Да, она потеряла бумажник.

Мужчина спросил, как меня зовут.

– Тереза, – ответила я.

– Тереза, ваш бумажник у него, – сказал он, указывая на полицейского в будке.

Я подошла поближе... На столе лежал мой бумажник! Я увидела свое водительское удостоверение и даже красный конверт – вскрытый и без денег.

– Рик, его нашли и сдали в полицию! – завопила я.

Пожилой джентльмен подтвердил, что именно он нашел мою пропажу. Взглянув в его добрые глаза, я поняла, что он не стал бы брать мои деньги. Я поблагодарила его.

Я вошла в будку, и интуиция подсказала мне бросить взгляд налево. Там, на углу стола, лежала стопка банкнот по 50 евро.

Полицейский спросил, все ли мои вещи на месте.

Я спокойно ответила:

– Да, здесь мои удостоверения личности, а вот и мои деньги, – и указала на стопку наличных.

Он покладисто кивнул, и я пересчитала деньги – ровно 500 евро!

Рик разговаривал с Карло, тем добрым джентльменом, который нашел мой бумажник. Они уже прощались, и я через окно сунула Риму банкноту в 50 евро, чтобы он отдал ее Карло в знак моей признательности.

Карло отказался взять деньги.

Я схватила свои вещи и выбежала на улицу, чтобы не дать Карло уйти. Просительным тоном я обратилась к нему:

– Карло, могу ли я что-нибудь купить для вас в благодарность за то, что вы нашли мой бумажник?

Он на мгновение задумался, а потом дал типичный для итальянца ответ:

– Ладно, согласен на чашку кофе.

Превосходно!

На другой стороне улицы было кафе, и я заказала нам всем эспрессо. Мы сели за столик, и Карло рассказал нам свою часть истории.

Когда он нашел мой бумажник на полу Дуомо, он раскрыл его и понял, что какая-то туристка из Канады потеряла все свои документы. Он позвонил своей подруге-адвокату, чтобы узнать, что делать. Та посоветовала ему пойти в полицейский участок и написать заявление. Он подошел к участку и увидел сотрудника в будке, который принял у него бумажник, не записав никаких данных. Карло вышел на улицу, но эта ситуация ему не нравилась, и он снова позвонил подруге. Та настояла, чтобы он вернулся и все же написал заявление. Снова зайдя в будку, Карло увидел, что бумажник раскрыт, а все деньги отложены в сторону, и поинтересовался, что происходит. Именно в этот момент он увидел на улице меня и услышал, как Рик меня окликнул.

Мы с Риком слушали его, потеряв дар речи. Совпадения были просто невероятны – настоящая магия.

Глядя в глаза Рику, я сказала то, в чем была совершенно уверена:

– Рик, познакомься с моим ангелом Карло!

Тереза Чан

Терри

Я торопливо встала в ближайшую очередь в дисконт-магазине со своей единственной покупкой. Глянув на двух женщин передо мной, я удивленно раскрыла рот.

– Джен, Шарлотта... – заикаясь, пробормотала я. – Какое совпадение, что мы оказались в одной очереди!

– Это не совпадение, – возразила Джен с легкой улыбкой. – Совпадений вообще не бывает, – повторила она с глазами, полными слез.

Нет, совпадений не бывает. У всего происходящего есть причина. Так всегда говорила Терри, моя лучшая подруга, сестра Джен, дочь Шарлотты. Мне до сих пор не верилось, что всего два дня назад мы сидели у ее койки, когда она умирала от обширного инфаркта.

Мы втроем обнимались, стоя в очереди, пока кассир возился с резиновой лентой на конце конвейера. Он подцепил ее каким-то плоским предметом и вытащил монету.

– Откуда здесь десятицентовик? – проворчал он. – Первый раз такое вижу. Как он сюда попал? – кассир положил монету на поддон для денег. – Эй, кому-нибудь нужны десять центов?

Еще раз обняв меня на прощанье и напомнив о похоронах, Джен и Шарлотта ушли. Я оплатила свою покупку и направилась к выходу. К моему удивлению, Джен и Шарлотта меня ждали.

– Лиэнн, – начала мама Терри, – ты когда-нибудь слышала о пенни с небес?

– Да, – с готовностью ответила я. – Я только что прочла три тысячи историй для нового выпуска «Куриного бульона», который будет называться «Книга чудес». Среди них были десятки рассказов о людях, которые находили монетки. Они видели в них знак от тех, кто стал ангелом в небесах.

– Так вот, – сказала Джен, – в нашей семье роль пенни играют десятицентовики.

Теперь уже мои глаза наполнились слезами.

Джен рассказала мне, как ее сын-инвалид перенес серьезную операцию. Это случилось несколько лет назад. Они нашли десять центов под больничной койкой перед тем, как его повезли в операционную, и увидели в этом небесное знамение, что с ним все будет в порядке.

– Хочешь – верь, хочешь – нет, – продолжала Джен. – На следующее

утро после смерти Терри мы пришли в палату, чтобы попрощаться с ней, а когда уходили, нашли под койкой десятицентовик.

– Я тоже его видела, – подтвердила Шарлотта.

Мои руки внезапно покрылись гусиной кожей.

– Вот такая у меня девочка, – сказала Шарлотта голосом, неожиданно сильным для скорбящей матери. – Она посылает нам знаки с небес.

У меня на сердце стало светлее, когда я шла через парковку к своей машине. Усевшись за руль, я даже посмеивалась. Я снова ощущала близость Терри. Я была так взволнована, что хотела поскорее попасть домой и рассказать обо всем мужу, а пока позвонила дочери, которая заведует нашим магазином в городе. Моя история о десятицентовиках произвела на Кристи сильное впечатление.

– Это потрясающе, мам! Просто изумительно! Воистину это знамение от Бога.

Я продолжала захлеб говорить о том, сколько радости принес мне этот случай. Когда я уже собиралась прощаться, Кристи воскликнула:

– Мам, погоди-ка!.. Я вспомнила кое-что. Сегодня утром я посмотрела на пол около кассы и подумала: «Откуда здесь десять центов?» У нас с утра не было ни одной покупки за наличные, и я смотрела на это место раз десять, доставая сумки из-под прилавка.

Мы еще немного поговорили о том, как Терри стала ангелом, посылающим нам знаки.

Три дня спустя я произносила прощальную речь на панихиде по своей лучшей подруге.

Рассказав несколько забавных случаев из наших совместных путешествий и дурачеств – и серьезных выводов из наших разговоров о смерти и небесах – я упомянула историю о десятицентовиках. Я призвала присутствующих, заполнивших помещение церкви, быть начеку:

– Зная Терри, я уверена: она теперь сидит по правую руку от Бога и посылает нам знаки, которые мы не замечаем, – поддразнила я.

День панихиды совпал со Страстной пятницей. Я завершила свою речь словами о том, что вознесение Терри на небеса не случайно произошло на той же неделе, что и вознесение Спасителя.

После службы ко мне подошла женщина.

– Лиэнн, я – Мэри. Я пришла на место Терри после того, как она пару лет назад получила повышение. Сегодня я вошла в здание, где она работала, и на ковре за дверью нашла десять центов.

На поминках после панихиды меня окликнула молодая женщина, лучшая подруга дочери Терри.

– Сегодня утром я сажала своего малыша в детское кресло в машине и подумала: «Интересно, как сюда мог попасть десятицентовик?»

У стола ко мне обратилась подруга детства Терри.

– Вчера я нашла десять центов на кухонном столе. Я спросила мужа, откуда взялась эта монетка, и он растерянно ответил: «Еще минуту назад ее там не было».

Невестка Терри поймала меня у кофемашины и сообщила, что тоже нашла в тот день десятицентовик.

Потом меня перехватил брат Терри, Деннис, который жил в Айдахо.

– Видишь эту булавку для галстука? Я не носил ее двадцать лет, но почему-то надел сегодня.

Я была без очков, поэтому прищурилась, всматриваясь.

– А что изображено на этой булавке?

– Десятицентовик!

На следующей неделе все мы пытались жить дальше. Я каждый день звонила мужу Терри, Тому, и мы делили на двоих слезы и неверие в то, что наша Терри действительно умерла.

Однажды вечером он пришел к нам ужинать и, едва переступив порог, воскликнул:

– Ну и историю я вам сейчас расскажу!

Сын Тома после похорон решил навести порядок в саду, пытаюсь дать выход своей скорби. Он договорился с другом семьи, что тот на следующей неделе вывезет мусор, собранный с лужайки. Том помогал этому молодому человеку держать брезент – день выдался ветреный – и ушел в дом, когда тот уже загрузил свой пикап садовым мусором.

Вскоре раздался стук в дверь. Том с удивлением увидел того же молодого человека.

– У меня есть кое-что для вас, – сказал тот. – Я нашел его под этими горами мусора.

И он протянул Тому десятицентовик.

Глаза Тома были полны слез, пока он пересказывал эту историю. Мы все плакали и смеялись, а потом провозгласили тост за Терри.

На следующей неделе я впопыхах садилась в самолет, чтобы лететь на очередное выступление, и сердце мое попеременно охватывали то радость за Терри, то грусть за тех, кого она оставила.

Я плюхнулась на свое место и поклялась себе, что впредь буду меньше суетиться и стану более спокойной – такой, как Терри. При мысли о ней на моих губах заиграла улыбка.

Потом я бросила взгляд в проход и увидела на полу монетку в один

пенни. Хихикнув, я возвела глаза к потолку и вслух сказала:

– Пенни – это не наша тема, подруга!

Пару минут спустя, все еще улыбаясь и вспоминая все прочитанные недавно истории о «пенни с небес», я встала, протянула руку под сиденье и подобрала пенни.

В трех дюймах от него лежал десятицентовик.

Терри и Бог продолжают играть в свою игру. А мы по-прежнему ничего не видим.

Лиэнн Тиман

Глава 9

Божественное назначение

Хорошо, добрый и верный раб!

Евангелие от Матфея, 25:21

На самом дне

А вы будете называться священниками Господа, служителями Бога нашего будут именовать вас.

Исаия, 61:6

Решив получить разнообразный жизненный опыт, прежде чем остепениться, я провела свой первый учительский год в аризонской глубинке. Это было насыщенное и беспокойное время, но мне не терпелось отправиться на поиски новых приключений. В конце учебного года я поехала в Лос-Анджелес, чтобы работать на суповой кухне в неблагополучном районе.

Моя добрая подруга и мудрая наставница Анджела обняла меня на прощанье и сказала:

– Если вдруг пересечешься там с моим другом Джимом, передавай привет. Я не виделась с ним со школы и слышала, что он скатился на самое дно.

Мы обе улыбнулись, представляя себе огромный город и мои шансы столкнуться с Джимом – такие же эфемерные, как выигрыш в лотерею. Тем не менее я заверила Анджелу, что буду помнить о ее просьбе.

Следующий год был хлопотным, заполненным новыми дружескими связями, глубокими прозрениями и здоровым физическим трудом. Мне приходилось готовить и подавать еду людям из очередей, которые порой тянулись на целый квартал. Среди сотен голодных гостей были мужчины, которые приходили к нам в зимний период, а весной разъезжались в поисках работы для мигрантов. Встречались и молодые люди, полные надежд, уверенные, что вот-вот заявят о себе в Голливуде, а пока «временно» кормятся на кухне, чтобы не тратить быстротающие сбережения. Приходили пожилые, одинокие, растерянные и обиженные, и у каждого была своя особенная и трогательная история.

Мой первый год работы на кухне заканчивался. Я решила вернуться на Средний Запад, чтобы повидать родственников и разобраться с планами, прежде чем отправляться в новые странствия. Однажды утром, в свою последнюю неделю, я нарезала овощи для обеда. Я глубоко задумалась, а может быть, просто витала в облаках, пытаюсь отвлечься от сомнений, вызванных предстоящим отъездом. В это время в кухню, пошатываясь,

вошел мужчина. Выглядел он, пожалуй, старше своих лет. Надо сказать, что посторонним туда был вход воспрещен, но я так погрузилась в свои мысли, что не заметила его, пока он не заговорил со мной.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Бернадетта, – рассеянно ответила я.

– Как святую, да? – хмыкнул он.

Я улыбнулась и пробормотала в ответ:

– Ага, как святую, – и продолжила резать овощи.

– Откуда вы приехали? – не отставал он.

– Из Аризоны. Я была там учительницей, – ответила я и назвала свою бывшую школу.

– Эй, так я ж оттуда родом, и в школе там учился! – воскликнул он. Я подняла голову и заметила, как просветлело его лицо.

К тому времени я уже вернулась в реальность.

– Не может быть, – отозвалась я, не особенно веря ему.

Он быстро назвал несколько имен, которые были мне незнакомы.

– А Анджелу вы знаете? – вдруг спросила я, прибавив ее фамилию.

– Конечно! – выпалил он. – Мы вместе учились в школе. В старших классах она была моей девушкой.

Не может быть!

– Как вас зовут?

– Да Джим я, – тихо ответил он.

Обеденный суп и мои обязанности мигом утратили всю важность.

– Не хотите написать Анджеле записочку? – предложила я. – Я перешлю ей.

Он кивнул, и я накрыла крышкой мусорный бак, чтобы получился импровизированный столик. Подтащила старый ящик для овощей вместо табурета. Джим сел, я выдала ему бумагу и карандаш и оставила наедине с его мыслями. Я вернулась к резке овощей, но то и дело поглядывала на Джима. Несомненно, этот разговор стал неожиданностью для нас обоих. Он вытирал слезы, медленно выписывая строчки.

На следующий день я отослала это письмо Анджеле. К тому времени как она написала ответ, отправив его до востребования на суповую кухню, я уже уехала.

В то лето я получила от нее весточку. Анджела писала, что Джим сел в первый же поезд до Аризоны, а по приезде сразу нашел Анджелу. Она так и не вышла замуж, и они продолжили свои отношения с того момента, на котором остановились в школе много лет назад.

Джим бросил пить и сумел восстановить свои навыки электрика

полностью. Он снял небольшой домик и нашел работу. Наша с ним встреча была практически невероятной. Но Бог позаботился о том, чтобы она случилась.

Бернадетта Агронски

Так не бывает!

На Земле нет ничего, стоящего познания, кроме Бога и наших собственных душ.

Гамалиэль Бейли

– В жизни такого никогда не бывает, – заявил восьмиклассник Майкл с первой парты. Я только что прочла классу рассказ из «Куриного бульона для души» о подростке, который уронил свои учебники по дороге из школы. Он собирался в этот день совершить самоубийство. Но из-за того, что другой мальчик помог ему подобрать книги, подросток передумал и впоследствии добился успеха и в школе, и во взрослой жизни.

Мои ученики молчали. В голосе Майкла звучало такое искреннее сомнение, что я встала на защиту рассказа:

– «Куриный бульон для души» – это сборники реальных историй, происходивших с самыми обычными людьми. У меня даже был похожий случай, который мог бы войти в одну из книг «Куриного бульона».

Не знаю, зачем я это сказала; я вовсе не хотела делиться с детьми своей личной историей. Она была настолько невероятна, что большинство нехристиан решили бы, что я спятила.

Но ребята просили меня продолжать. Даже Майкл, казалось, заинтересовался. Поглядев на часы, я решила, что мне как раз хватит времени до звонка. Тщательно подбирая слова для своей истории с религиозным подтекстом, я стала рассказывать...

В старших классах я посещала молодежную церковную группу. Встречи проходили вечерами по средам. Однажды я сидела на полу в аудитории, слушая пастора, и вдруг услышала внутри себя голос. Он повторял: «Пойди и возьми микрофон. Я хочу, чтобы ты кое-что сказала». Я мысленно заспорила с этим голосом, оглядываясь, чтобы понять, слышит ли его кто-нибудь еще.

Голос убеждал меня: «Иди на сцену. Скажи этому человеку, что тебе нужен микрофон. Слова я подскажу». Я еще немного поспорила, всерьез начиная беспокоиться, что схожу с ума.

Потом, сама не знаю как, я оказалась на маленькой сцене. Пастор уже собирался распустить группу, чтобы присутствующие поиграли в игры. Он удивленно передал мне микрофон, и я встала лицом к слушателям; их было

около шестидесяти, все – мои ровесники.

Не знаю, откуда исходили эти слова, но я услышала, как мой собственный голос произносит: «Сегодня кто-то из присутствующих здесь хочет совершить самоубийство. Господь попросил меня выйти сюда и сказать: пожалуйста, не делай этого. У Него есть для тебя план, и Он тебя любит. Расскажи кому-нибудь о своих чувствах».

Я торопливо вернулась на свое место и села – в шоке от того, что только что сделала.

На этом история могла бы и закончиться, а друзья потом посматривали бы на меня с опаской; но это было не все. Через пару месяцев моя мама случайно встретила на улице одну женщину из церкви, свою знакомую, и та рассказала маме историю своей дочери. Девушка собиралась совершить самоубийство, но не стала этого делать. Однажды вечером она пришла домой после встречи молодежной группы и рассказала своей матери о своих планах и о том, что я говорила в тот вечер...

Оглядевшись, я заметила, что ученики притихли, как мыши. Я улыбнулась:

– Я мало кому рассказывала эту историю. У меня до сих пор мурашки по коже, когда я о ней думаю.

Пока я гадала, не слишком ли разоткровенничалась, классный радиоприемник неожиданно включился и громко заиграл песню «Дух в небесах». Рядом с ним в этот момент никого не было.

Весь класс несколько мгновений сидел в благоговейном молчании. Все растерянно оглядывались, прислушиваясь к Духу, который находился в небесах, – и нашей классной комнате.

Кристи Дагган

Рождество в Швейцарии

Дом там, где ты.

Эмили Дикинсон

Я уродилась непоседой. После колледжа я поступила в театральную труппу и объехала всю Северную Америку и Европу. Большую часть времени я моталась по миру, еле сводя концы с концами, но на Рождество всегда возвращалась домой в Колорадо. Это был чисто символический поступок, но я ухитрялась совершать его каждый год. Иногда для этого требовались дни и ночи за рулем сквозь метели, ведра эспрессо, двенадцатичасовые авиаперелеты, потерянный багаж и придирки таможенников, которые вечно выбирали для тщательного досмотра именно меня.

Наши праздничные традиции были обычными: елка, подарки, стол, ломящийся от еды, рождественская служба в церкви, фильм «Белое Рождество». Ничего особенного не случилось, но я жила далеко от дома, поэтому для меня было необычайно важно быть здесь на Рождество. Мне нужно было оставаться в курсе жизни моих братьев и сестер. Я хотела знать в лицо своих племянников и племянниц и чтобы они знали меня. Я боялась, что, стоит мне хоть раз не появиться, я просто выпаду из круга своей семьи.

Мы с моим женихом Келвином приехали в Колорадо на нашу свадьбу, которая стала «церемонией открытия» многолюдного семейного сборища в честь Четвертого июля. Я не из тех девушек, которые считают свою свадьбу поворотным моментом в истории человечества, так что скромное торжество было как раз в моем духе. Но даже свадьба «без претензий» довела нас до банкротства. Мы возвращались на работу в Европу, зная, что в ближайшее время нам вряд ли светит оказаться дома. Рождество, вероятнее всего, предстояло встречать уютно – только вдвоем.

«Ничего страшного, – уговаривала я себя. – Мы же теперь самостоятельная семья. Это будет даже романтично». К тому же наш тур заканчивался в Швейцарии и на Рождество мы оставались в этой стране. На свете есть куда более неподходящие места для праздника!

Но по мере того как работа близилась к концу, я все больше падала духом. Глядя, как наши коллеги взволнованно готовятся к отъезду, болтая о

своих ангелочках – племянницах и племянниках, о елках, чулках и семейных традициях, я чувствовала, что мое положение трудно назвать «вот повезло!». Да, я была новобрачной и мне полагалось видеть мир в розовом цвете. Но на самом деле мы провели первые шесть месяцев нашей семейной жизни в трейлере с командой вздорных актеров и спали на раздвижных диванах в сарайчиках местных жителей. Все это не способствовало укреплению супружеских уз. Наша гармония немного фальшивила, и это еще мягко сказано. Предстоящие три недели вдвоем выглядели так же неловко, как дискотека в шестом классе, и еще менее привлекательно. Участие друзей и родственников серьезно ослабило бы напряжение.

Но отсутствие общества было не единственным негативным фактором. У нас не было дома. Как я уже говорила, мы путешествовали в трейлере, и проживание было частью нашего контракта. Перерыв в работе означал, что нам придется искать, где остановиться, причем платить мы не могли. А кому на Рождество нужна в доме парочка постоянно ссорящихся бродяг? Даже если бы кто-то сжалился над нами и пригласил в свою «конюшню», мне пришлось бы униженно благодарить за чей-то раскладной диван.

Не хватало также всяких мелочей. Кочевой образ жизни не оставлял нам лишних средств, так что о подарках не было и речи. И помимо всего прочего, Келвин плохо себя чувствовал из-за воспаления в зубе мудрости. Он с ума сходил от боли. Такая вот романтика.

И все же, хотя мы с Келвином были слеплены из разного теста и часто приводили друг друга в ступор, я иногда испытывала к нему нежность. Мне было неприятно видеть, что ему больно, особенно когда он принимался нить, и это означало, что я должна садиться за руль. Нужно было, чтобы о его зубе кто-то позаботился. Мы стали молиться:

– Господи, мы в последнее время не очень добры друг к другу и знаем, что это Тебе не по нраву. Мы постараемся исправиться, но сейчас Келвину ужасно больно, а впереди Рождество и все такое. Мы надеемся, что Ты, может быть, послал бы нам чудо или что-то в этом роде. Самую малость целительной силы. Пожалуйста!

Молитва вышла не слишком духовная – скорее, вопль отчаяния.

Перед отъездом из города мы остановились у нашего местного агента Жана Франсуа, чтобы составить расписание своего следующего тура. Он посмотрел на Келвина и с округлившимися глазами заявил: «Zut alors!» У этой фразы множество значений, но в данном случае она выражала тревогу.

Жан Франсуа схватился за телефон. Он говорил слишком быстро, чтобы я могла понять смысл, но голос его звучал очень настойчиво и

убедительно. Через двадцать минут источник проблемы был удален из челюсти Келвина другом Жана Франсуа. Он, по счастью, оказался хирургом-стоматологом, а заодно решил не брать с нас денег, поскольку до Рождества осталось два дня. Бог – парень крутой, и Его люди порой тоже бывают весьма крутыми. В тот день Он к тому же действовал очень оперативно – какой приятный бонус!

Пока Келвина лечили, я бродила по улицам Лозанны, проникаясь рождественским духом пестрых красок и огней. Свой жалкий запас швейцарских франков я истратила на шоколадные медальки, красивую ручку, альбом любимого артиста Келвина и пару-тройку других мелочей. Я решила, что упакую каждую покупку отдельно, украшу их маленькими бантиками, и мы сможем устроить себе маленькое Рождество. Это было бы примирением – и моим обещанием начать все заново. Наша гармония уже немного восстановилась с тех пор, как с наших плеч свалилось бремя гастролей. В конце концов недолгий период уединения можно будет вынести...

Тут я вспомнила, что нам нужно где-то жить. На самом деле одно приглашение мы уже получили, но я пока откладывала звонок этим людям. Тимоти и Пьеретта были пожилой парой – дядей и тетей одного нашего коллеги. Они жили в захолустной горной деревушке в паре часов езды от Женевы. Мы познакомились с ними во время гастролей. Тимоти был фермером и торговал куриными яйцами, а Пьеретта управляла деревенским универсамом. Они говорили, что у них есть маленькая квартирка в подвале, и мы можем приехать к ним пожить в любое время, в том числе и в праздники.

Почему я им не звонила? Мое воображение рисовало населенную пауками лестницу, ведущую в темное помещение с голой лампочкой, свисающей с потолка, с ночным горшком в одном углу и электроплиткой с сомнительной проводкой – в другом. Моя фантазия устремлялась во времена Второй мировой и французского Сопротивления. Должно быть, эта «квартирка» – пространство между стенами, в котором прятали соседей-евреев и подпольные радиостанции. Конечно, в нейтральной Швейцарии ничего подобного не происходило, но я всегда тяготела к драматизму. Я представляла себе старую деревянную дверь со сломанным засовом. За дверью копошились куры, и сквозь щели в дом задувало снег. Мы будем спать на узких армейских койках под протертыми одеялами, а на рождественский ужин у нас будет яичница-болтуня. Честно говоря, я даже упивалась всей этой печальной и убогой картиной и воображала себе готовый киносценарий.

Я вернулась к реальности, когда появился Келвин с раздутой щекой.

– Ну фто, чы пожвонила эчим люжям?

Черт! У нас не было выбора, но я боялась, что в реальности этот вариант окажется не таким забавным или гламурным, как его будущая киноверсия. Я снова стала молиться:

– Боже, я так скучаю по своей семье! Пока наш брак не оправдывает моих ожиданий. Я чувствую себя как Хайди^[9], которой предстоит жить на какой-то горе в страшном подвале, в одном доме с чужими стариками. Я хочу, чтобы все было хорошо. Я знаю, что на самом деле мир не вертится вокруг меня. Мне следовало бы попросить Тебя помочь мне стать взрослой и бескорыстной, как Ты. Но все-таки сейчас я хочу помолиться о том, чтобы у нас было по-настоящему прекрасное и веселое совместное Рождество.

Я позвонила, узнала дорогу и свернула на серпантин горного шоссе. Когда мы въехали в деревушку, пришлось дожидаться, пока по главной улице пройдет стадо коров. Келвин мямлил маршрутные указания сквозь ватные тампоны, и мы наконец прибыли к магазину Пьеретты.

Я нерешительно постучала в дверь. Она распахнулась, и Тимоти с Пьереттой приветствовали нас, как собственных внуков, вернувшихся с войны, или из лагеря беженцев, или после вручения Нобелевской премии. Нас провели в салон, где потрескивал в камине огонь и подмигивала огоньками елка. На стол было выставлено печенье – только-только из духовки – и горячий шоколад с шапками взбитых сливок.

Над дымящимися ароматными чашками они расспрашивали нас о гастролях, о нашей свадьбе, о семьях. Мы узнали всё о производстве яиц и жизни в маленькой швейцарской деревушке. Мы смеялись, радовались, ели печенье. Бог ответил на наши молитвы. Он знал, что́ нужно для нашего брака, и заранее подготовил это место – самое спокойное, самое уютное место в мире для встречи Рождества, да и для любого другого дня. Я еще не видела ту маленькую квартирку в подвале, но Пьеретта сказала, что мы можем находиться с ними наверху сколько угодно; *так что, может быть, нам и не придется тусоваться с пауками*, подумала я.

Зазвонил телефон, прервав нашу безмятежную беседу. Мы услышали в разговоре очередное *zut alors!* Тимоти вернулся с нахмуренными бровями.

Деревня пребывала в панике. Местный пастор заболел. У него поднялась температура, и он потерял голос. Ах, рождественской программы теперь не будет! Этот серьезный кризис был сравним с чумой или переходом иноземной армии через Альпы. Тимоти и Пьеретта обменялись расстроенными взглядами, и Пьеретта тут же начала мыть

посуду. В Швейцарии считают, что, когда не знаешь, что делать, стоит прибратсья в доме.

Келвин посмотрел на меня, подняв бровь, и я ответила ему ухмылкой и кивком. Тоже мне, проблемы!

Уже несколько недель мы не играли ничего, кроме рождественских программ. У нас имелся обширный репертуар – было из чего выбрать. На лицах наших хозяев отразилось облегчение.

Мы начали собирать программу по кускам и планировать музыкальное сопровождение, с которым можно было справиться вдвоем. Мы выбрали пьесу о двух одиночках, которые встретились в аэропорту в канун Рождества. Когда между героями завязывается беседа, они делятся своими историями, своим одиночеством и мыслями о том, что рождество Иисуса – это напоминание о Божьем даре всем нам. Моя героиня – верующая женщина – сознает, что судьба свела их не случайно, а для того, чтобы они помогли друг другу. Они читают рассказ о Рождестве из Евангелия от Матфея и устраивают импровизированный праздник.

Герой Келвина, чей духовный взор открывается впервые в жизни, заявляет: «Тебе придется руководить мной. У меня никогда раньше не было настоящего Рождества».

Мы попали в струю. В тот вечер мы были идеальной командой, и я поняла, почему решила прожить жизнь с этим мужчиной. Исполнять эту пьесу в канун Рождества для этих людей – что могло быть прекраснее! Когда я произносила слова своей роли, их истина отзывалась в моем сердце – мы все помогали друг другу. Поэтому судьба и привела нас сюда.

Каким-то образом при всех сложностях Своей любви и заботы Бог проявляет внимание к самым мелким деталям и желаниям. Все, что делается, – это ради Келвина, ради человека в первом ряду, у которого по щекам бегут слезы, ради Пьеретты и ее магазина, ради хирурга-стоматолога и ради всех моих друзей-приятелей, которые сейчас дома со своими семьями. Мы – Божий дар друг другу. Как великолепный композитор, Он сводит в одну партитуру все инструменты, каждый со своим тоном, каждый со своей партией, и заставляет их прекрасно звучать вместе.

После программы нас пригласили на ужин – сплошь сыры, шоколад, самые вкусные швейцарские штучки, никакой яичницы-болтуньи! Потом мы наконец спустились по лестнице в то место, которому предстояло стать нашим домом на следующие три недели.

Лестница оказалась крутой, а подвал – действительно темным и жутковатым. Мы отперли дверь – и нас приветствовали перемигивающиеся огоньки, маленькая украшенная елочка в углу и вечнозеленые растения в

отремонтированной, сверкающей чистотой студии. Там был современный водопровод и кухонный уголок с идеальной проводкой. На столе стояла соблазнительная корзинка с фруктами; большая, мягкая кровать была застелена самым белым и пушистым пуховым одеялом, какое я только видела в жизни. Келвин подхватил меня на руки и перенес через порог.

– Счастливого Рождества! – выдохнула я. Он опустил меня на пол, обвив руками. Я прильнула к нему. Мы были даром Божиим друг другу.

Кристи Хемингуэй

Зачем я здесь?

Был странником, и вы приняли Меня.

Евангелие от Матфея, 25:35

После двух дней проведения семинаров в Новой Англии я мчался в аэропорт в безумной спешке. Времени оставалось в обрез. Я присел в главном здании аэровокзала, чтобы на пару минут расслабиться. Крохотный аэропорт был непривычно пуст для вечера буднего дня.

Женщина, которая регистрировала меня у стойки, обратилась ко мне по имени:

– Я сказала вам, что ваше место подтверждено, но предыдущий рейс отменили. Я не могу гарантировать, что вы полетите, хотя пока шансы есть.

Я стал терпеливо ждать. Около десятка пассажиров у гейта начали садиться в маленький самолет. Когда я спросил о своем статусе, женщина, вручную пересчитывавшая билеты, сообщила:

– Все девятнадцать мест заняты, сэр.

Как настоящий «Фома неверующий», я ждал у гейта до тех пор, пока самолет не покатился по взлетной полосе. Только тогда я вернулся в главное здание, не особенно расстраиваясь из-за того, что не попал на этот самолет. Я часто говорю участникам своих семинаров: «Ничто не происходит без причины. Вселенная пытается что-то нам сказать». Я подумал: «Что ж, пора последовать собственному совету. Итак, зачем я сегодня здесь?»

Я уселся у одного из деревянных столов и вынул из портфеля яблоко. У соседнего стола стояли без присмотра две багажные сумки. Раздумывая, не сообщить ли о брошенных вещах охране, я заметил молодого человека в темно-синем костюме с галстуком и в тюрбане – он возился с микроволновкой. Потом он подошел к своему столу, осторожно держа в ладонях большую чашку. Во время еды он время от времени смотрел на меня и вежливо улыбался. Я улыбался в ответ.

Когда я выбрасывал огрызок, мы обменялись ничего не значащими фразами.

Мой новый знакомый сказал:

– Я приехал на собеседование. Собираюсь стать врачом, уже подал заявление на ординаторскую программу в здешней больнице.

– А какая область медицины вас привлекает? – поинтересовался я.
– Не знаю, – смущенно ответил он.
– Если вы даже не знаете, каким врачом планируете стать, то как вы надеетесь понять, чего вообще хотите от жизни? – удивился я.
– А вы что, философ? – спросил он, скептически подняв бровь.
– Нет, я профессиональный оратор и веду семинары, – ответил я. – Хотите, проведу для вас семинар по постановке целей?

Не задумываясь, он ответил:

– Да, если честно... мне хотелось бы, чтобы кто-нибудь со мной поговорил.

Сунув мне руку лодочкой для рукопожатия, он представился. Я перенес свой багаж к его столу, и мы продолжили разговор. Это был не настоящий семинар, но вскоре наша беседа превратилась в сеанс серьезнейших откровений. Молодой человек рассказал мне, как одиноко ему с тех пор, как он несколько недель назад переехал сюда из Индии. Он сказал: «Я чувствовал, что мне нужно покинуть родину, чтобы найти себя».

Я видел, что с ним не все благополучно. Он признавался в чувствах, о которых, по его словам, редко рассказывал другим. В Индии он разорвал помолвку с молодой женщиной незадолго до свадьбы. В детстве один из домашних слуг совершил над ним сексуальное насилие. Воспоминания об этом событии до сих пор преследовали его.

Он пристально уставился на меня.

– Я вообще не понимаю, почему рассказываю свои тайны совершенно незнакомому человеку!

Надеясь успокоить его, я сказал:

– Бог свел нас сегодня вечером, чтобы мы могли помочь друг другу. Когда-нибудь настанет ваша очередь слушать и помогать кому-то, утешать мечущуюся душу.

Этого молодого человека ждала впереди многообещающая карьера. Я рассказал ему об этом, чтобы помочь ему лучше относиться к самому себе. Казалось, мои слова принесли некоторую пользу. Он улыбнулся и поблагодарил меня за то, что я его выслушал.

Когда объявили его рейс, мы оба поднялись с мест. Во время рукопожатия его пальцы задержались, не желая выпускать мою руку. Казалось, он хотел впитать какую-то часть моей силы. За эти два часа между нами возник контакт, мостик между двумя разными культурами и поколениями. Мы обменялись братским объятием, и он попрощался.

Я подошел к окну в зоне вылета. Мне хотелось помахать ему рукой, когда он будет садиться в самолет. Я не поверил своим глазам, увидев

отражение в мутноватом стекле. Мой новый друг стоял прямо за моей спиной! Ошеломленный, я обернулся.

С мрачным и решительным видом он промолвил:

– Мне надо сказать вам еще кое-что.

– Что же? – с любопытством спросил я.

– Спасибо вам за то, что были здесь сегодня... и говорили со мной. –

Он вдруг умолк, чтобы сделать глубокий вдох. Потом в его голосе зазвучали слезы: – Я собирался... сегодня покончить с собой.

Он взял меня за руку и добавил:

– Но теперь... мне кажется, есть надежда.

Мы пожали друг другу руки, потом обнялись в последний раз. Слова ничего не значили. Я почувствовал, как по щеке скатилась слеза, когда махал ему рукой и наблюдал, как он садился в самолет.

В тот вечер я заново ощутил свою связь с Богом, словно мне был подан сигнал. Я чувствовал себя возрожденным и обрел ощущение высшей цели.

Том Лагана

Сосед

Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает.

Евангелие от Матфея, 19:6

Если ты ребенок и твоя фамилия – Чудо, это повод для бесконечных острот. Когда я родилась, мои родители честно, не хвастаясь, говорили, что я не младенец, а настоящее Чудо. На детской площадке в начальной школе я то и дело слышала: «Эй, Чудо-йогурт!» В средней школе по коридорам звенело: «Смотрите – Чудо!» Только в старших классах и колледже я стала находить преимущества в своей фамилии.

Я не верила, что когда-нибудь выйду замуж, хотя мне этого хотелось. Я, смеясь, говорила подругам: «У меня слишком хорошая фамилия, чтобы ее менять».

Через несколько лет после этого пессимистического предсказания я начала работать учительницей пятых классов. Однажды Бет, одна из моих коллег-учителей, сказала:

– Есть один человек, с которым тебе стоило бы познакомиться!

«О нет, – подумала я. – Только не очередное свидание вслепую!» Я была новенькой в этом городе, да еще одиночкой, и все вокруг старались устроить мою личную жизнь. Как бы я ни боялась никогда не выйти замуж, еще больше меня страшили свидания вслепую.

Я вежливо ответила:

– Нет, спасибо. Я уже встречаюсь с одним человеком.

И это было правдой.

Несмотря на мой отказ, Бет продолжала рассказывать мне о Джессе, приятном мужчине, с которым она познакомилась в церкви. Мать Джесса, Шэрон, когда-то преподавала в нашей школе и трагически погибла в автомобильной аварии. Другие учителя и бывшие ученики с любовью вспоминали ее доброту, и каждый год один из учащихся старших классов награждался стипендией в память о ней. Я не сомневалась, что эта преданная своему делу женщина воспитала прекрасного сына; мне просто не нравились свидания вслепую.

Настойчивость стала визитной карточкой Бет. Она постоянно спрашивала, не хочу ли я познакомиться с Джессом, а я наотрез

отказывалась. Я снова объясняла, что уже встречаюсь с одним человеком и меня это устраивает.

А потом эти отношения улетели в дальние края – в буквальном смысле.

Тем летом мужчина, с которым я встречалась, уехал и прислал из аэропорта письмо, в котором сообщал о своем решении расстаться со мной. Я открыла это письмо с огромной надеждой и тут же ощутила на щеках горячий румянец унижения.

Казалось, моя личная жизнь умерла смертью настолько мрачной, что о реанимации не могло быть и речи. Вера говорила мне, что Бог со мной, но я сомневалась, распространяет ли Он свое присутствие на мои сердечные дела. Я решила, что мои юношеские пророчества могут сбыться: действительно, если Чудо когда-нибудь выйдет замуж, это будет настоящее чудо.

В школе снова начались занятия, и я переехала на новое место. Это не было спонтанным решением. О моих планах снять другую квартиру стало известно в коллективе, и благодаря «сарафанному радио» подруга нашла мне жилье неподалеку от школы.

Эти дни были наполнены яркими эмоциями. Я обожала учить и веселилась вместе со своими учениками, которые смотрели на меня широко раскрытыми глазами. Когда они говорили: «Мисс Чудо, вы – лучшая учительница на свете», это сглаживало острые углы жизни. Но я по-прежнему была одинока и хотела встретить человека, с которым у меня могло сложиться общее будущее.

День за днем я проверяла тетрадки и смотрела из окна моего нового патио на ухоженную маленькую площадь. Разноцветье ярких вазонов с ниспадающими лианами радовало глаз, поздние летние цветы цеплялись за ограждения балкончиков. Эта территория принадлежала сразу двенадцати многоквартирным зданиям. Я могла бы поселиться в любом из них и еще не знала, что выбор этой конкретной квартиры был частью удивительного плана моей судьбы.

Проходили месяцы. Летние вазоны исчезли с площади, и теперь вместо них за балконные ограждения цеплялись лед и снег.

Однажды пронизывающе холодным февральским утром я соскребала снег с ветрового стекла машины и разговорилась с соседом, который жил этажом ниже. Он был высок, дружелюбен, мой ровесник, с широкой голливудской улыбкой. Обычно мы здоровались на лестнице и перебрасывались парой слов. Честно говоря, я уже начинала в него влюбляться – а ведь мы даже не были знакомы.

В это февральское утро моего симпатягу-соседа обеспокоила безопасность других жильцов – тротуары, покрытые толстой ледяной коркой, стали очень скользкими. Он предупреждал каждого, кто проходил мимо, об опасных участках, и я поняла, что он, ко всему прочему, еще и добрый. Очищая наши машины ото льда, мы болтали, и он спросил, где я работаю.

– В школе на Второй улице, – ответила я.

Его лицо озарилось интересом, и снова мелькнула эта зажигательная улыбка.

– Там преподавала моя мама, – с гордостью сообщил он.

– Правда? – переспросила я. – Может быть, я ее знаю?

– Нет, – проговорил он тихим голосом, который звучал словно издалека и был полон печали. – Она погибла в автомобильной аварии.

Он принялся описывать прекрасные качества своей матери и рассказывать о стипендии, которую учредили общими усилиями ее родственники, ученики и друзья. Но слова эти звучали приглушенно, словно, для того чтобы добраться до моего мозга, им приходилось пройти через длинный туннель. Мое дыхание перехватило на морозном воздухе. Мой сосед, который представился как Джесс, был тем самым мужчиной, с которым я отказывалась знакомиться уже больше года! И вот он здесь, рядом со мной.

За девять лет, прошедшие со времен того памятного открытия, случилось многое. Мы с моими учениками собирали деньги для стипендиального фонда памяти Шэрон Льюис, сдавая в переработку алюминиевые банки. Мои мрачные прогнозы о том, как сложится моя жизнь, не оправдались. Моя фамилия все-таки изменилась, и я преподавала в школе до самого рождения нашего прекрасного малыша.

Теперь в ветреные ледяные утра я прижимаюсь к своему мужу Джессу в нашем теплом доме – и по-прежнему чувствую себя чудом.

Джанин Льюис

Дождь из роз

*Подкреплял бы вас языком моим и движением губ
утешал бы.*

Иов, 16:5

Мой брат Джин прилетел ко мне в гости в Нью-Гэмпшир из Айовы, чтобы насладиться зрелищем осеннего листопада. Утром в День святой Терезы, 1 октября, мы первым делом поехали смотреть на красочные пейзажи нашего штата. Я питаю особую любовь к святой Терезе, которая обещала своим последователям дождь из мистических роз во времена невзгод.

Долгий день любования листопадом затянулся, я очень ослабела и устала – это следствие моего рассеянного склероза. Джин решил, что нам на сегодня хватит, и велел мне отдохнуть, пока он ведет машину.

Мы ползли по загруженному шоссе около часа, когда мимо нас на большой скорости пронесся темный седан. Я услышала, как мой брат ахнул, и открыла глаза. Машина с мигающими тормозными огнями взлетела в воздух, несколько раз перевернулась и приземлилась в лесу.

Мой брат свернул к обочине и побежал к перевернутой машине. Сумерки сгущались, видимость ухудшилась. Он обернулся и крикнул мне:

– В машине никого нет!

Я позвонила в службу спасения.

Джин бродил по высокой траве и подлеску в поисках человека, который был в машине. Он нашел немало обломков автомобиля, но не жертву аварии.

Еще несколько человек остановились у обочины, чтобы помочь ему. С четверть часа они тщательно прочесывали землю вокруг места происшествия. А потом в полной тишине Джин услышал тяжелое дыхание. Они нашли молодого человека в двухстах метрах от машины.

Брат вернулся.

– Диана, ты мне нужна. Он еще жив. Ты ведь медсестра...

Я сообщила в службу спасения, что водитель пострадавшего автомобиля найден. Джин помог мне выйти из машины и пробраться на костылях через кювет, заросший густыми сорняками, в придорожный лесок. Перед нами без движения лежал молодой человек.

Судорожные вдохи чередовались с периодами отсутствия дыхания – симптомы тяжелой травмы головы и близости смерти.

Джин взял из машины фонарик и посветил в лицо пострадавшего. Он был совсем юн, почти подросток.

Я поклялась, что он не умрет в одиночестве.

Я отвела с его лица темные каштановые волосы и заглянула в его глаза, открытые и тусклые. Вены на его шее вздулись, пульс был быстрым и неожиданно сильным.

А потом его дыхание почти прекратилось.

– Дыши, милый, – сказала я вслух, и взяла его за руку. Его кожа была еще теплой. Я погладила юношу по щеке и ощутила под пальцами колючую темную щетину. – Давай же, милый, дыши!

Он с трудом вдохнул.

Я сидела спиной к шоссе, поэтому не видела происходившей там суеты. Брат сказал, что прибыла полиция. Через пару секунд я услышала уверенный голос, пообещавший, что «скорая» выезжает.

Наклонившись к лицу юноши, я заговорила с ним, глядя по щеке и проверяя пульс. Он был по-прежнему сильным. Мои волосы касались его лица. Я не могла отвести взгляд от его глаз.

– Давай же, вдохни, милый.

И он вдыхал. Кровь текла из его рта и носа. Я прочистила его дыхательные пути, погладила по плечу и сжала его руку в своей. На моей коже была его кровь.

А потом – тишина.

– Он перестал дышать, – окликнула я полицейских. Через кювет бежали санитары.

Когда они взялись за дело, я держала одну руку на пульсе юноши, а второй держала его за руку. Пульс слабел. Рука холодела.

Я взмолилась: «Боже, если этого человека нельзя спасти, то прими его с распростертыми объятиями».

Когда медики укладывали юношу на носилки, стали видны серьезные ранения головы.

Брат помог мне встать и подвел к машине «скорой». Из салона вышел санитар в пластиковой форме и в резиновых перчатках, чтобы смыть с меня липкую кровь. Я дрожала. Он спросил, нужен ли мне кислород, нормально ли я себя чувствую. Я объяснила ему, что у меня рассеянный склероз и что я дрожу всегда.

– Да, я в порядке.

Было холодно, нас попросили подождать в машине и заполнить

необходимые документы.

Когда полицейский взял наши заявления, он сообщил, что медики добились появления слабого сердечного ритма. Незвестного молодого человека в критическом состоянии перевезут в ближайшее отделение экстренной помощи. Но прогноз неутешительный.

Я попросила полицейского сообщить родителям юноши, когда их найдут, что он не был один, не приходил в сознание и не испытывал боли. Что о нем молились. Если бы я оказалась на месте его матери, мне было бы важно знать это.

Большую часть пути до дома мы молчали. Все происшествие казалось каким-то нереальным. Брат переходил от гнева к унынию из-за ощущения своей беспомощности. Но были и другие чувства – любовь и глубокое сострадание к этому мальчику, совершенно нам не знакомому.

В тот вечер полицейский позвонил нам с братом, чтобы поблагодарить за то, что мы известили службу спасения, нашли юношу и все время были рядом с ним. Он передал мое сообщение его семье прямо перед тем, как медики объявили о его смерти.

Последние дни перед отъездом Джина мы провели в Белых горах, наслаждаясь прекрасными видами. Меж нами царили покой и безмолвное понимание. Мы знали, что поодиночке не справились бы с этим страшным происшествием. Но вместе мы облегчили человеку переход в иной мир. Может быть, это утешит его родителей. Как знать...

Год спустя, первого октября, в День святой Терезы я навещала свою сестру в закрытом монастыре Святой Крови. Она внимательно выслушала наш рассказ об аварии и том молодом человеке. Потом откинулась на спинку стула, пристально посмотрела на меня и назвала имя юноши.

Я была потрясена. Значит, она уже слышала эту историю.

– Подожди здесь, не уходи, – попросила она.

Через несколько минут она привела из часовни бабушку и дедушку молодого человека. Они искали женщину на костылях и ее брата, которые не оставили их внука умирать в одиночестве. Сегодня они приехали в часовню, чтобы поблагодарить святую Терезу за то, что она послала верующих людей быть рядом с ним в трудный час.

И мне почудилось, что вокруг нас медленно падают мистические розовые лепестки.

Диана Амадео

Заколдованный браслет

*И ныне чего ожидать мне, Господи? Надежда моя
– на Тебя.*

Псалтирь, 39:7

Когда мне было шестнадцать лет, мама и папа купили мне браслет для шармов^[10] в лучшем ювелирном магазине города Сиракузы, штат Нью-Йорк. Я была в восторге. Браслет был сделан из 14-каратного золота, и каждый выбранный папой и мамой шарм имел символическое значение, известное мне одной. Золотая фигурка чирлидерши, маленькая туфелька с крохотным бриллианчиком и чудесный кружок из золота с перидотом и гравировкой в честь моего дня рождения, который наступил в августе... Я обожала этот браслет и надевала его по разным особым случаям.

Он стал для меня еще более ценным с тех пор, как мама умерла. Хотя у меня оставался лучший в мире отец, я ужасно скучала по маме, и браслет помогал мне постоянно ощущать связь с ней.

Окончив школу медсестер, я получила работу в одной из местных больниц в отделении ортопедии. Правила запрещали нам носить много украшений, поэтому единственный браслет не покидал мою руку. Мои пациенты часто хвалили его за красоту, а я с удовольствием рассказывала его историю.

Больница располагалась в холмистой части города, и парковка для медсестер находилась у подножия холма. Однажды снежным январским утром я припарковала машину и начала с трудом подниматься к больнице. Я была укутана от холода с ног до головы, как эскимос. Снег и ветер делали подъем еще более трудным, и к тому времени как я вошла в холл, мое тело, казалось, превратилось в ледышку. Я даже не сразу сняла варежки.

Заступив на пост, я начала готовиться к раздаче лекарств. И только тогда заметила, что мой браслет исчез!

Расстроенная, я побежала в раздевалку и принялась за лихорадочные поиски. Я заглянула и в варежки, и в шапку, перетряхнула шарф в наивной надежде, что браслет окажется в одном из этих предметов. Но его нигде не было. Мне стало дурно.

Я потеряла главное материальное напоминание о матери!

Мне едва удавалось сосредоточиться на работе, но я каким-то образом продержалась до утреннего перерыва. Как только он начался, я торопливо натянула свою зимнюю амуницию и помчалась по заснеженному холму вниз, к парковке, надеясь, что браслет свалился у меня с руки и лежит где-то рядом с машиной.

Добравшись до парковки, я расстроилась еще больше. Всю ее территорию недавно почистили снежным плугом. У заборов были навалены целые горы снега.

Мой драгоценный браслет пропал навсегда. Я поплелась обратно к больнице, рыдая, как ребенок.

Одна из медсестер-монахинь, сестра Анна, заметила мое заплаканное лицо и попыталась меня утешить. Я рассказала ей о своей горькой утрате. Она пообещала помолиться за меня и посоветовала вознести особые молитвы святому Антонию, покровителю поисков всего потерянного. Я тут же начала молиться.

К весне я уже смирилась с фактом, что мой браслет пропал навсегда. Тот ювелирный магазин давно закрылся, а больше нигде в нашем городке такие изделия не продавались. К тому времени мы со святым Антонием уже почти перешли на «ты». По нескольку раз в день я возносила к нему кроткие просьбы вмешаться и найти мой безнадежно потерянный браслет. Думаю, святого тогда занимали более важные дела.

Однажды утром во вторник другая медсестра отыскала меня в палате.

– С тобой хочет поговорить наш уборщик, – сообщила она.

Я была очень занята и попросила сказать ему, что встречу с ним позже. Я заметила Майка во время обеденного перерыва.

Он начал издали – мол, зима в этом году была необыкновенно снежная, сугробы тают до сих пор... Я слушала его и не могла понять, к чему ведет эта светская беседа о погоде.

– Вчера, разбивая лопатой снег, я заметил одну блестящую штучку, – продолжал он. – Я подобрал ее и положил в карман, а потом показал сестре Анне. Она посоветовала показать ее вам.

В его руке блеснул мой браслет! Он был немного помят, но все же пережил зиму и вернулся ко мне.

Мои глаза наполнились слезами. Я едва сумела прошептать «спасибо» и от всего сердца обняла Майка.

Мой браслет починили, и он выглядит как новенький. Теперь я не ношу его каждый день из страха снова потерять, но когда надеваю на руку, то остро осознаю чудо, которое произошло благодаря пересечению путей моей матери и святого Антония.

Марианна Лавалле-Винсент

Находка в горах Шотландии

Он уповал на Господа; пусть избавит его, пусть спасет, если он угоден Ему.

Псалтирь, 22:8

Все мои родственники родом из Северной Ирландии, но будущий муж двоюродной сестры был шотландцем. Поэтому они решили пожениться в Бреймаре, живописной деревушке, которая на протяжении столетий давала приют королям, знати и людям искусства. Деревня была окружена легендарными шотландскими горами с их коттеджами с соломенными крышами, изумрудно-зелеными пастбищами, глухими чащами, скалистыми утесами, изобилием диких животных и выгибающимся каменными мостиками над холодными, как лед, говорливыми ручьями.

Неудивительно, что мне не терпелось погулять по окрестностям, но обязанности, связанные со свадьбой, поглощали большую часть времени. Церемония проходила в древней каменной церкви, полной тепла и света. Но следующий день у меня выдался свободным, так что я взял напрокат горный велосипед и отправился в горы. Я позвонил матери из телефонной будки, чтобы предупредить ее, что меня весь день не будет. Она попросила:

– Если увидишь белый вереск, сорви мне пару веток. Это к удаче. Пурпурный вереск тоже хорош, но белый считается особенно сильным талисманом.

На подъем ушел час, но шотландские горы не обманули моих ожиданий. Я остановился у реки, которая протекала мимо домика с белеными стенами, и увидел, как в воде прыгает и плещется рыба. Кролики и серые белки скакали и резвились, в тени деревьев на другом берегу отдыхал красавец-олень. В воздухе тучами носились стрекозы, бабочки и другие насекомые. Я словно очутился в мультике «Бэмби» – и поэтому назвал одного из кроликов Тампером.

Я поднимался в гору вдоль русла реки, пока не добрался до моста. На другой его стороне начинались ярко-зеленые пастбища, купавшиеся в солнечном свете. В поле за мной погналось стадо коров. Это было довольно страшно, пока до меня не дошло, что они пошли за мной в надежде получить что-нибудь вкусненькое. Когда я остановился, они все тоже замерли и дружно уставились на меня. Я сделал шаг к ним – они

отступили. Они могли бы оставить от меня мокрое место, но боялись меня больше, чем я их. Совершенно сюрреалистическое переживание для жителя большого города!

Дальше по пути я встретил ежа, огромных улиток, птиц, названий которых не знал, дикую козу и рыжую лису. Ежик свернулся в клубок при моем появлении. Я присел рядом и стал ждать, когда он развернется и снова побежит. Я так увлекся наблюдением за ним, что не заметил, как накатил волна густого тумана. Ясный день сменился предгрозовым сумраком за какие-то полчаса, доказав справедливость известной британской шутки: «Если вам не нравится погода, просто подождите пятнадцать минут».

Солнце скрылось, температура резко упала. Тучи темнели на глазах, становясь все более грозными. Второпях собираясь на прогулку, я не взял ни куртки, ни одеяла, ни воды. Я попрощался с ежиком и направился, как мне казалось, к дому. Но все проселочные дороги и тропинки выглядели одинаково. Солнце исчезло за тучами, так что я не мог по нему ориентироваться. Я крутил педали около часа, прежде чем признал самому себе, что безнадежно заблудился. Мелькнула мысль: «Я знаю, что ехал вначале на запад, потом на север. Ах, если бы у меня был компас!..»

Но компаса у меня не было. У меня не было вообще ничего. Идеальный рецепт для катастрофы: ни подходящей одежды, ни пищи, ни компаса, ни прохожих, которых можно попросить о помощи (я уже много часов не видел ни одной живой души). Помимо всего прочего, надвигалась яростная гроза. Я нашел убежище в заброшенном амбаре, дожидаясь, пока кончится дождь, и растирая себя руками, чтобы не замерзнуть окончательно. Не желая провести ночь на холодном, как лед, сене, я снова пустился в путь.

Стало еще темнее, и у меня начинали проявляться первые симптомы переохлаждения. Я миновал небольшой холм, заросший пурпурным вереском. На самой его вершине была маленькая полянка белого вереска – единственная встретившаяся мне за весь день. Я подумал: «Ладно, если здесь найдут мое окоченевшее тело, я буду держать в мертвых руках белый вереск, который просила сорвать для нее моя любимая мама».

Я положил велосипед на бок и стал карабкаться на вершину холма. Отламывая ветку вереска, я увидел под ней что-то блестящее. Это был... компас! Я чуть из кроссовок не вывалился от удивления. Именно о нем я и просил!

Рядом не было ни одного признака человеческого присутствия, никаких следов на земле. Это был дешевый пластиковый компас, но

работал он отлично.

Направление, которое он мне указал, было противоположно тому, куда я собирался ехать. Добравшись в конце концов до города, я узнал, что сегодня была одна из самых сильных гроз, какие только знавали эти места за пару столетий. Возможно, я замерз бы до смерти, если бы не нашел компас. Но разве так странно, что здесь случилось чудо, подумал я. Ведь это Божий край, один из самых живописных уголков земли, когда-либо созданных Им.

Насквозь промокший и заледеневший, я приехал домой и вручил матери белый вереск. Вечером, сидя вместе с родственниками у камина и слушая завывающий снаружи ветер и дождь, я рассказал свою страшную историю.

Я поблагодарил маму за то, что она попросила меня найти для нее белый вереск, – и Бога, подарившего мне скрытый под вереском компас.

Марк Рикерби

Фил и Луи

Так как Сын Человеческий не [для того] пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить.

Евангелие от Матфея, 20:28

– Прошу вас, Фил, поищите моего сына во Вьетнаме, хорошо?

Конечно, это была моя матушка. Она разговаривала с совершенно незнакомым человеком после службы в нашей деревенской церкви в Коттонвуде, штат Миннесота. В одном из своих писем ко мне во Вьетнам она рассказывала о братьях Палермо, Филе и Луи. За последние три года начиная с 1969-го они совершили пять поездок в Юго-Восточную Азию – и снова собирались туда. Спонсируемые организацией *World Vision*, они несли миссию духовного служения военнослужащим, беженцам, узникам войны и пациентам в госпиталях и больницах – словом, любому, кто нуждался в ободрении и воодушевлении.

Мысленным взором я видел, как матушка взволнованно дожидается ответа на свой вопрос. Неужто она не понимала, что во Вьетнаме служат десятки тысяч морских пехотинцев?

– Что ж, мэм, почему бы вам не написать сыну? Напишите ему, чтобы он знал о нашем приезде. Возможно, мы побываем на его базе, – ответил Фил. Он носил с собой маленькую книжицу, в которую вносил записки от родственников в Штатах, адресованные сыновьям или дочерям, служившим в армии. Мама смотрела, как он записывал: «Терри Гниффке, Коттонвуд, Миннесота».

Письма от мамы снабдили меня более подробными сведениями. Она наставляла меня: «Высматривай там двоих невысоких итальянцев, которые поют под гитару и аккордеон».

Я более чем скептически отнесся к вероятности встречи с ними – что во Вьетнаме, что в любом другом месте.

Несколько месяцев спустя, когда я шел на службу в часовне на авиабазе Бьенхоа, мне показалось, что я слышу звуки гитары, аккордеона и голоса людей, поющих в стиле госпел^[11]. Я опоздал на службу, потому что вместе с экипажем собирал бомбы и ракеты для истребителя, обеспечивавшего поддержку с воздуха во время осады провинциальной столицы, города Анлок.

Перед часовней потрясали своими инструментами два низкорослых итальянца, которые пели со знакомым миннесотским акцентом. Словно кусочек родины! Я как бывалый морпех с одиннадцатилетним стажем сидел в задних рядах. Потом Фил заговорил о личных отношениях с Богом и о том, как можно найти покой в этой истерзанной войной стране.

Что-то произошло в моем сердце и разуме, когда он стал произносить слова из Откровения Божьего.

Я едва дождался возможности поговорить с ними после службы.

– Я – Терри Гниффке из Коттонвуда, штат Миннесота. Моя мама просила меня найти вас, когда вы будете здесь. Она годами молилась о том, чтобы Бог был на первом месте в моей жизни. Вы помолитесь со мной?

В тот вечер я посвятил свою жизнь Властелину мира. Мамины молитвы обо мне были услышаны, и жизнь моя изменилась навсегда.

Через тринадцать лет, когда война во Вьетнаме давно окончилась, я жил в Южной Калифорнии и работал продавцом систем кондиционирования воздуха. Меня рекомендовали супружеской паре, которая жила неподалеку. Познакомившись и обсудив вопросы о кондиционерах, мы стали говорить о жизни. Выяснилось, что все мы прежде жили в Миннесоте. Потом разговор свернул на более серьезные темы и я объяснил, как пришел к вере в Бога.

– Я был морпехом, служил во Вьетнаме, и однажды вечером пошел на службу в часовню, а там оказались два маленьких итальянца...

Не успел я закончить фразу, как женщина расплакалась. Всхлипывая и вытирая глаза, она произнесла:

– Это были мои папа и дядя!

Теперь уже мы втроем смахивали слезы. Эта женщина, Филлис, оказалась дочерью Фила Палермо. Они с мужем Джимом недавно переехали в Калифорнию из Миннесоты.

Совпадение? Нет, божественное назначение. Напоминание о настойчивых материнских молитвах за своего сына, оказавшегося так далеко от дома.

– А что поделывают Фил и Луи Палермо теперь? – спросил я.

– Они были поющими евангелистами, – с гордостью принялась рассказывать Филлис, – объехали 55 стран мира за 60 лет служения, 37 лет проработали в миссии «Молодежь за Христа» и даже участвовали в крестовых походах Билли Грэма.

Она продолжала:

– Луи с женой по-прежнему живут в Миннесоте, а мои папа и мама – всего в паре минут отсюда. Я знаю, он с удовольствием увидится с вами

снова, – с улыбкой закончила она.

Вскоре мы с Филом встретились, а потом нам представилось еще несколько возможностей поделиться тем, что творил в нашей жизни Бог за эти годы.

Прошло еще 18 лет. На панихиде по Филу Палермо я рассказал нашу историю сотням его друзей и родственников. Я завершил свою речь словами: «Если бы не Фил и Луи Палермо, я не стоял бы здесь сегодня, зная, что мы снова увидимся на небесах».

Дарлин Палермо со слов Терри Гниффке

Я сделаю тьму светом

И поведу слепых дорогою, которой они не знают, неизвестными путями буду вести их; мрак сделаю светом пред ними и кривые пути – прямыми: вот что Я сделаю для них, и не оставлю их.

Исаия, 42:16

Несмотря на свое плохое зрение и куриную слепоту, я поняла, что водитель автобуса высадил меня не перед школой, где я должна была вести вечерние занятия, а где-то в другом месте.

– О нет, здесь темно как в гробу, я пропала! – воскликнула я в отчаянии. – Что мне теперь делать?

Мое сердце бешено заколотилось. Я старалась дышать глубоко и не паниковать.

Я стала молиться, чувствуя, как от ужаса у меня все внутри переворачивается: «Господи, я вляпалась в неприятности, и мне страшно. Ты знаешь, где я, а я – нет. Пожалуйста, помоги мне найти дорогу».

Но как я могла услышать ответ Бога, пока сердце мое заходило от тревоги? Я сделала над собой усилие, чтобы успокоиться.

Наконец посреди паники возник отчетливый ответ: «Иди туда, где видишь огни».

Я прищурилась – и там, где еще минуту назад ничего не было, разглядела в отдалении огонек, который сиял как маяк. Я ощутила умиротворенность и почувствовала, что Бог ведет меня.

Пока я шла к свету, моя белая трость постукивала по бетону. Какая-то невидимая Сила помогала мне не сходить с тротуара.

В конце концов я дошла до места, которое показалось мне автомобильной парковкой, и добралась до фасада здания. Когда я переступила его порог, знакомый голос окликнул меня:

– Пэм, что ты делаешь здесь, в моей церкви, так далеко от своего дома?!

– О, Сюзан! – Я даже поперхнулась от невероятного облегчения, узнав свою невестку. – Я заблудилась по дороге на занятия. Автобус высадил меня не на той остановке. Как я рада встретить тебя! – и потом, задыхаясь, я поведала ей свою историю.

Сюзан обняла меня.

– Я оказалась здесь, на занятиях по изучению Библии, как раз в тот момент, когда тебя необходимо было найти. Мы обе знаем, что это не просто совпадение.

Я улыбнулась и согласно кивнула.

Пока Сюзан везла меня в школу, я рассказывала, каким путем шла к ее церкви. Когда мы проезжали это место, Сюзан воскликнула:

– Здесь же по обе стороны от дорожки вырыты десятифутовые траншеи!

Я сидела потрясенная. Бог избавил меня от неминуемой опасности и повел путями, которых я не ведала.

Пэм Боствик

Телефонный звонок

*Ты прекраснее сынов человеческих; благодать
излилась из уст Твоих; посему благословил Тебя Бог на
веки.*

Псалтирь, 45:2

Снег продолжал решительное наступление за окнами пансионата для инвалидов. К позднему вечеру я забеспокоилась, в каком состоянии будут дороги, когда придет пора ехать домой. Шла последняя неделя перед Рождеством. Мне уже следовало быть в пути, но девушка-администратор, которая должна была сменить меня, позвонила и сказала, что не смогла завести машину. Почему именно мне так не повезло застрять на работе, вместо того чтобы пить дома горячее какао и украшать рождественскую елку?!

Пронзительно зазвонил телефон. Ответив не самым вежливым тоном, я услышала мужской голос:

– Это прокат машин «Авис»?

Я постаралась сохранить спокойствие.

– Нет, телефон нашего пансионата на одну цифру отличается от «Ависа». Давайте я назову вам их номер, чтобы вы в следующий раз попали правильно.

Я закончила диктовать номер и пожелала своему собеседнику веселого Рождества. Но когда я собиралась повесить трубку, он вдруг сказал:

– Подождите минутку, пожалуйста!

– Да?

– Я понимаю, это звучит глупо, но я должен спросить: вы верите в чудеса?

Я выпрямилась в кресле, ошарашенная таким вопросом от совершенно незнакомого человека.

– Разумеется. А почему вы спрашиваете?

– Постараюсь рассказать коротко. Мои родители недавно погибли в автомобильной аварии. У меня не осталось никого, кроме бабушки. Она живет где-то в Виргинии, и я не виделся с ней с тех пор, как был маленьким. Мой дядя поместил ее в пансионат для престарелых, когда сам уже не смог ухаживать за ней. Он тоже уже отправился на небеса. Я должен

спросить... в вашем заведении, случайно, нет некой Грейс Шеперд?

Мое сердце забилося сильнее, когда я услышала знакомое имя. Я представила себе человека, который задерживает дыхание на другом конце провода, пока я прислушиваюсь к льдинкам, барабанившим по окну.

– Вы еще здесь? – в конце концов окликнул он меня.

– Да, я здесь. Как жаль, что я не могу дать вам информацию! Политика неприкосновенности частной жизни запрещает мне отвечать на такие вопросы. Но директор пансионата будет здесь в понедельник утром.

– Я понимаю, вы заботитесь о своих подопечных, – голос молодого человека был полон печали. – Спасибо вам за потраченное время – и счастливого Рождества.

– Подождите!

– Да?

– Виргиния – прекрасное место для празднования Рождества! Я назову вам наш адрес на случай, если вы в ближайшее время будете в наших краях!

– Благослови вас Господь!

В канун Рождества я приехала на работу раньше обычного. Гирлянды перемигивались на украшенных елках. Гимны доносились из комнат наших жильцов, пока я разносила утренние газеты.

Я проходила мимо комнаты Грейс Шеперд – и вдруг застыла на месте. Грейс сидела в своей любимой качалке, на ее коленях лежала раскрытая Библия. На табурете прямо перед ней сидел красивый молодой человек с кудрявыми темными волосами. Его рука нежно сжимала руку Грейс, которая читала историю Рождества.

Вдруг Грейс заметила меня.

– Пол, вот та женщина, которая помогла тебе найти меня! Мэри, пожалуйста, зайдите и познакомьтесь с моим внуком Полом!

Я вошла, пряча слезы. Молодой человек поднялся с табурета и взял мои руки в свои.

– Как я могу отблагодарить вас за то, что вы привели меня к бабушке?

Покачивая головой, я попыталась заговорить несмотря на ком в горле:

– Мы оба знаем, что это – рождественское чудо!

– Да, это так... С Рождеством!

– И вас тоже, Пол. С Рождеством, Грейс!

Возвращаясь в приемную, я вознесла к небесам благодарственную молитву.

– Отче, теперь я понимаю, почему должна была тогда задержаться допоздна. Спасибо Тебе за чудо в Рождество и за твою неизменную

благодать... И за Грейс и Пола тоже!

Мои губы неудержимо расплывались в улыбке. Это будет чудесное Рождество!

Мэри Смит

Фамильное сходство

Надейся на Господа всем сердцем твоим и не полагайся на разум твой.

Притчи, 3:5

Миссис Мартина Хаймес, женщина, которую я видела первый раз в жизни, посмотрела на меня и произнесла слова, которые навсегда изменили мою жизнь. Через десять минут после того, как я приехала на вечеринку к подруге, она бросила на меня один-единственный взгляд и объявила:

– Девочка, да ты прямо копия Сандры Пенн!

Я искала свою родную мать более двадцати лет. Единственное, что я о ней знала – что ее фамилия была Пенн. После разговора с этой очаровательной женщиной я поняла, что это не совпадение. Миссис Хаймес прослезилась, и мы обе согласились, что Бог свел нас вместе ради чего-то необыкновенного. Мы это чувствовали.

Хотя она большую часть своих подростковых лет провела в общении с Сандрой Пенн, они очень давно не виделись. Миссис Хаймес даже нечасто вспоминала о ней – вплоть до этого момента.

И мы принялись искать Сандру Пенн. Сестра миссис Хаймес оказалась последней, кто с ней связывался. Нужно было только найти телефон Сандры и позвонить ей.

Через две недели она это сделала – и все решилось! Спустя семнадцать дней после знакомства с миссис Хаймес мои поиски родной матери, напоминавшие охоту за иголкой в стоге сена, закончились. «Иголка» позвонила на мой сотовый.

Мы воссоединились ровно через неделю после моего тридцать четвертого дня рождения. Увидев Сандру, я поняла, почему так разволновалась тогда миссис Хаймес. Я действительно была копией мамы.

Фамильное сходство занимало меня всю жизнь, сколько я себя помню. Мои приемные мама и папа были замечательными людьми, но я была совсем на них не похожа. Ни папиных глаз, ни маминой улыбки – ничего общего. И только встретив свою родную семью – мать, брата, сестру и маленькую племянницу, – я словно увидела в них свое отражение. Я не только похожа на мать – я копия своей младшей сестры. Мой брат и племянница сочетали в себе те же фамильные черты.

Бог свел нас ради чего-то необыкновенного. Мы это чувствовали.

Пэм Дюран-Обри

Познакомьтесь с нашими соавторами

Бернадетта Агронски – обладательница диплома бакалавра, полученного в университете Ксавье (Новый Орлеан, Луизиана), и степени доктора медицины от университета Лесли (Кембридж, штат Массачусетс). Она работает в библиотеке и ведет семинары по личным дневникам. Бернадетта считает, что ведение дневника – весьма эффективное средство, когда нужно разобраться со своими жизненными истинами. С ней можно связаться по адресу: bagronsky712@gmail.com.

Диана Амадео замужем за Леном уже 34 года. У них трое детей и трое внуков. Помимо написания книг, статей и рассказов, Диана с удовольствием общается со своим биглем, наслаждается путешествиями и снимает урожаи в оранжерее. Это ее седьмая публикация в серии «Куриный бульон для души». Адрес ее электронной почты: DA.author@comcast.net

Моника Андерманн – писательница, живет на Лонг-Айленде вместе с мужем (и редактором) Биллом и их котом Чарли. Ее работы широко публикуются в Интернете и бумажных изданиях. Несколько ее рассказов вошли в книжные серии «Куриный бульон для души» и «Чаша утешения» (*A Cup of Comfort*).

Ким Армстронг – медсестра с тридцатилетним стажем. Она опубликовала две книги рассказов о чудесном исцелении безнадежно больных пациентов. Ким живет в Западной Пенсильвании с мужем, дочерью и сыном. Пишите ей по адресу: kimdarlenearmstrong@embarqmail.com или зайдите на ее вебсайт: www.kimarmstrong.net.

Пэм Дюран-Обри – писатель-фрилансер, мама и бывшая модель «больших размеров». Она – выпускница университета Темпла и обладательница диплома бакалавра по специальности журналистика. Кроме того, Пэм – сертифицированный инструктор «Майкрософта» и ведет курсы в школе компьютерной грамотности. Сейчас она работает над своим первым романом. Пишите ей по адресу: pameladurant@comcast.net.

Мите Банерджи нравится быть писательницей, учительницей, матерью, женой и подругой. Она страстная защитница окружающей среды и старается заразить своим энтузиазмом всех детей вокруг. Мита живет в соответствии с девизом: делать как минимум одно доброе дело в день. Ей можно написать на электронную почту: mitabaner@gmail.com.

Стив Барр создает свои карикатуры в крохотной хижине в горах

Северной Каролины. Его работы публикуются в самых разных газетах и журналах; кроме того, он автор и иллюстратор серии «Раз, два, три – рисуй» (*1–2–3 Draw*), учебных книг по изобразительному искусству. Пишите ему: stevebarr@windstream.net.

Киша Басс писала статьи для двух онлайн-изданий, *The Christian Pulse* and *sober24.com*. Она также публикуется в издании *Vista*, выпускаемом издательством *Wesleyan Publishing House*, и *Living Magazine*. Она обожает петь, танцевать и играть в спортивные игры. Сейчас Киша работает над завершением своего первого христианского художественного романа. Ее электронный адрес: keishabass@att.net.

Синтия Билык готовится к получению диплома бакалавра по психологии. Не так давно она ушла с работы и стала «домашней мамой». Она любит читать, гулять на свежем воздухе и работать волонтером. Электронная почта Синтии: ufodonkey@gmail.com.

Многочисленные статьи **Пэм Боствик** публикуются в христианских журналах, газетах и антологиях, а также в «Курином бульоне для души». Несмотря на частично утраченные слух и зрение, она получает удовольствие от своего деревенского дома, любит бывать на пляже, играет на гитаре и работает консультантом-волонтером. У нее семеро детей, одиннадцать внуков и она счастлива во втором браке. Пишите ей по адресу: pamloves7@verizon.net.

Конни Штурм-Кэмерон – оратор и автор книги «Мягкие тычки Бога» (*God's Gentle Nudges*). Ее произведения публиковали десятки раз, в том числе и во многих книгах серии «Куриный бульон для души». У состоящих в браке 31 год Конни и Чака – трое детей и трое внуков. Свяжитесь с Конни через сайт www.conniecameron.com или по электронной почте: connie_cameron@sbcglobal.net.

Тереза Чан – предприниматель, путешественница и писатель из Торонто, провинция Онтарио. Это ее второй рассказ, опубликованный в серии «Куриный бульон для души»; первый вышел в сборнике «Куриный бульон для души невесты». История Терезы – дар всем ангелам в ее жизни. Электронный адрес Терезы: tccsheba@yahoo.ca.

Джейн Макбрайд-Шоути училась в университете Бригама Янга, где и получила диплом бакалавра с отличием. Следующие 35 лет она работала матерью «на полную ставку», а теперь с удовольствием исполняет обязанности бабушки четверых прекрасных внуков. В свободное от игр с ними время Джейн читает или пишет.

Джери Крайсонг живет в Хантингтон-Бич, штат Калифорния, где ее часто можно встретить на прогулке с мопсом Мейбл. Джери очень нравится

быть бабушкой Лукаса и Клэя. Она любит Гавайи и фотографию. Сейчас Джери пишет о своем пути через похудение к здоровью и благополучию. Блог Джери, посвященный освобождению от лишнего веса: <http://jchrysong.wordpress.com>.

Джоан Клейтон – учительница на пенсии. Джоан признана «Женщиной года – 2003» в своем родном городе и дважды упомянута в справочнике «Кто есть кто среди американских учителей». Она ведет колонку о религии в своей местной городской газете. Посетите ее сайт www.joanclayton.com.

Бобби Клемонс-Демут родом из Вашингтона, но сейчас «живет полной жизнью» со своим мужем Томом в районе Залива в Калифорнии. Они любят вместе путешествовать и исследовать окружающие достопримечательности, например озеро Тахо, долину Напа и Санта-Крус.

Дениза Колтон-д'Агостино живет во Флориде, где работает в департаменте шерифа и на протяжении 23 лет занимается волонтерской работой в службе помощи жертвам сексуального насилия. У нее две дочери, Шалейн и Кристина, удочеренные в Румынии в 1991 г. Дениза и Барбара Канале стали подругами во время процесса удочерения.

Это реальная история, которая случилась с **Полой Коте**, когда она молилась о своей девятилетней внучке.

Лиза Джо Кокс – вдова, мама замечательной дочери Брианны. Она готовится получить диплом по информационным технологиям. Лиза работает в детском саду в Споттсвиле, штат Кентукки. Она любит читать, писать, вязать крючком и хотела бы научиться вязать на спицах. Электронный адрес Лизы: Breezmom37@yahoo.com.

Дженнифер Крайтс живет в основном в Гонолулу, пишет и фотографирует. Ее тексты и фотографии, посвященные путешествиям, жизни и культуре, кулинарии, образованию, природе и науке, публикуются в журналах и книгах во всем мире. Другие работы Дженнифер вы сможете найти на сайте www.jennifercritesphotography.com.

Лиза Калп живет недалеко от Ниагарского водопада в Онтарио, вместе с мужем и двумя детьми. Лиза любит писать, бегать, играть в хоккей и проводить время со своей семьей. Сейчас она работает над своей первой нехудожественной книгой об одной западноканадской хоккейной команде. Связаться с ней можно по электронной почте: leesadculp@yahoo.ca.

Барбара Дейви защитила дипломы бакалавра и магистра в университете Сетон-Холл, где выбрала специализацией английский язык и педагогику. Почти 25 лет она проработала вице-президентом по маркетингу и связям с общественностью в лечебно-образовательной клинике. Она

увлекается фриланс-журналистикой, ведением дневника и часто посещает этнические рестораны вместе с мужем Рейнольдом Бекером. Ее электронная почта: BarbaraADavey@aol.com.

Венди Дилэйни – профессиональный педагог, окончила Висконсинский университет. Она преподавала в общественных и частных школах Висконсина и Чикаго, где и живет сейчас. Венди любит путешествовать, играть в гольф, ездить на велосипеде и заботиться о своей дочери Маргарет. Она надеется вскоре опубликовать свою первую книгу для детей.

Дебора Дерозье – мать четверых детей и бабушка двоих внуков. Любит рыбалку и рукоделие и пишет стихи.

Кристи Дагган преподавала в средней школе более 14 лет. Кристи любит фотографировать, рукодельничать и проводить время со своими детьми. Ее мать и бабушка – писатели.

Священник **Мэри Эдвардс** – писательница, редактор, издатель, основатель гильдии христианских писателей в Детройте, штат Мичиган, www.thecalledandreadywriters.org. Мэри уже участвовала в одной из книг серии, «Куриный бульон для афроамериканской души». Пишите ей по адресу: edwardsmd@sbcglobal.net.

Диана Ганзер – профессиональный писатель. Она живет в Миннесоте с мужем, детьми и своими домашними питомцами. Ее веб-сайт: www.dianeganzer.com.

Джин Гигглман освоил профессию ветеринара в Техасском А&М университете и получил диплом в 1981 г. Он работает администратором колледжа, преподает анатомию человека и ведет небольшую ветеринарную практику. Он любит читать, ездить на мотоцикле и велосипеде, рыбачить, работать в саду, гулять на свежем воздухе и общаться с внуками.

Терри Гниффке – активный деятель своей церкви, генеральный менеджер *Caliber Media Group, Inc.* и сооснователь организации «Вебсайты для героев» (*Websites for Heroes*). У Терри и его жены трое взрослых детей. Отец и дядя **Дарлин Палермо** были странствующими проповедниками-евангелистами и колесили по миру более 60 лет. Их истории – его наследство.

Синди Голчук живет недалеко от Лас-Вегаса, штат Невада, вместе с мужем, внуком Заком и двумя собаками, которые держат весь дом в своих крепких лапах. В свободное время Синди любит читать, гулять с подругами, переписывать свои рукописи, предназначенные для женской аудитории, и шлифовать три книжные серии для младших подростков.

Розмари Гудвин родилась в чудесной деревушке Бери-Сент-Эдмендс

в английском графстве Суффолк. Ее родную деревню вы можете увидеть на вебсайте www.Rosemary-Goodwin.com. Перебравшись в США вместе с мужем-военнослужащим, Розмари поселилась в Новой Англии и сейчас живет в историческом городе в Восточной Пенсильвании.

Джуди Ли Грин – отмеченный наградами автор и оратор, чьи корни уходят в Аппалачские горы. Выросшая в Теннесси и вскормленная кукурузными лепешками, она сотни раз публиковала свои работы и получила за них десятки наград. Источник многих историй Джуди – ее собственная семья. Она живет в Теннесси. Найдите ее в Интернете: JudyLeeGreen@bellsouth.net.

Хайди Грош (www.heidigrosch.com) – писательница и деятель просвещения, она ежедневно прославляет чудо образования. Хайди работает в норвежской школьной системе, пишет для журнала *Norwegian American Weekly* (www.norway.com) и разрабатывает новый веб-сайт, главная тема которого – английский как язык международного общения (www.childrensliteraturenetwork.org).

Илэйн Хэнсон живет в Форт-Коллинзе, штат Колорадо, поблизости от Вона и его семьи. Рассказав свою историю на уроке изучения Библии, она с радостью узнала, что **Линда Осмундсон** хочет записать ее для одной из книг «Куриного бульона для души». Рассказы Линды были опубликованы в восьми книгах этой серии; на ее счету более 60 других публикаций.

Донна Хартли – международный оратор, владелица компании *Hartley International*, бывшая Мисс Гавайи и автор книги «Добавь огня в свою жизнь!» (*Fire Up Your Life!*). Донна пережила катастрофу самолета DC-10, победила меланому и перенесла операцию на открытом сердце. Она – мать удочеренной девочки, которая привносит в ее жизнь силу Огня. Пишите ей по адресу: hartley@dannahartley.com.

Мэнди Гастингс – псевдоним Дженни Айви, которая живет в Теннесси. Она газетный колумнист и автор трех книг. Мэнди публикует многочисленные работы в жанрах художественной и нехудожественной литературы, в том числе рассказы для нескольких книг серии «Куриный бульон для души». Свяжитесь с ней по адресу: jivey@frontiernet.net.

Джонни Хокинс на протяжении 24 лет профессионально занимается карикатурой. Его работы публиковались в более чем 600 периодических изданиях и сотнях книг. Он создает несколько карикатурных календарей-ежедневников, в том числе профессиональных – для медиков, рыбаков, учителей и т.д. Джонни живет в Шервуде, штат Мичиган, с женой Кариссой и тремя маленькими детьми. Ему можно написать по адресу: jonnyhawkins2nz@yahoo.com.

Тереза Энни Хейден – писательница, живет в Кейси, штат Кентукки, с мужем Майком. У них трое детей и шестеро внуков. Работы Терезы публикуются в изданиях *Catholic Digest*, *Rural Kentuckian* и *The Western Kentucky Catholic*, где целое десятилетие выходила ее колонка «Помолитесь об этом».

Дэвид Хирен написал немало книг, включая серию из пяти книг о баскетболе, основанную на изобретенной им статистической системе *Tendex*. Его последняя книга «Снова по Его стопам» (*In His Steps Again*) является обновленной версией классического произведения Чарльза Шелдона, написанного в 1896 г. Его электронная почта: epoch7@comcast.net.

Кристи Хемингуэй обожает свою жизнь в Денвере, штат Колорадо, где работает учительницей, писательницей и актрисой. Ее идеальный день состоит из работы в саду, прогулки на велосипеде, французской кухни, танцев и объятий с мужем и двумя детьми. Не так давно она завершила работу над духовными мемуарами и своим первым романом. Пишите ей электронные письма: klhemingway@comcast.net.

Писатель, хорошо известный на телевидении и в театре, **Дуг Хейес-младший** получил диплом психолога в Южно-Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Страстный любитель спорта и свежего воздуха, он регулярно участвует в триатлонах, гонках столетия и других испытаниях на выносливость. Он также трудится как санитар экстренной помощи и лыжник-патрульный на курортах Южной Калифорнии. Его адрес: thelivingproof@earthlink.net.

Жанна Хилл – писательница, оратор-вдохновитель, пишущий редактор журнала *Guideposts*. Ее отмеченные наградами рассказы и статьи часто выбирают для антологий. Она ведет ежемесячные колонки в журналах и опубликовала две вдохновляющие книги: «Ежедневное дыхание» (*Word Books*) и «Секреты молитвенной радости» (*Judson Press*).

Морган Хилл – бывший менеджер по работе с клиентами, ведущая и актриса, имеет магистерский диплом по специальному образованию. Преподавая в Лос-Анджелесе, Морган надеется, что прозрения из ее собственной биографии вдохновят учеников из бедных районов на первую работу и позитивные планы после окончания учебы. Шлите ей письма: mhwriter5@gmail.com.

Уоррен Холланд получил диплом бакалавра в университете Вашингтона и Ли в 1990 г., а магистерский диплом по международному бизнесу – в университете Южной Каролины в 1993 г. Сейчас он трудится в американском банке «Меррилл Линч» и живет в Шарлотте, штат Северная

Каролина, с женой и тремя детьми.

Кристен Хоуп получила диплом магистра по английскому языку в колледже Государственного университета Нью-Йорка в Брокпорте. Сейчас она живет в Южной Флориде вместе с дочерью и преподает английский язык в средней школе и колледже. Любит читать, писать и плавать и пишет роман для молодых. Шлите ей письма по адресу: athopekristen@hotmail.com.

Эллен Яверник – учительница вторых классов в Лавленде, штат Колорадо. Когда Эллен не занята преподаванием или писательским трудом, она с удовольствием проводит время с десятью внуками. Ее последние книжки с картинками – «Именинный любимец» и «Что, если бы так стали делать все?»

Би-Джей Йенсен – автор-исполнитель песен, писательница, оратор и драматург, была директором поющего хора «Любовь в движении» с 1990 г. (www.signingchoir.com). Она замужем за Дугом Йенсеном, своим главным болельщиком и сторонником. Они наслаждаются жизнью в Сан-Диего, штат Калифорния, неподалеку от своих трех замечательных внуков. Пишите ей по адресу: jensen2@san.rr.com.

Пэт Кейн, которая живет в Джоплине, штат Миссури, со своим мужем Уолтером и двумя йоркширскими терьерами, – публикуемый автор. Она любит писать рассказы и романы для детей и вдохновляющие истории о реальных событиях. Пэт – член Общества авторов и иллюстраторов детских книг и Гильдии писателей Миссури. Ее электронный адрес: patcurtis@sbcglobal.net.

Кэтлин Райс Кардон вышла на пенсию в 2009 г., ранее преподавала английский язык учащимся средних классов. Она драматург, актриса и член местной писательской группы, которая собирается ежемесячно, чтобы создавать стихи, художественную и нехудожественную литературу. Кэти любит проводить время с детьми, внуками и своим бульдогом. С ней можно связаться по адресу: kathkard@satx.rr.com.

Хайди Круменауэр опубликовала более 1200 статей в газетах и журналах. Она автор девяти книг и соавтор более чем десяти книжных проектов. Ее профессиональная карьера – менеджмент высшего звена в страховой компании. Хайди и ее муж воспитывают двоих сыновей в Южном Висконсине.

Линн Уорли Кунц – отмеченный наградами автор. Среди ее работ – пять книг для детей, журнальные и газетные статьи для периодических изданий, эссе и рассказы для разных антологий. Она была соавтором пяти фильмов для детей и одного фильма для семейного просмотра.

Электронная почта: saralynnk@hotmail.com.

Том Лагана – профессиональный оратор, писатель, волонтер и инженер. Он был соавтором ряда книг: «Куриный бульон для души узника», «Куриный бульон для души волонтера», «Служить времени, служить другим» и «Служение продуктивному времени». Его контакты: P.O. Box 7816, Wilmington, DE19803, Tom@TomLagana.com или веб-сайт www.TomLagana.com.

Марианна Лавалле-Винсент – исполнительный директор дома престарелых в Оберне, штат Нью-Йорк. Марианна опубликовала три сборника стихотворений и сотни рассказов. Она живет в Сиракузах, штат Нью-Йорк, вместе с дочерью Джесс и ее семьей.

Джанин Льюис – писатель-фрилансер, живет в центральной части Кентукки вместе с мужем и двумя детьми. Прежде публиковала свои работы в нескольких газетах, журналах и трех антологиях «Куриного бульона для души». Пишите ей на электронный адрес: jlewis0402@netzero.net.

Джей Льюис – отмеченный наградами писатель-вдохновитель. Она видит жизнь с уникальной точки зрения, прославляя чудеса повседневности. Джей с удовольствием стала членом семьи «Куриного бульона для души». Она живет и творит в горах Виргинии. Посетите веб-сайт Джей: www.entertainingangels.org.

Сандра Лайф посвятила жизнь своим пятерым детям (и их супругам), один из которых – родной, а четверо – усыновленные ею и Ричардом в Корею. Сегодня ее «светом в окошке» стали десять внуков, из них один усыновлен. Сандра остается активным волонтером церковной и общественной деятельности.

Дебре Мэнфорд 55 лет, у нее трое взрослых детей и много внуков. Она работает со взрослыми, страдающими психическими заболеваниями. Дебра любит свою работу, любит жизнь и искренне верит, что лучшее еще впереди! С ней можно связаться по электронной почте: free_2bee@hotmail.com.

Тина Вагнер-Маттерн – писательница, живет в Портленде, штат Орегон. С ней случаются разные чудеса, и она благодарна судьбе за них. Это уже третий ее рассказ, опубликованный в «Курином бульоне для души». Пишите ей по адресу: freddiestina@gmail.com.

Моника Мацнер – мать двоих прекрасных сыновей, Колби и Блейка. Свободное время она обычно проводит на спортивных соревнованиях и играх, в которых участвуют мальчики. Моника – магистр IT, работает программистом и веб-дизайнером.

Линн Макграт занимается служением вместе с мужем, пастором Дональдом Макгратом, уже более 20 лет. Она обожает своих шестерых детей: Сару, Кристал, Джоша, Джесса, Бетани и Энни. Линн любит посмеяться, увлекается кемпингом, чтением, пением и видит Господа за работой в человеческих жизнях. Она живет во имя Иисуса.

Кимберли Маклахан – жена, мать четверых детей, писательница и христианский оратор. Бывший корпоративный менеджер, консультант и преподаватель колледжа по менеджменту и маркетингу, она написала книгу, которая поддерживает женщин, страдающих от бесплодия, молитвами и осознанием цели в жизни (www.infertilityprayerresource.com).

Терри Энн Миган выросла в Огайо, где происходит действие большинства ее рассказов. После переезда в Англию в 1991 г. Терри с удовольствием пишет о родственниках, друзьях и общих воспоминаниях. Ее работы опубликованы в нескольких книгах и журналах, включая некоторые антологии «Куриного бульона для души».

Дэвид Милотта, пастор-пенсионер, пережил несколько сверхъестественных событий, что привело его к изучению паранормальных явлений. Готовящаяся к выходу книга Дэвида, «Белые вороны – особые посланцы Бога», посвящена этим событиям. Дэвид живет с женой на Гавайях, любит виндсерфинг и серфинг с веслом и разводит датских догов. С ним можно связаться по электронной почте: milottad001@hawaii.rr.com.

Марта Мур много лет преподавала английский язык. Она автор трех романов для молодежи и школьников. Она считает, что детские впечатления очень важны. Некоторые из них сами по себе являются чудесами, а другие становятся чудом, когда мы ими делимся.

Патрисия Моррис замужем, мать троих детей. Рассказ «Ангел горчичного зерна» – это послание веры, вдохновленное ее покойной дочерью Терой и друзьями, с которыми они встретились на своем пути. www.mycmsite.com/patmorris.

Лиза Доленски, автор рассказа, – мама троих чудесных детей, работает воспитательницей в яслях и «литературным негром»; ее сайт: www.wingblots.com.

Иоланда Мортимер родилась в Торонто, а сейчас живет в Уайлдвуде, штат Миннесота, со своим мужем Дугом и золотистым ретривером Бароном. У нее трое взрослых сыновей – Стив, Дэн и Боб. Всю свою жизнь она пела в хоре, ей всегда нравилось писать. Это ее первая публикация.

Лава Мюллер живет в Вермонте. Она обожает ходить в походы с дочерью, играть в игры с сыном и устраивать свидания с мужем в хороших ресторанах. Лава просыпается каждую ночь в три часа, чтобы

помедитировать и поблагодарить Бога за восхитительную благодать, которой наполнена ее жизнь. Ее электронный адрес: lavamueller@yahoo.com.

Бриттани Ньюэлл, страстная любительница оперного пения, недавно написала свой первый роман. Ее рассказы публикуются в «Курином бульоне для души», изданиях *Dylan Times* и *The Ark Newspaper*. В 2008 г. ее пьеса удостоилась почетного упоминания на Фестивале молодых сценаристов в рамках Национального конкурса сценарных работ. Бриттани 16 лет, она учится в средней школе.

Гершель Ньюман занимается серьезной писательской работой лишь последние десять лет, но всю взрослую жизнь считался замечательным рассказчиком. К тому же он умелый фотограф, любит ездить на мотоцикле вместе со своим клубом. Он женат; вместе с супругой они с удовольствием берут на себя роль наставников молодоженов. Пишите ему по адресу: ZoomN500@juno.com.

Мэри Трейси О'Киф – магистр богословия, духовный директор, ведущая радиопрограммы, писательница, оратор и президент *Well Within* – некоммерческого оздоровительного центра в Сент-Поле. Информацию о ее книгах и презентациях можно найти на веб-сайте Мэри, www.marytreacyokeefe.com, или написав ей по адресу: mary.treacy.okeefe@gmail.com.

Ромона Олтон получила диплом бакалавра (с отличием) и диплом магистра по специальности «химия» в университете Вест-Индии в 2005 г. Она преподает естествознание в школе второй ступени в Западном Тринидаде. Ромона любит каякинг, пешие походы и работу с детьми. Пишите ей на электронный адрес: romona_olton@hotmail.com.

Шэрон Паттерсон – преподаватель на пенсии, жена профессионального военного и лидер в женском церковном служении, пишет вдохновляющие произведения более тридцати лет. Среди последних публикаций Шэрон – две книги: «Сила солдата – в псалмах» и «Как исцелить зияющие дыры в наших душах».

Донна Полсон живет на острове Мартас-Виньярд со своими четырьмя детьми, собакой и кошкой. Она работает в местной консультационной службе для пожилых людей, любит писать, читать хорошие романы, ходить в церковь, веселиться с друзьями и родственниками и искать морское стекло. Пишите ей по адресу: dpaulson31@verizon.net.

Жизель Рейс воспитала в своих детях веру в чудеса и радость жизни. Она росла в Бельгии во время Второй мировой войны и сражалась в рядах Сопротивления вместе со своими братьями, сестрами и родителями.

Жизель позволила **Марии Терезе Миллер** написать о чудесном исцелении Мариетты в надежде, что этот рассказ вдохновит других. Посетите веб-сайт Марии Терезы Миллер: www.marie-theresemiller.com.

Келли Стюарт Рич получила дипломы бакалавра и магистра образования в Юго-Западном колледже. Она всю жизнь живет в Хоббсе, штат Нью-Мексико, где они с мужем воспитывают четверых детей. Пишите Келли на электронную почту: krich@valornet.com.

Марк Рикерби – писатель-фрилансер, живущий в Калифорнии. Его работы уже публиковались в «Курином бульоне для вдохновения тела и души» и «Курином бульоне для души: старше и мудрее». Информацию о его проектах можно получить, зайдя на сайт www.MarkRickerby.com или отправив ему электронное письмо по адресу: markjrickerby@yahoo.com.

Кортни Раск получила диплом бакалавра (с отличием) и магистра в области образования для взрослых в Северо-Восточном государственном университете. Она преподает английский язык в двенадцатых классах в Пайнвилле, штат Луизиана, где живет с мужем и двумя детьми. Кортни обожает читать, преподавать и проводить время со своей семьей. Пишите ей по адресу: courtleerusk@yahoo.com.

Мишель Седас – автор книг «Встречайте дождь» (*Welcome The Rain*) и «Живи вдохновленным» (*Live Inspired*) и соавтор книги «Сила 10 %» (*The Power of 10 %*). Она ведущая программы *Inspired Living Café* и со-основатель клуба *Running Moms Rock*. Мишель окончила Техасский университет А&М и живет в Техасе с мужем и детьми. Зайдите на ее веб-сайт: www.michellesedas.com.

Профессиональная писательская карьера **Вероники Шайн** началась после успешной карьеры в сфере моды, туризма и шоу-бизнеса. Она страстная путешественница, постоянно проживает в Испании и США. Работы Вероники публикуются в журналах и на веб-сайтах, она участвовала в создании двух сборников. С ней можно связаться по электронной почте: mediterraneandreams@msn.com.

Дэвид Майкл Смит верит в чудеса, и в первую очередь в три особенных чуда – его жену Джери и двоих детей, Ребекку и Мэтью. Днем он работает специалистом по маркетингу в Министерстве сельского хозяйства, а по вечерам становится писателем. У него много публикаций, в том числе в антологиях «Куриного бульона для души». Его электронный адрес: davidandgeri@hotmail.com.

Лорел Смит – автор детских книг, живет в Нью-Гэмпшире. Вместе с сыновьями Лорел пишет роман о Революционной войне, основанный на опыте своей семьи. У Лорел есть еще три рукописи в работе. Контакты –

через электронную почту: dwedcola@nhvt.net.

Мэри Смит живет в Ричмонде, штат Виргиния, с мужем Барри, с которым они вместе уже 33 года. Они радуются приездам взрослых детей и внуков. Когда Мэри не занята созданием историй для своих любимых изданий – вроде «Куриного бульона», *Guideposts* и *Angels on Earth* – она обычно выгуливает своего рэт-терьера Фрэнки или занимается садоводством.

Мариза Снайдер окончила университет в 1992 г., занималась преподаванием и координировала религиозные программы. Бог благословил ее жизнь двумя сыновьями и большой любовью. Мариза больна болезнью Штаргардта. Ей принадлежит бутик ожерелий. Она пишет стихи, вдохновляющие истории и романы для детей младшего подросткового возраста. Связаться с ней можно по адресу: marisasboutique@yahoo.com.

Джонна Стейн счастлива в браке, у нее двое задиристых сыновей. Она с удовольствием преподает чтение детям, страдающим дислексией, обожает читать и писать. Ее рассказы публиковались в «Курином бульоне для души», изданиях *Guide*, *Susie Magazine* и *Discipleship Journal*. Ее первый юмористический роман для школьников почти готов найти себе издательский дом.

Дон Стори – мать, писательница и системный аналитик в крупной корпорации. Хотя ее работа связана с написанием технических текстов, она любит создавать вдохновляющие рассказы в надежде поднять дух читателей.

Марша Сверинген – писатель-фрилансер в сфере нехудожественной литературы. Ее колонка «Прозрачные мысли» регулярно выходит на сайте www.madetomatter.org. Рассказы Марши также публикуются в антологиях «Куриного бульона для души», *Guideposts* и *A Cup of Comfort* и многочисленных местных изданиях. Они с Джимом женаты 39 лет, у них есть замужняя дочь. Пишите Марше по адресу: mswearingen@comcast.net.

Эми Тейт, член Общества авторов и иллюстраторов детских книг и Американского общества христианских писателей-беллетристов, пишет для детских журналов, региональных изданий и «Куриного бульона для души». Эми живет в Бунс-Милл, штат Виргиния, и сейчас работает над романами для школьников. Она ведет блог (thevirginiascscribe.blogspot.com) и любит проводить время с семьей.

Работы **Донны Тети** публикуют в журнале *Guideposts* и в серии Сесил Мерфи *Christmas Miracles*. Она также является победительницей конкурса писательского семинара *Guideposts*. Донна надеется нести утешение

скорбющим своими вдохновляющими произведениями. Ее сайт: donnateti.com; электронный адрес: donnateti@verizon.net.

Ар-Джей (Ребекка) Тесман живет и пишет в самом сердце Канзаса, где также преподает на курсах английского как второго языка. Она любит ухаживать за своим садом, готовить и читать, а также редактировать и писать. Вместе с ней живут сын и кот преклонных лет.

Терри Тодд живет и творит в канадском городке Портидж-ла-Прери, в провинции Манитоба, где исполняет обязанности административного помощника в муниципалитете. Они с мужем Йоном – гордые родители троих взрослых детей и радуются двоим чудесным внукам. Пишите им по адресу: jltodd@mts.net.

Кристен Торрес-Торо в 2007 г. получила диплом бакалавра английского языка в колледже Токкоа-Фоллс, а спустя всего три недели оказалась в джунглях Амазонки. Она миссионер организации *Adventures In Missions* и надеется когда-нибудь опубликовать роман. С ней можно связаться по адресу: kristentorrestoro@gmail.com.

Конни Вагг – уроженка Калифорнии, секретарь на пенсии, мать двух дочерей и бабушка четверых внуков. Ежегодно в Рождество она по традиции печет для каждого из своих близких пряничные домики, и все родственники и друзья любовно называют ее «Пряничной леди». Первый рассказ Конни был опубликован в книге «Куриный бульон для души. Живая католическая вера». Свяжитесь с ней по адресу: svagg@netzero.net.

Мэри Вон получила образование, будучи уже замужем и воспитывая пятерых детей. Ею движут крепкая вера и любовь к семье и друзьям. Для Мэри каждый день – это шанс выполнять Господню работу. Рассказы **Салли О’Брайен** публиковались в нескольких изданиях. Ей можно написать по адресу: sobrien95@msn.com.

Беверли Уокер живет в Гринбрайере, штат Теннесси, с мужем-пенсионером. Она любит писать, фотографировать и создавать альбомы из рисунков своих внуков. Ее рассказы опубликованы во многих книгах серии «Куриный бульон для души» и «Коты-ангелы. Божественные посланцы утешения».

Эмили Уивер – писатель-фрилансер, живет в Спрингфилде, штат Миссури. Ее работы не раз входили в альманахи «Куриного бульона для души». У нее трое детей, она любит проводить время с мужем, ухаживать за садом и путешествовать.

Шэннон Вудворд живет и работает в Мэрисвилле, штат Вашингтон, вместе с мужем (пастором церкви «Часовня на Голгофе») и двумя их детьми. Она ведет колонку в издании *Christian Women Online*, внесла свой

вклад в ряд антологий и написала три книги в жанре нехудожественной литературы. Контакты Шэннон: www.shannonwoodward.com или www.windscraps.blogspot.com.

Элиза Ягер – мама двоих замечательных подростков, хозяйка двух кошек, крольчихи Миз Элмер и четырех золотых рыбок. В перерывах между писательской работой она грезит об издательском успехе. Элиза работает в отделе кадров. Пишите ей по адресу Proud2blefty@yahoo.com., она будет благодарна за отзывы!

Познакомьтесь с нашими создателями

Джек Кэнфилд – соавтор серии «Куриный бульон для души», которую журнал «Тайм» назвал «издательским феноменом десятилетия». Джек также является соавтором многих других книг-бестселлеров.

Джек – генеральный директор *Canfield Training Group* в Санта-Барбаре, штат Калифорния, и основатель «Фонда за самооценку» в Калвер-Сити, штат Калифорния. Он ведет увлекательные семинары персонального и профессионального развития по принципам успеха. Его аудитория уже перевалила за миллион; он выступает в 23 странах, перед сотнями тысяч людей в более чем тысяче корпораций, университетов, на профессиональных конференциях и съездах. Джек также известен многомиллионной аудитории телепрограмм в США.

Кэнфилд – обладатель множества наград и почетных званий, включая три почетные докторские степени и сертификат Книги рекордов Гиннеса за одновременное появление семи книг из серии «Куриный бульон для души» в списке бестселлеров «Нью-Йорк Таймс» 24 мая 1998 г.

С Джеком можно связаться через сайт www.jackcanfield.com.

Марк Виктор Хансен – сооснователь серии «Куриный бульон для души» вместе с Джеком Кэнфилдом. Марк – востребованный оратор, автор бестселлеров и знаток маркетинга. Идеи Марка о возможностях и действии серьезно повлияли на тысячи организаций и миллионы людей во всем мире.

Помимо серии «Куриный бульон для души», Марк выпустил немало книг-бестселлеров и создал большую библиотеку аудио- и видеоматериалов и статей на темы смелого мышления, достижений в продажах, укрепления здоровья, издательского успеха, личностного и профессионального развития. Он также стал основателем серии семинаров *MEGA*.

Марк – обладатель многочисленных наград, воздающих должное его предпринимательскому духу, отзывчивому сердцу и деловой хватке. Он избран пожизненным членом Ассоциации выдающихся американцев Горацио Элджера.

С Марком можно связаться через сайт www.markvictor-hansen.com.

Лиэнн Тиман – признанный профессиональный оратор, писательница и медсестра, которая «случайно» приняла участие в движении по усыновлению вьетнамских сирот в 1975 году. Книга Лиэнн «Должно быть,

это мой брат» (*This Must Be My Brother*) рассказывает о ее рискованных приключениях во время спасения 300 младенцев, когда Сайгону угрожали коммунисты. О Лиэнн и ее невероятной истории рассказывали специальные выпуски *Newsweek Magazine's Voices of the Century*, *Fox News*, *CNN*, *PBS*, *BBC*, *PAX-TV* и бесчисленные радио– и телепрограммы.

Сегодня Лиэнн – известный оратор-мотиватор. Она вдохновляет людей искать гармонию в своей жизни, жить согласно своим приоритетам и делать этот мир лучше.

После того как ее первый рассказ вышел в сборнике «Куриный бульон для материнской души», Лиэнн стала одной из самых популярных авторов серии.

Лиэнн – одна из примерно десяти процентов ораторов, имеющих квалификацию *Certified Speaking Professional Designation*. В 2008 г. она вошла в ряды национального Зала славы ораторов.

Лиэнн и Марк, за которым она замужем уже 40 лет, живут в Колорадо.

Благодарности

Первые слова благодарности всегда адресованы авторам наших рассказов. Мы знаем, что вы вкладываете сердце и душу в истории, которыми делитесь с нами, а в конечном итоге и с миром. Мы ценим вашу готовность рассказать о своей жизни читателям «Куриного бульона для души». Ваши истории о чудесах будут истинным благословением для множества людей: мы это знаем, потому что получаем бесчисленные письма со словами о том, как наши книги изменили жизнь их авторов.

Мы можем опубликовать лишь небольшую часть присланных рассказов, но прочитываем их все до единого. Истории, которые не попадают в сборник, тоже оказывают влияние на нас и на всю книгу. Мы просим вас продолжать участвовать в создании будущих книг «Куриного бульона для души».

Особое спасибо друзьям и собратьям-писателям, чей вклад и заключительные правки отшлифовали этот сборник: Карен Кишпо, Керри Фланаган, Питеру Спрингбергу, Эллен Яверник, Салли Энгеман, Бернис Дуэлло и Джуди Дэниелсон.

Мы благодарим Д’этте Корону, нашего издателя-ассистента, которая успевает работать с десятком проектов одновременно и помогает всем нам сохранять позитивный настрой и сосредоточенность, не выбиваясь из расписания. Наша благодарность – Барбаре ЛоМонако, веб-мастеру и редактору «Куриного бульона», Кристиане Главин, редактору «Куриного бульона» – за ее помощь в работе с финальным вариантом рукописи и вычитке корректуры, и Ли Холмсу, который обеспечивает бесперебойную работу нашего офиса.

Отдельно хочется поблагодарить нашего креативного директора и дизайнера Брайана Тейлора из Rneuma Books за прекрасную обложку, оформление и верстку.

Огромное спасибо – Эми Ньюмарк, издателю «Куриного бульона для души», чье видение, опыт и внимательное отношение создают каждую книгу и делают ее превосходной.

И, наконец, все это было бы невозможно без делового и творческого руководства нашего генерального директора Билла Руханы, и нашего президента Боба Якобса.

Как всегда, спасибо Эми Уильямс, которая управляет ораторским бизнесом Лиэнн, пока та пишет... и пишет.

Огромная благодарность матери Лиэнн, Бернис Дуэлло, чей личный пример обеспечил фундамент для веры и способностей Лиэнн.

И спасибо Богу за Его Божественное руководство и безграничные блага.

О серии «Куриный бульон для души»

Реальные люди делятся реальными историями – вот уже 20 лет. *Куриный бульон для души* шагнул к вам с прилавков магазинов и стал мировым лидером по улучшению жизни. С помощью книг, кино, DVD, онлайн-трансляций и других форм сотрудничества мы несем надежду, мужество, вдохновение и любовь сотням миллионов людей по всему миру. Писатели и читатели *Куриного бульона для души* принадлежат одному родственному глобальному сообществу – они делятся советами, поддержкой, руководством, утешением и знанием.

Истории серии *Куриный бульон для души* были переведены на более чем 40 языков, и их можно найти в сотне стран. Каждый день миллионы людей знакомятся с *Куриным бульоном для души* – в книгах, журналах, газетах или на онлайн-ресурсах. Делясь своими жизненными переживаниями в этих сериях, мы даем друг другу надежду, утешение и вдохновение. Истории эти переходят от одного человека к другому, от одной страны к другой, помогая улучшать жизнь повсюду.

notes

Примечания

1

Никейский символ веры – формула вероисповедания, утвержденная на Первом Никейском соборе (325 г.).

2

Гостия – евхаристический хлеб, который используется в литургии.

Бинг Кросби (1903–1977), голливудский актер и певец, сыгравший, в числе прочих, главную роль в фильме «Светлое Рождество» (1954), где долгожданный снегопад становится символом сбывшихся надежд (*прим. ред.*).

Чарлтон Хестон (1923–2008) – известный американский актер, исполнявший роли Моисея и Иоанна Крестителя (*прим. ред.*).

Синапс – место контакта между двумя нейронами или нейроном и клеткой. Служит для передачи нервного импульса.

Читайте также книгу Чесли Салленберга «Чудо на Гудзоне». М.: «Э», 2016.

«Данкин Донатс» (*англ.* Dunkin' Donuts) – американская (ныне международная) сеть кофеен с пончиками.

Вдова из Сарепты – библейский персонаж, женщина, приютившая пророка Илию, который в благодарность сотворил для нее несколько чудес – в частности, сделал так, чтобы еда в ее доме не кончалась.

Хайди – героиня одноименной книги швейцарской писательницы Иоханны Спири; девочка-сирота, которая живет у своего нелюдимого дедушки на отдаленном пастбище в Швейцарских Альпах.

Шарм – ювелирная подвеска, которую нанизывают на браслет или прикрепляют к нему цепочкой.

Госпел – жанр духовной христианской музыки.